

ЮНОСТЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Выходит с июня 1955 г.

12+

№9 (752) 2018

9 770132 203600

20-я комната

Победители Шмелевского конкурса

Читайте на стр. 85

ЮНОСТЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Выходит с июня 1955 г.

№9 (752) 2018

«ЮНОСТЬ» © С. Краусаускас. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

Наша почта: unost-contact@mail.ru

Наш сайт: <http://unost.org>

Страница на «Фейсбуке»:

<https://www.facebook.com/unost>

На первой странице обложки работа Никаса САФРОНОВА «Девушка с моря, или Предчувствие праздника».

Главный редактор

Валерий ДУДАРЕВ

Редакционный совет:

Ильдар АБУЗЯРОВ

Лев АННИНСКИЙ

Зоя БОГУСЛАВСКАЯ

Анна ГЕДЫМИН

Сергей ГЛОВЮК

Борис ЕВСЕЕВ

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

Елена ИСАЕВА

Валерий КОЗЛОВ

Владимир КОСТРОВ

Нина КРАСНОВА

Татьяна КУЗОВЛЕВА

Евгений ЛЕСИН

Юрий ПОЛЯКОВ

Георгий ПРЯХИН

Владимир РАДЧЕНКО

Ольга РЫЧКОВА

Елена САЗАНОВИЧ

Александр СОКОЛОВ

Борис ТАРАСОВ

Елена ТАХО-ГОДИ

Олег ТОЛКАЧЕВ

Игорь ШАЙТАНОВ

Андрей ШАЦКОВ

Редакционная коллегия:

ответственный секретарь

Сергей АРУТЮНОВ

заведующая отделом литератур народов России и СНГ

Марианна ДУДАРЕВА

заведующая отделом критики

Елена МАКСИМОВА

главный художник

Ольга МАЛЬЦЕВА

заведующая отделом культуры

Татьяна МАХОВА

заместитель главного редактора, заведующий отделами

прозы и поэзии

Игорь МИХАЙЛОВ

заведующий отделом

зарубежной литературы

Евгений НИКИТИН

заведующая отделом молодежи

Анастасия ПОПОВА

заместитель главного редактора,

заведующий отделом публицистики

Евгений САФРОНОВ

заместитель главного редактора

Светлана ШИПИЦИНА

В НОМЕРЕ:

<i>Поэзия</i>		Заведующий редакцией
Сергей НИКОЛАЕВ	4	Игорь РУТКОВСКИЙ
<i>Проза</i>		Отдел юмора
Иван ГОБЗЕВ		Генрих ПАЛОЯН
Я, КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ Повесть.....	15	Редактор-корректор
Владимир КРУПИН		Юлия СЫСОЕВА
РАССКАЗЫ Окончание	29	Верстка и оформление
Альберт ЛИХАНОВ		Ольга МАЛЬЦЕВА
ОГЛЯНИСЬ НА ПОВОРОТЕ, ИЛИ ХРОНИКА ЗАБЫТОГО ВРЕМЕНИ Роман в повестях. Продолжение	45	Фотокорреспондент
Макс СЫСОЕВ		Антон ШИПИЦИН
РЕЗЕРВНАЯ КОПИЯ ВОСПОМИНАНИЙ		Главный бухгалтер
Повесть. Окончание	56	Алла МАТЮХИНА
<i>Страницы Льва Аннинского</i>		Финансовая группа
ЗАМЕТКИ НЕПОЛИТИКА		Лариса МЕЛЬНИКОВА
СЕМЕНОВСКИЙ СТРОЙ	8	Заведующая отделом рукописей
<i>Лицом к миру</i>		Ирина УШАКОВА
БЕСЕДЫ С НИКАСОМ САФРОНОВЫМ		Интернет-версия
БЕСЕДА ТРЕТЬЯ. «ЮНОСТЬ», РОСКОШЬ ХОРОШЕГО ОБЩЕНИЯ, ПОРТРЕТ ПУТИНА, ОБРАЗ СТАЛИНА	11	Борис ДАНИЛОВ
<i>Национальные образы мира</i>		Дежурные по редакции
ЧЕКАН ДУШИ		Людмила ЛОГАЧЕВА
Флюр ГАЛИМОВ		Татьяна СЕМЕНОВА
ПОКАЯНИЕ НАД ПРОПАСТЬЮ Трилогия. Продолжение	102	Татьяна ЧЕРЫГОВА
<i>Уноземный сюжет</i>		Администратор
РУБРИКУ ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ НИКИТИН		Зинаида ПОТАПОВА
Мик Стернер СЕНТ-ПОЛ		
УЖАС МОРЕЙ Окончание	114	
<i>Огарованный странник</i>		
Дмитрий РЯБУШКИН		
СТРАНА САМУРАЕВ ГЛАЗАМИ РУССКОГО	70	

Кулинария

РУБРИКУ ВЕДЕТ НАТАЛЬЯ ЯКУШИНА

Тамара ПОНОМАРЕНКО

БЛОКАДА, БАБУШКА, КУЛЕШ... ..... **117**

Наталья ЯКУШИНА

ГАЛУШКИ С КАПУСТОЙ **120**

20-я комната (от пятнадцати и старше)

ШМЕЛЕВСКИЙ КОНКУРС **85**

Иветта МЕЛИКЯН **85**

Мария МАЛАКАЕВА **89**

Григорий ВОЛКОВ **92**

Анастасия ОВЧАРЕНКО **94**

Валентина ЛАЮРОВА **97**

Анастасия ЧАРКИНА **99**

Творческий конкурс

София АГАЧЕР США **121**

В конце концов

ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ

Владимир КЛЮЧНИКОВ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ С ТОГО СВЕТА Повесть. Продолжение **127**

ЗЕЛЕНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Игорь УСАНОВ

СМЕЛОЕ ИНЖЕНЕРНОЕ РЕШЕНИЕ **140**

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Галка ГАЛКИНА

БОЛЬ ДУШИ **142**

ОКОЛОЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

«БУКЕР». ПОМИНАЛЬНАЯ **143**

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8.

Для почтовых отправлений:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: +7 (499) 251-31-22,

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: +7 (499) 250-40-60

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Авторы несут ответственность
за достоверность представленных
материалов. Мнения автора
и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ООО «Типография
«Миттель пресс»

Москва, ул. Руставели, д. 14, стр. 6.

Тел./факс: +7(495) 619-08-30,

+7(495) 647-01-89

E-mail: mittelpress@mail.ru

Тираж 3 500 экз. Формат: 60x84/8

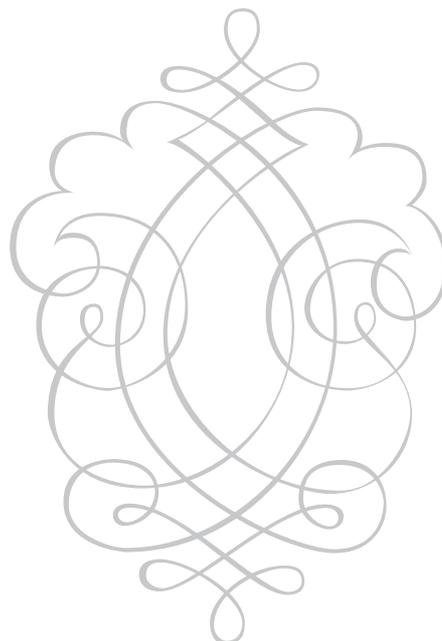
Заказ №

Сергей НИКОЛАЕВ

О себе

Родился в 1966 году в Ленинграде. Член СП Санкт-Петербурга. Занимался в студиях А. Г. Машевского и А. С. Кушнера. Книги: «Непрочное Небо» (2009), «Никто не виноват» (2014). Публиковался в «Крещатике», «Новом журнале», «Петрополе», «Арионе» и «Звезде». Служил в армии, жил в разных городах, побывал во многих углах и дырах России, участвовал в экспедициях в Заполярье и в другие районы, сменил много рабочих профессий, занимался бизнесом. В молодости был профессиональным спортсменом. Сейчас живу в Ленобласти — в маленьком труднодоступном лесном поселке.

* * *

И вдруг зима весной сменилась в январе,
и наша Библия с гравюрами Доре
сама собой на «Откровении» открылась.
На дождь в окно жена смотрела и молилась
об исцелении, но почки на кустах
уже набухли, застревали на устах
слова нетвердые: «О, милосердный Боже!»
А я молчал и думал, что в сырой рогоже
я не пойду босой бродить по деревьям.
Но небо рушилось на руки деревьям,
пронзенным ветром ядовитым с автострады.
И если было в мире что-то вроде правды
пред ликом огненным грядущих катастроф,
то наша маленькая детская любовь.

* * *

Пылает костер. Замолчал козодой.
Поденки вальсируют смерть над водой,
печать Соломона — купена
цветет за палаткой... А Лена
поет под гитару про лето и жизнь
и все повторяет: «Сергея, держись!»

Землица тебе, менестрелю,
не станет пуховой постелью...»
Что верно, то верно! Веселый огонь
по хвосту пляшет, и кажется: тронь
июньское небо за плечи —
ты станешь, как музыка, вечен.
А вместе с тобой — этот лес и листва,
и Лены крестовой простые слова
о том, что у каждого личный
туман многослойный, двоичный,
о том, что в шестом измерении мы,
где связано все: положение Луны
и все, что темно и неровно,
что жизнь хороша
безусловно.

* * *

Заскрипел коростель, и качается тихо куга.
Пучеглазая жаба колышет коричневым зобом.
Человеческий род на Земле — голубая кругла —
как зверушка,
из глины на краткое пиршество создан.

Для чего в этот мир
я был женщиной в муках рожден?
Почему я не зверь, не цветок, не веселая птица?
О, всесильная жизнь
прошумела коротким дождем,
на поляне росу отряхнула с листа чемерица.

Муравей-пилигрим в серебристую каплю одну
окунул рыжеватые усики — в чистую влагу, —
я возьму его нежно, до самых вершин подниму
и домой отнесу потерявшего путь бедолагу.

* * *

По шву мой ватничек распорот.
Мотаю цéпочку на ворот,
и поднимается ведро.
Летунья, черное перо,
ворона скачет на заборе.
Какая боль? Какое горе?
В полнеба обморок зари.
Такой свободою цари
одни лишь пользуются. Значит,
я тоже царь! Ворона скачет.

* * *

Мошкариные сумерки, сизый туман
меж березовых бледных стволов.
Где-то здесь выводила лисица-кума
лисенят на добычливый лов.

Лисенята бежали веселой гурьбой,
нападали внезапно на след,
и пчела обнимает цветок зверобой
и качает цветок огнецвет.

Наклоняется ива к озябшей звезде —
омут робко в лицо целовать.
Эти палые листья пружинят везде,
эти мхи, как живая кровать.

Уложить поплотнее пудовый рюкзак,
брезентуху свою постелить.
Исцеляется тело, светлеют глаза,
и ровнее дыханье
земли.

* * *

Когда четвертый день
по кровле
стучит насупленное небо,
слышнее гул косматой крови,
полнее вкус любви и хлеба.

И машет дерево руками —
мол, это все не наше дело —
когда больными позвонками
хрустит отзывчивое тело.

Оно живет, ломает сушки,
зубами бьет о край стакана.

И на печной играет вьюшке
холодный ветер Себастьяна.

* * *

А под моим тяжелым сапогом
упавшая лесина захрустела.
Прошелестела листьями вдогон
береза. И сейчас, белее мела,
вся роща просияла впереди.

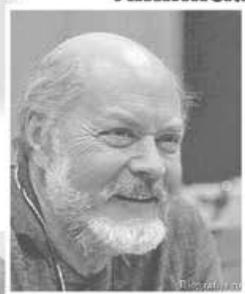
И понял я, что все озарено
Всевышнего заботой: на зерно
пролившаяся влага, муравьи,
и дерева, и мы, что крутолобы, —
родится все, все умирает, чтобы
наш мир стоял отважно на крови
и на любви, и превратился в Слово.
Вот потому-то стужа так сурово
войдет вот в этот лес, как я сейчас
вхожу и растворяюсь без остатка.
И день горит, как белая свеча,
как на костре черновиков
тетрадка!

* * *

Едва ли фантасты придумают мир
чудеснее нашего и бесполезней,
в далекой галактике —
где-нибудь в бездне,
среди поглотивших материю дыр.
Мы наш-то — и это всего интересней —
не можем понять и глядим на ручей,
сквозь камни пробивший до моря дорогу,
журчащий молитву свою понемногу,
извилистый, звонкий, волшебный, ничей,
глядим и на камень таежному богу,
хозяину леса, вчерашний сухарь
кладем осторожно — да примет на ужин!
Вдруг, ветки раздвинув, тропу обнаружим,
ведущую в чашу, где живы: глухарь,
и звонкие сосны, и ветер, что кружит
над каменной — тоже подвижной —
грядой,
и дышит, как зверь, небосвод голубой!

Страницы Льва Аннинского

СЕМЕНОВСКИЙ СТРОЙ

Чтобы начать книгу избранной лирики со стихотворения, написанного в десятилетнем возрасте, мало обладать крепким характером. Надо обладать верой в смысл того, что происходит в реальности. Все проще, если реальность заряжена таким смыслом (строем), как Коммунизм, единственный справедливый строй, светлое будущее и т. п. А если реальность чревата катастрофами (русский бунт, великая революция или хотя бы очередная перестройка), то узреть в ней единый Смысл (строй) можно только по счастью.

Убийство по неосторожности или по преступному наплевизму на смертельную опасность бритвы, ножа или шила, пускаемых в ход при любой ссоре... За неосторожность можно отсидеть срок, за наплевизм на чужую жизнь можно и своей расплатиться. Такова чудовищная, бесчеловечная, неисправимая реальность. Но так ли она неисправима?

А это усваивается уже с детства.

Отцу адресовано.

Воду крутя и пену бросая,
Вот перед нами вал вырастает.
Да, он последний. Но все потонуло.
В мрачном потоке водного гула.
Мир перевернут. Все стало вверх дном.
Все будто скрылось под водным шатром.
Брызги взлетают все выше и выше —
Но лютый гул вдруг становится тише,
Вниз убегают те бурные воды,
Падают, рушатся мрачные своды,

Тихим становится водный простор
Бурям и ветру наперекор.

Поразительно! Как будет отлаживаться мироздание, непонятно. Но порядок — неизбежен!

Проходит четверть века. Стих оснащается словесными находками, выдумками.

Вороблю!

О, воробьями щебечущий куст!
Кинь воробьиное слово из уст,
Стань воробьиственным взводом моим,
Где каждый воин сто крат воробьим.
И без труда воробьящий в тот же миг
В класс воробьящий лихой чик-чирик.
В пир, воробляющий как во хмелю:
Я этот мир без ума вороблю!

Веселая игра на грани подначки не мешает нам почувствовать, что лежит в основе мира. Строй. Предсказуемость. И — любовь.

Незыблемый порядок хранится в мире под воробьяновским покрывалом. Этот Порядок и есть Смысл мира. Строй мира.

И еще... Это уже 2016 год: «Двери судьбы — это когда сердце... пропускает гудящую бездну, вскипает, полощется смерчем. Но ты молчишь, свой невиданный фарт отбывая...»

Невиданный фарт — в нынешнем мире видеть порядок... То есть носить этот порядок в душе.

«Всемирный закон дыхания... на гигантской схеме... замыканий, зигзагов, шагов, ответвлений...»

Где уж тут порядок? Если вся нынешняя лирика вопиет о непроходимой запутанности дорог! О тупиках и срывах путей. Где спастись Строю и Порядку?

В сердце.

Вот это уникальное ощущение:

Я не поэт, я просто птичий грай,
Я чайкин клекот и ворон картавость,
Синичий свист, скворечья филигрань.
Кукушкин счет в ветвях не по уставу.
Я там, в полях, где выстрелы стрижей.

В запрудах, где гусиные органы.
Где речекряк на резком вираже
Над гладью образуется туманной.
Я, может, даже глупенький чирик,
Я воркованье в щели под сараем,
Мне не обидно — это ль не язык,
Что сердцем безотчетно понимаем?

Великий миропорядок, выношенный сердцем.
Там где его тайник. Или, как формулирует Елена Семенова, — «Испытайник».

Определение «Семеновский» отдает чем-то воинским. Семеновский марш. Семеновский полк. Семеновский Порядок.

Я не удержался от игры слов...

Никас САФРОНОВ

БЕСЕДЫ С НИКАСОМ САФРОНОВЫМ

Окончание. Начало в № 7, 8 за 2018 год

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы заканчиваем цикл бесед с художником Никасом Сафроновым. В процессе работы над интервью возникла идея по-катаевски связать имена не только в литературе, но и в живописи.

Выдающийся художник Никас Сафронов любезно согласился представлять на страницах «Юности» новое поколение служителей мастихина, кисти и холста.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ. «ЮНОСТЬ», РОСКОШЬ ХОРОШЕГО ОБЩЕНИЯ, ПОРТРЕТ ПУТИНА, ОБРАЗ СТАЛИНА

«Юность»: А что для Вас значит «Юность»?

Никас Сафронов: Вы, наверное, имеете в виду прежде всего свой журнал. Он для всех нас, рожденных в СССР, — неотъемлемая часть счастливого прошлого, когда все мы были молодыми, не замечали проблем, не вдавались в политические тонкости, просто жили и радовались жизни. И в этой счастливой юности была печатная «Юность» — один из немногих журналов, в котором был дух свободы, иногда даже протеста. В то время, в 70–80-х годах, это было бесценно. Как и то, что «Юность» читали все читающие люди, и поэтому у нас всегда были общие темы для разговоров и споров. То, что печаталось в те годы в «Юности», казалось смелым, я бы сказал, даже дерзким по тем временам.

Мне, как и миллионам граждан Советского Союза, нравилось это название. Даже не понятие «молодость», а именно «юность». Это являлось неким состоянием души, и неважно, сколько тебе лет. Как весна — не время года, а символ обновления, свежести, чего-то нового, так и юность — это начало нового дела, нового этапа в жизни. Когда я еще учился в школе, а мы учились

пять дней в неделю, я особенно любил пятницу, когда занятия заканчивались и я ощущал впереди не просто два свободных дня, а целую жизнь, море свободы! И за то же чувство свободы и начала чего-то нового я люблю апрель. Это мой месяц, я родился 8 апреля, да еще и со знаком бесконечности. Иногда в апреле бывает холодно и промозгло, как, например, было в этом году, но все равно: световой день уже вырос и продолжает расти, дальше и ветер в этом месяце какой-то особенный, когда снег тает на глазах от теплых лучей солнца, и не радоваться тут просто невозможно.

И вот это все заключено для меня в коротком слове «юность» — это и новые планы, азарт. Азарт предстоящего лета, где жизнь кажется бесконечной: это и новая влюбленность, и красивые надежды, ожидания интересных встреч, в общем, ожидание какого-то чуда.

И практически с самого возникновения издания появился на титуле прекрасный рисунок Красаускаса, который с журналом ассоциируется у меня так же, как и его название. Рисунок называется «Юность», что тоже говорит о радости начала, о том, что под облож-

кой мы найдем что-то новое, интересное, молодое и свежее. Стихи удивительных, мало пока известных поэтов, рассказы писателей, еще не затертых временем, почестями, не устоявшихся в своей удобной нише, где им все уже давно понятно и известно и удаётся без сложностей, а вот свежих, может, не так еще уверенных в себе, не таких техничных, но от этого не менее талантливых, смелых, которым есть что сказать. Я помню, были там и рисунки, и живопись, и рассказы о событиях, все в непредвзятой, насколько было возможно, в живой подаче. Мне жаль, что та смелая «Юность» ушла с восьмидесятыми, ушла в то романтическое время, когда мы студентами под гитару пели у костра. Сегодня появилось много нового, может быть, даже слишком много, появились качественные по печати, профессиональные журналы с прекрасными иллюстрациями и продуманным маркетингом, глянец, лоск и иногда даже хороший слог. Но уже нигде не найти сегодня ту простую незатейливую естественность, натуральность, природность.

Я познакомился со Стасисом Красаускасом, когда в 1976 году сразу после армии приехал в Литву. Мне было близко то, что он делал, то, что думал. Для него «Юность» была такой же надеждой, таким же маяком, как и для всех нас, живших в те годы. С его слов, ему было приятно и ответственно связать свое имя с культовым в те годы журналом, а ведь это было действительно так: подписаться на «Юность» было практически невозможно, купить тоже удавалось только по большой удаче. Его из рук в руки передавали, иногда на ночь давали почитать, когда печаталось что-то экстраординарное.

И все равно в то время мы не умели достаточно все это ценить, мечтали о чем-то западном, для нас часто непонятном, недоступном, а от того более заманчивом, привлекательном. Думали, что где-то там и трава зеленее, и шоколад вкуснее, и молоко белее. Оказалось, что нет, не вкуснее. Разнообразнее, может быть, красивее упаковано, но не вкуснее и не здоровее, это уж точно. Наверное, я так говорю, потому что в те годы мы были молодыми и нам все было вкусно и интересно, а еще особенно от того, что всего у нас — и шоколада, и журналов настоящих — тоже было мало. Люди сейчас взрослеют с другими ценностями, я их не осуждаю и даже не обсуждаю, просто мне жаль, что сейчас я не могу назвать такой журнал, который объединил бы в себе столько всего хорошего, полезного и интересного, сколько объединяла для нас «Юность».

Я стараюсь и сегодня сохранить это юное чувство свежести жизни, тот заряд, который я получил в своей юности, и никогда не чувствовать себя усталым, сколько бы я ни работал и сколько бы я ни спал. Хотя ког-

да два года назад ко мне на день рождения приехала Софи Лорен, заметила у меня на темечке небольшую лысину. Сказала, что она все понимает, что все мы не молодеем, но все равно движемся вперед, возвращаясь иногда мысленно в свою молодость, и друзей молодости стараемся не забывать.

«Юность»: Возможно, юность — это и воспоминание?

Никас Сафронов: Для взрослого человека и воспоминание, конечно, тоже. Это как свежий бриз из прошлого, когда из тех лет помнится только хорошее. Как апрельская утренняя суббота, когда мама рядом, а отец уже на работе, но к вечеру обязательно вернется. Это воспоминания о тех детских и юношеских порывах и помыслах, которые потом, много лет спустя, осуществились в моей жизни. Но этого бы не произошло, если бы не то детское, юношеское состояние бесконечной, простирающейся впереди жизни. Я никогда не забываю об этом, потому что благодаря своим юношеским мечтам я стал тем, кем являюсь теперь. Поэтому я бережно стараюсь сохранить в душе то чувство нового, светлого, доброго, то отношение к миру как к таинственному и прекрасному, которое родилось у меня в юности.

Никас Сафронов. История живописи в маске. Холст, масло. 43 x 59. 2007. Копия

Никас Сафронов. Сон Ангела. Холст, масло. 50 x 36. 2009

У всех, кто рождается, растет, живет в дружной семье, любит близких, само собой возникает понятие о добре, сострадании, о достоинстве, главное потом, когда столкнешься с жестокостью и несправедливостью, — не растерять эти бесценные чувства.

Да, я уверен, что доброму и благородному отношению к жизни можно научить. И я снова возродил бы сейчас ту «Юность» именно с теми идеями, которые были в годы ее расцвета. Не гнался бы за тиражами, за коммерческим успехом, не старался бы конкурировать с современными жесткими и прагматичными изданиями. Но я понимаю, что это проект совсем другого рода, что коммерция все убивает, что большой риск искать и печатать молодых, никому не известных авторов, понимаю, как все это сложно. Но «Юность» была для нас важным поводом к общению, а «роскошь хорошего общения — самое дорогое, что у меня есть», сказал Экзюпери.

«Юность»: Посоветуйте, как сегодня найти или обрести своего читателя?

Никас Сафронов: Про читателя, это, наверное, не ко мне. Но если вы спрашиваете, как довести до зрителя творчество молодых художников, то это можно сделать. Я бы помещал в каждом номере новую кар-

тину талантливых художников, посвященную юности, давал бы легкий комментарий, подключил бы интересных и известных людей. Тогда, увидев даже один раз хороший номер, читатели журнала сами решат, интересно ли им творчество этого художника, писателя, поэта. Потом они смогут найти его и продолжить знакомство, но этот первый раз чрезвычайно важен. Сколько сегодня гибнет талантов от того, что не произошла эта важная встреча со своей аудиторией. Журнал обычно дает сразу очень широкий читательский охват, и среди тысяч людей, которые посмотрят на картину или прочитают стихотворение, найдется хотя бы один, которому она придется по сердцу. И таких, я уверен, будут сотни. И юный талант получит поддержку, пусть даже просто добрым словом, поверит в себя. А если при этом и комментарий будет мудрый, то и с новой стороны себя увидит, и почувствует, в чем его сила, чего ждут от него.

Я с удовольствием помогу вам в этой работе, буду с вами дружить, дам вам настоящих героев — и художников молодых, и людей известных, и все они с удовольствием дадут вам интервью.

«Юность»: Вы считаете, что публику сегодня можно воспитывать?

Никас Сафронов: Публику нужно обучать, и детей нужно воспитывать, чтобы потом они стали образованной публикой. Этим нельзя пренебрегать. Если у тебя есть имя и к тебе прислушиваются, ты должен использовать свое влияние, чтобы, извините за пафос, сделать мир лучше. А иначе как сделать лучше, чище и образованнее людей, чтобы мир стал красивее. И заниматься этим благородным делом должен каждый, кто состоялся.

«Юность»: Возможно, Путин?

Никас Сафронов: Он-то первый это и делает. При том каждый день.

«Юность»: А почему вы написали портрет Путина?

Никас Сафронов: Это даже не обсуждается. Наш президент вызывает у меня огромное уважение. Я видел его, когда он еще был совсем молодым политиком, когда еще никто не знал, что он будет руководителем нашей страны, это было в девяностых годах. И вот когда я впервые увидел его выступление, он произвел на меня впечатление сильной, уникальной личности. И идея первого портрета возникла именно тогда.

«Юность»: Вы его раньше знали?

Никас Сафронов: Не знал близко, а портрет мне тогда заказали Рэм Иванович Вяхирев и Виктор Степанович Черномырдин. И я написал тогда то, что увидел: красивого человека с пронизательным глубоким взглядом, и не только взглядом глаз, а и с взглядом на жизнь, всегда отражающимся в его лице. Взгляд был

живым, свежим, уже тогда в его лице чувствовалось будущее. Все это вызвало у меня уважение, интерес, и я с удовольствием работал над портретом.

Но самым удачным мне кажется второй портрет, который, кстати, нравится и самому Владимиру Владимировичу, это пастозная живопись, нарочито грубыми мазками, можно сказать, брутальная. И эта техника очень четко подошла к харизме Путина. На втором портрете я писал уже лидера, и как мне кажется, мне удалось передать полное впечатление от образа, не фотографическое сходство, а скорее внутреннюю глубину и силу. Я хотел показать, что он видит главное для страны, что он мыслит мировыми масштабами. Я писал не идеального человека, но человека неслучайного для России, я писал уже состоявшегося президента и сильную личность с глобальным мышлением. И тот патристический порыв, который ощущается сегодня в России, — это ведь во многом большая его заслуга.

«Юность»: А какие у Вас приоритеты?

Никас Сафронов: Я всегда стараюсь отделить для себя важное от неважного, от просто срочного, от суетного и сиюминутного. Я делаю выставки, куда приходят тысячи и тысячи человек, куда приходят и государственные деятели, и люди культуры, и простые граждане. Это для меня очень важно, важно для моей аудитории, это мое настоящее искреннее общение со зрителем. Я стараюсь общаться с людьми на их уровне и разговариваю о том, что им интересно. С кем-то просто фотографируюсь или даю автограф, а с кем-то разговариваю по душам. Я часто даю пресс-конференции и отвечаю на все вопросы, даже когда поджигает время, потому что знаю, к моим словам прислушаются многие. Если меня спрашивают о каком-то событии или явлении и я могу высказать свое личное мнение на большую аудиторию, я всегда отвечаю подробно и откровенно. Я стараюсь быть естественным и доступным, неформальным. Стараюсь делать добро и помогать людям.

«Юность»: Как Вы относитесь к высказыванию, что талантам нужно помогать, а бездарность пробьет сама?

Никас Сафронов: Иногда это верно, но что такое талант? Это то, что человек делает лучше других, но при условии, что он действительно станет это делать, что он будет постоянно совершенствоваться и выкладываться на сто процентов. И вот тут и наблюдается разница: бездарный человек корпит над своим трудом без результата, но это не значит, что таланту не нужны упорство и труд. И помогать нужно не просто таланту, а тому таланту, который трудится. Если бабочке не дать самой вылупиться из кокона, а разрезать кокон и выпустить ее наружу, она не сможет летать. Она должна пройти все фазы развития, должна сама преодолеть сопротивление кокона, и также талант должен преодолеть многие трудности, чтобы развиться и потом заблестеть.

Я не исключаю, что есть люди настолько гениальные, что им все достается без усилий, но, как правило, это бывает тогда, когда они пользуются своей гениальностью не всерьез: например, многие замечательно поют в душе, но сделать пение своей профессией не хотят или не могут. Потому что нужно освоить репертуар, нужно быть в творческой форме в любое время, это уже не забава, а бесконечный труд. И вот тут одного природного дарования мало.

Мне пришел на ум один исторический случай с актером, который должен был играть Сталина. При встрече с ним он говорит: «Иосиф Виссарионович, хочу, с вашего разрешения, пожить у вас на ближней даче, вжиться доподлинно в ваш образ». — «Хорошо, — отвечает Сталин. — Но, я думаю, чтобы совсем хорошо вжиться, тебе нужно начать с Туруханской ссылки».

Я тоже прошел путь труда, учения и считаю, что не был бы собой, если бы все досталось мне даром. И я благодарен судьбе за те трудности, которые она мне посылала, и за ту радость творчества, которую я в результате смог испытать.

Беседу с Никасом Сафроновым вели Игорь Михайлов, Анастасия Попова, Светлана Шипицина

Иван ГОБЗЕВ

Иван Гобзев родился в 1978 году, учился в МГУ на философском факультете. Там же защитил кандидатскую диссертацию по философии.

Работал много кем, но дольше всего корреспондентом и преподавателем.

Ранее публиковался в журналах и газетах «Нева», «Москва», «Литература», «Литературная газета», «НГ Exlibris» и других. Вышло три книги: «Зона правды», сборник повестей «Те, кого любят боги, умирают молодыми», «Глубокое синее небо». Лауреат литературного конкурса «Честь имею».

Я, КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Рисунок Марины Медведевой

ПОВЕСТЬ

Эту историю рассказал мне брат.

Жил в подземелье получеловек-получудовище. Ему там было вполне комфортно и хорошо. Пускай и один, но он чувствовал себя в целом замечательно. В подземелье было волшебное окно: в него он мог видеть верхний мир. Ему очень нравился этот мир, там были яркие краски, цветы, деревья, пение птиц, смех. Он подолгу смотрел в окно и в какой-то момент, хотя в подземелье ему было и неплохо, стал мечтать оказаться наверху. Так ему захотелось солнечного света, веселья, той жизни, которую он наблюдал в счастливых юных лицах. Ему казалось, что если он сможет выбраться, то сам станет таким же. И вот однажды у него появилась такая возможность — в подземелье открылась дверь. Дверь всегда там была, но он ее раньше не замечал. Он обрадовался и выбрался наружу.

Свет стал неприятно слепить его, он жмурился и закрывал глаза своими страшными лапами. Люди показывали на него пальцами, некоторые пугались, другие

смеялись. Тут он понял, что не сможет стать таким же, как они, просто потому что он не такой же. И он вернулся к себе.

А потом Дэн добавил:

— Это, Горислав, про тебя.

И задумчиво затянулся.

Уж не знаю, зачем родители так меня назвали, что у них было в головах. Все, конечно, произносят, как «Гореслав». И смотрят так, как будто я воплощение горя. И в самом деле, как корабль назовешь, так он и поплывет.

Да, я не красавец. Нос огромный, так что я всегда вижу его перед собой. Похоже на уличный указатель. Грудная клетка отчего-то вмята внутрь, а живот, наоборот, торчит. Плечи, правда, у меня широкие. Но ноги кривые — между бедрами такое расстояние, точно я все время верхом на лошади. Хотелось бы сказать, что мои недостатки компенсирует мой рост, но это, к сожалению, не так, он их, боюсь, преувеличивает. Люди по

вечерам, завидев меня, переходят на другую сторону дороги.

Мой рост — два метра двадцать один, а размер ноги — пятьдесят третий.

Раньше я любил завязывать волосы хвостом, мне казалось, что так я похож на индейца, но однажды на улице, когда заходил в подъезд, услышал, как девушки шутили:

— Боже, он сейчас своими ушами стены снесет!

Да, уши у меня выдающиеся. Я никогда не мерил, но они выступают по обе стороны, как зеркала заднего вида у машины. Только я в них ничего не вижу. Короче, теперь я ношу каре.

Раз уж я вспомнил девушек, то признаюсь, они мной никогда не интересовались. Это и понятно, я не в обиде, будь я девушкой, то тоже вряд ли понравился бы себе. Но друзья среди девушек у меня есть.

Хотя вот однажды я очень понравился мужчине. Мне было тогда лет восемь или девять. Не знаю, что он нашел во мне, я уже тогда был некрасив. Даже, если верить фотографиям, еще страшнее — у меня почему-то не помещался язык во рту и постоянно торчал наружу. Я, помню, к этому привык, и даже одноклассники мои привыкли. Но потом он вдруг перестал вылезать, не знаю почему, может, нижняя челюсть подросла и ему наконец хватило места.

Тот мужчина пытался меня изнасиловать. Пахло от него неприятно, табаком, потом и перегаром. Я сильно сопротивлялся, и у него ничего не выходило. Тогда он достал нож и располосовал меня. В результате он повредил мне позвоночник, и возникли проблемы со слухом. Иногда его отшибает напрочь, особенно когда нервничаю, я оказываюсь почти в полной тишине. Но потом появляется вновь. По той же причине меня покачивает при ходьбе, как будто я бреду по палубе во время шторма наперекор ветру. Но это я так представляю, со стороны вряд ли кажется, что я на палубе, люди, наверное, думают, что я просто пьяный.

Врачи поставили мне диагноз «идиопатическая нейросенсорная тугоухость». Я долго думал, что диагноз такой, потому что я идиот. Но потом выяснилось как-то, что «идиопатическая» означает «неизвестного происхождения». Когда я узнал это, я обрадовался, ведь быть глухим потому что ты идиот — очень обидно.

С тех пор, если меня видят обнаженным, то обязательно спрашивают:

— Гореслав, откуда шрамы?

Ну разве я могу им рассказать?

— Да так, — отвечаю, — порезался, когда через забор лез.

Ну или еще что-то в этом роде.

Однако жаловаться мне не на что. Господь Бог слышит мои молитвы. Не помню, чтобы он отказал мне в чем, несмотря на мои грехи.

* * *

Дело такое, что до двенадцати лет я был отсталым. В пятом классе я еще не умел читать. Не говоря уже о каких-то других вещах. Моей маме говорили, что меня нужно перевести в специальную школу. Ему там лучше будет, объясняли ей. Но она не хотела. Она пошла вместе со мной к директору, упала перед ним на колени и в слезах умоляла, чтобы меня оставили.

— Он же такой добрый мальчик, — просила она, — посмотрите, какой добрый.

И я стоял рядом, уже тогда длинный, с огромными ногами. Я ему улыбнулся, и язык вывалился.

Он покачал головой и сказал только: «Ладно!»

Я остался в школе. О том времени у меня довольно смутные воспоминания. Я помню, как сижу за партой в последнем ряду и смотрю по сторонам. На моей парте обычно ничего не было, ни учебников, ни тетрадей. Я всегда сидел один.

Ребята на переменах писали мелом всякие слова на моей форме, на уроках плевали в меня из ручек. Однажды даже написали на лбу маркером неприличное слово. Я не обижался, наоборот, мне было приятно, что на меня обращают внимание. Они со мной разговаривали, я отвечал, они хохотали, и я тоже улыбался.

Как-то девочки завели меня под лестницу на первом этаже и попросили снять штаны. Я, конечно, снял.

— Боже, какой огромный! — сказал кто-то.

Так там стоял, пока меня завуч не нашла.

* * *

В двенадцать я заболел. Очень сильно. Саму болезнь я почти не помню, только некоторые эпизоды. Например, как я лежу на кровати и меня лихорадит. Мне очень дурно: я открываю глаза и вижу комнату, привычную обстановку. Закрываю — и перед мной появляется огромный склизкий ком, который катится с горы прямо на меня. Я открывал глаза и старался их уже не закрывать, но они сами слипались, и я проваливался в мучительный бред.

Мать рассказывала, что в какой-то момент дела мои стали совсем плохи. Меня выписали из больницы домой. Я к тому моменту уже не мог ходить. Но она вымолила меня у Бога.

Тут я вспоминаю такую картину: я лежу на кровати, а мама стоит на коленях под окном. Она смотрит в открытую форточку, как будто так будет ближе к

Богу, и глаза ее полны слез. Похоже, она стояла там сутками.

— Я дала Богу обет, — говорила она мне.

Не знаю, какой именно. Только она давно уже в монастыре.

В общем, я выздоровел. Но самое замечательное, что я стал нормально развиваться. Я наконец разобрался с чтением и арифметикой. И с одноклассниками. Больше они надо мной не смеялись. Хотя какие-то предметы так и остались для меня тайной за семью печатями. Это физика и химия. Там уж какая-то дьявольская премудрость.

* * *

Но вообще эта история не только обо мне. Эта история о любви. Но романтики, похоже, в ней совсем нет, только разврат, пьянство и наркотики. Я бы и не стал рассказывать, слишком много грязи. Но я хочу разобраться, мне кажется, что если я расскажу, то все сложится в целую картину. Как пазл.

Я вижу перед собой много фрагментов, они вроде не связаны между собой. Но я понимаю, что на самом деле они составляют одно целое. И я не вижу другого способа, как разложить на столе эти фрагменты и посмотреть, не сойдутся ли они.

* * *

Дэн — школьный учитель. Он ведет занятия в школе и онлайн-трансляции. Я видел запись его последнего в этом учебном году урока. Там его, честно говоря, не узнать. Такой красивый, добрый, улыбчивый. Иногда мне кажется, что Дэн — это два разных человека. Красавица и чудовище в одном лице. Только помню, там, в сказке, чудовище в какой-то момент обернулось прекрасным принцем. Боюсь, что с Дэном этого не случится. Выиграет кто-то один. И я очень боюсь, что это будет не красавица.

Как-то я слышал такую историю про старого индейского шамана. Он говорит молодым, сидя у костра: в каждом человеке есть два волка, добрый и злой. И победит тот, которого ты кормишь.

И вот сидит мой брат перед учениками. В пиджаке, в очках. Смотрит умно. Говорит какие-то интересные вещи о смысле жизни. Улыбается чему-то. Урок подходит к концу. Он прощается с ними. Вид у него грустный. Боже, что тут начинается! Данила Сергеевич, мы вас любим! Мы будем скучать! Нам будет не хватать наших занятий! Вы такой лапочка! Это они все ему пишут в общем чате на занятии. Пишет какая-то девчушка несурзная: «Я не знаю, как теперь без вас-то быть!» Тут он

вдруг подмигивает загадочно и говорит: «Кто знает, кто знает, может, еще и увидимся, Мальвина!» Это ученицу его так звали — Мальвина.

Ну и потом в сетях они его находят, и начинается там переписка. А дальше какие-то особенно отчаянные и безбашенные приезжают к нему.

* * *

Как-то к брату приехала девушка. Они были знакомы уже давно, и я припоминаю те времена, когда он еще общался с ней по-человечески. Красивая татарка с немного косящим правым глазом. Но это ее не портило совсем. Зашла она вся такая сильная, уверенная, прямо тигрица. Гибким шагом к столу проскользнула, села, смотрит на брата. А я уже по глазам научился определять, зачем человек приехал. Вижу, что помыслы ее греховны и не чаи распивать она тут собирается.

Брат мой к тому моменту набрался уже прилично, и на стуле как-то неровно держится.

— А! — закричал он. — Сейчас я вас представлю друг другу. Это Горислав. А это...

И он внимательно посмотрел на нее. И замолчал. И всем стало ясно, что он не помнит, как ее зовут. Она обиделась тогда очень сильно, потому что знакомы они были давно.

Я потом спросил у него:

— Ну чего ты с ней так?

— Не знаю, — задумчиво ответил он.

Ее звали Ирма.

* * *

Однажды у меня было свидание. С девушкой из хора, где я пел. Она не была красавицей, но я ей нравился. Мы шли вечером по Тверской.

Меня в тот день сильно шатало, и я почти ничего не слышал. Из-за волнения.

— Гореслав, я не пойму, ты пьяный, что ли? — спросила она.

Я не расслышал, не понял сразу, что она спрашивает, только после уже догадался. Чаще всего вопросы требуют ответа «да» или «нет». Поэтому ответил наугад:

— Да.

Она странно на меня посмотрела. По ее взгляду понял, что ответил неудачно. И предпринял еще одну попытку:

— Где?

Она брови подняла, и мы шли дальше молча. В общем, отношения у нас не сложились.

* * *

Меня часто посещает одно и то же видение. Я иду по какой-то набережной. Волосы развеваются, ветер шумит в ушах, солнце греет лоб, тепло, и вокруг много-много юношей и девушек. Они улыбаются, им хорошо и весело. И мне тоже хорошо. Хорошо — оттого что рядом со мной идет кто-то, кто мне очень нужен и дорог, кто-то, с кем я хотел бы не расставаться никогда, без кого мне одиноко на этом свете. Ее рука иногда оказывается в моей — и это такое нежное и родное касание. Но едва я поворачиваю голову, чтобы посмотреть, кто же она такая, как видение сразу пропадает.

* * *

Дэн мне такой случай рассказывал. Как-то после уроков вышел он за ворота школы и закурил. Стоит курит, наслаждается осенью. Кленовые листья кружатся, нежно пахнет сыростью, все такое. И тут подходит к нему одиннадцатиклассница, его ученица.

— Данила Сергеевич, можно вас в гости пригласить? И смотрит на него робко так.

Дэн прямо оторопел. Девочка-то скромная, тихая такая, прилежная. Но красивая. Поэтому, подумав, он говорит:

— Хорошо. На выходных?

В общем, договорились они, он к ней и приехал. Приехал, заходит, а там мама. Он растерялся, стоит в прихожей, не знает, что делать. А мама посмотрела на него оценивающе — и говорит дочке одобрительно: «Красивый!»

Ее звали Диана.

* * *

Приезжал старший брат, Артем. Я тоже его люблю, но мне кажется, он воплощение зла. Он работает диджеем в ночном клубе. Целыми ночами крутит музыку, и под нее танцуют сотни наркоманов. Да и сам он. Я был как-то у него.

Над танцполом поднимается туман, в уши бьют басы, входя в ритм с сердцем, и сложно сохранить спокойствие. Хочется затрястись в первобытном экстазе и закричать что-то. Люди вокруг и трясутся — они танцуют, головы их дергаются, руки взлетают. Их зрачки широки, на губах странные улыбки. Они то пропадают в тени, то снова возникают на свету. Не то чтобы это выглядело некрасиво, нет, но как-то по-сатанински, что ли. Надо всем этим возвышается мой брат, блестит лысый череп, худое лицо отликает синевой, но чувствуется в нем демоническая сила — он управляет всем этим. И девушки,

эти девушки — особенно вот эти вот, с разноцветными волосами и в пирсинге, сразу ясно, что они хорошо приняли всякие вещества. Отчего-то я не мог оторвать глаз от них. И невольно вдруг мелькнула мысль: «Если ад такой, то я хотел бы оказаться в нем». Тут же я перекрестился и бросился бежать прочь из клуба.

Так вот, приехал Артем с двумя подругами. Их звали Дина и Наташа. Никогда я прежде не видел, чтобы на лицо можно положить столько косметики. Клади как будто лопатой и потом мастерком ровняли — такие вот у меня профессиональные ассоциации. У одной волосы сиреневые, у другой ослепительно зеленые. Смешные такие и уверенные, зеленоволосая Дина сразу на кухню прошла, жвачку вынула и прилепила к столешнице. Другая в холодильник полезла. Потом посмотрела на меня долгим и как будто насмешливым взглядом и говорит:

— Ты Гореслав?

— Я, — отвечаю. — Только Горислав.

— Ты принял, что ли?

— В смысле?

— Ладно, не важно. Я про тебя слышана. Есть хочу.

Пока я готовил еду, Артем раскладывал на столе то, что привез.

— Так, есть фен, кислоты немного, травы вообще полно.

Дэн придирчиво посмотрел на все это и сказал:

— Лады, буду фен. На отходняке травой убьюсь.

— Горе, а ты чего будешь? — спросил у меня Артем, пока я мыл посуду.

— Я не буду, ты же знаешь.

Девушки с интересом посмотрели на меня.

— Ну хоть выпьешь?

— Ладно. — Я знал, что они все равно не отстанут.

— Вискарь, пивас?

— Я буду сразу все, — сказал Дэн.

Ну и началось потом. Музыка, сигаретный дым стеной, разговоры непонятные, непристойности. Которая фиолетовая, пыталась моего брата прямо на стуле раздеть и что-то такое с ним сделать, а он упрямылся.

— О, — говорил он, — мне так хорошо, так хорошо, ну не трогай, хочу поболтать посидеть...

А она не слушала и лезла.

— Ну давай просто поговорим, давай поговорим... Мм, какая приятная у тебя кожа.

А ко мне все время подходила зеленоволосая с рюмкой виски.

— Гореслав, выпей со мной.

— Не хочу больше.

Братья кричат:

— Ты не джентльмен, не обижай девушку!

В общем, выпил я так несколько рюмок.

— Гореслав, — она мне, — ты такой милый.

Мне приятно было. В какой-то момент я говорю:

— Готово!

— Что? Что готово? — всполошились братья.

— Еда!

— Да иди ты в жопу со своей едой. Кто тут есть хочет?

Девочки замотали головами. Мне, что странно, хотя я и не ел ничего весь день, тоже есть расхотелось. Сел я на кухне, свесил голову и задумался о первородном грехе. Все мы грешны от природы, каждый дьяволом искушен. Как быть?

И вот в этих размышлениях почувствовал я, что мне очень приятно думать, да и вообще все приятно, и музыка такая приятная, хотя вроде бы чего там — тыц-тыц-тыц, но какой классный тыц-тыц-тыц, такой проникающий и как будто изнутри нежной рукой поглаживающий. Тут я глаза открыл и смотрю: пол как будто радугой переливается, искрится чуть-чуть. Перевел взгляд на свои руки, раскрыл ладони, боже, а там такие пути-дороги, линии сходятся, линии расходятся, оторваться невозможно...

— Ну как тебе? — слышу я вдруг голос.

Поднимаю лицо и вижу зеленоволосую. Она сидит рядом, нога на ногу, курит и с любопытством на меня смотрит. Тут у меня догадка промелькнула:

— Вы мне подмешали чего?

— Да всего. Ладно, тебе не в кайф?

— В кайф, — ответил я.

И в самом деле, так мне в кайф, так приятно было, что она сидит вот так со мной и разговаривает, что я захотел, чтобы это никогда не кончалось. Я вдруг, неожиданно для себя самого, протянул руку и прикоснулся к ее обнаженной руке.

О, какая нежная, прохладная, манящая кожа! Я стал гладить. То есть я сидел вот так, вытянув свою руку на метр, и гладил ее по руке.

— Пойдем поваляемся? — вдруг сказала она, и голос ее, прозвеневший, меня словно защекотал изнутри — блаженно, сладостно.

Я задумался. Зачем валяться? Мы так хорошо сидим... Я выразил ей эту мысль, но как-то очень путано. Она встала и ушла. Я пронзительно расстроился, но не знал, что поделать. Но вдруг она вернулась с трубочкой — из такой Артем курил траву постоянно.

Она раскурила и протянула мне. Я не хотел, я был против, но боялся, что если откажусь, то она опять уйдет. Затягиваясь горьким терпким дымом, я думал, что именно так дьявол и искушает души, так склоняет к греху! Я же, вместо того чтобы противостоять с молитвой, с упоением ему поддаюсь!

Я выдохнул, и мой выдох прогремел у меня в ушах, как будто ударили в колокола. Она сидела напротив и тоже курила. Как ярко вдруг зажглись ее зеленые волосы! Как изумрудный купол! Какой невозможный, травя-

ной, пронзительный цвет... Да-да, как на лужайке, как на залитой солнцем лужайке, а там Элли, Тотошка...

— Волшебник Изумрудного города! — вдруг закричал я не своим голосом. — Волшебник Изумрудного города!

Последнее, что помню отчетливо: ее тревожный взгляд сквозь дымовую завесу.

* * *

Проснулся я на диване в скрюченной позе. Я распрямылся — болела спина. Я был в одних штанах. А внутри меня — ад.

За столом сидят мои братья и курят траву. Девушек не было.

— А, Горе! — сказал Артем. — Ну ты лютовал вчера.

— Что я сделал? — с тревогой спросил я.

— Ну как... — Дэн покачал головой. — Сначала ты стал орать на нашу подругу, что она волшебник Изумрудного города. Прямо озверел. Было, скажу тебе, дико.

— Звал Тотошку, — покачал головой Артем.

— Но это ладно, — продолжил Дэн. — Ты потом рубашку скинул, выдернул ремень из брюк, упал на колени и стал себя бить по спине пряжкой. Молился. «Прости нас, Господи, грешных, не ведаем, что творим». Удерживать тебя было невозможно.

Я поднялся и прошел в ванную. Повернулся — в самом деле, вся спина в лиловых следах, где-то рассечена кожа.

— А где девушки? — спросил я из ванной.

— Не знаем. Ты за ними гонялся с ремнем. Убежали в лес.

— Господи! — воскликнул я. — Надо идти их искать! Они же замерзнут!

— Да ладно, шучу, — сказал Дэн. — Уехали они. Просили передать, что ты самый лютейший чужак на свете.

* * *

Брат сидел с утра у окна и курил. Он был злой, лохматый, как промокший воробей, жутко опухший, небритый. Как обычно, веселился всю ночь. И тут вдруг солнце пробилось сквозь сплетения крон, и ударило мне в глаза, и затмило его образ. И тут в сиянии солнца я увидел, что голова его окружена сияющим ореолом, как бы нимбом, и в нимбе этом шевелятся волосы. Я перекрестился. Это знак свыше!

— Брат, — сказал я, — ты знаешь, что душа твоя прекрасна?

— Горе, ты меня всегда сбиваешь с толку своими неожиданными репликами. Что в ней прекрасного?

— А вот что! Сейчас докажу. Вот посмотри себя. Ты с похмелья, рожа дикая. Так?

— Так.

— За собой не следишь, ты всегда такой.

— Ну с учениками-то своими я не такой...

— Ну когда девушек приглашаешь, ты ведь не стараешься быть красивым и приличным?

— Твоя правда, Горе, — устало он взглянул на меня. — Не стараюсь. Скорее, наоборот. К чему ты клонишь-то?

— И они все равно приезжают! Значит, он любят твою душу! — воскликнул я.

— Мою душу?

— Да! Ну не рожу же! Твоя душа прекрасна!

— Ох, Горе, если бы так, то любили бы они все тебя.

* * *

Тут я должен признаться, что все же у меня был однажды секс. И это было ужасно. Все случилось так. Мы с Дэнном и Артемом как-то поехали отдыхать на один курорт. Еще подростки, совсем юные и неопытные. Там было весело — море, пляжи, жгучее солнце и полно красивых девушек. Правда, мной они не интересовались, ну и что ж, я просто смотрел на них скромно и ни на что не претендовал. Я уж счастлив был от одного того, что братья взяли меня с собой. В ту пору у меня как раз уже перестал язык

из рта вываливаться, дебильность почти полностью прошла, и они вдруг обнаружили, что со мной вполне можно общаться.

И вот приехали мы, разместились в отеле, вышли на береговую линию. А там! Боже, что там! Куча открытых кафе, загорелые тела, сверкающие улыбки, темные очки и жар — жар поднимается прямо от дороги, босой ногой не ступишь. Это было ощущение праздника.

Братья мои в тот же день напились. Они пытались познакомиться с кем-нибудь, но поскольку пьяные были сильно, у них не складывалось. И вот таскались мы из одного кафе в другое, а я их за руки придерживал, чтобы они в урну или клумбу не упали.

Но уже под ночь в одном баре им улыбнулась удача. Неожиданно к нам подседа девица наших примерно лет, может, чуть постарше.

— Привет, — сказала она, — я Маша. Можно к вам?

— О, конечно, да! — обрадовались эти двое.

Маша была милой. С открытой улыбкой, без косметики. Сидели мы сидели, болтали о чем-то, и тут она:

— А пойдём к вам? Посмотрим телик?

Вижу, братьев моих залихорадило. Пошли мы. Сели все на кровать напротив телика. Смотрим молча какую-то чепуху. Тут Маша так Дэнну вдруг руку на грудь положила и стала поглаживать. Ну, Дэн тоже ею занялся. И начали они вот это вот все вытворять непотребное прямо при всех. Дэн тогда неумелый был, юный совсем, я без слез не мог смотреть, как он штаны одновремен-

но с носками снять пытается. Она опустилась перед ним на колени и принялась носки с него снимать. Он засмутился и говорит:

— Носки у меня стоячие, старые...

— Ничего, милый, — отвечает она.

И тут такое начинает делать, что я от стыда выбежал в холл. А уже поздно было, в холле полумрак, только одна лампа горит. Я уселся там на диван и стал ждать, когда эта блудница уйдет. Но что-то долго она не уходила. В какой-то момент мне понадобилось в туалет. Захожу в номер, а она уже в душе — с Артемом.

«Ну и Маша! — подумал я. — И три медведя...» Ужас какой-то. Сел обратно на диван в холле и стал молиться. Долго молился, пытаюсь унять непонятный мне трепет в груди. Наверное, около часа я там сидел. Смотрю — выходит Маша из номера, совсем голая, и направляется ко мне. Я от страха весь сжался, как еж.

Она подходит, садится рядом и начинает меня целовать. Я же онемел как будто, не понимаю, что делать, смотрю в потолок напряженно.

— Ну куда ты так вытарачился? — спрашивает она. — Смотри на меня. Или я не нравлюсь тебе?

И опять целует.

Короче, рухнули мои духовные преграды. Я поддался греху. Похоть, вождление охватили мое отроческое сердце. Отчаянно захотелось мне бездумной, порочной страсти. И я ей предался.

Когда было кончено со мной, Маша вернулась к Дэну, и началось все по второму кругу. А я кинулся в душ и стал мыться. Я включил горячую воду, почти кипятком, и терся и терся мочалкой, пытаюсь соскрести с себя ее прикосновения и поцелуи. Был момент, когда она хотела зайти ко мне в душ, но я держал заслонку и кричал, чтобы она не смела подходить ко мне. Я рыдал от отвращения к ней и к себе, я каялся и клялся, клялся, что никогда больше не буду заниматься такими отвратительными вещами, и просил Господа Бога меня оградить от искушений.

И надо сказать, что он меня услышал — с тех пор у меня больше не было.

* * *

Дэн с Артемом пьют. Обсуждают какую-то гнусность про женщин. Уши мои не хотят этого слышать, я краснею от негодования. При этом они как-то особенно гадко посмеиваются, и черты лиц их искажаются, словно в этот самый момент их устами говорит дьявол.

— Братья, — говорю наконец я. — Ну как вам не стыдно? Такое ощущение, что у вас на уме только похоть. А на самом деле самое приятное с девушкой — это общение. Погулять, поговорить...

И тут меня снова захватило это видение. Я на набережной. Дует ветер, но не холодный, а приятный, и гонит облака по синему небу. Я замираю от удивления — какое же оно прекрасное, глубокое... Справа от меня гранитный бордюр, отделяющий набережную от реки. Гуляют люди, в основном молодежь, их лица светлы и веселы. Рядом со мной — она, и от одного ее присутствия по телу моему пробегает дрожь...

Я встряхиваю головой, прогоняя наваждение. Почему я вижу то, чего нет?

* * *

— Горе, Горе, она едет! — радостно сообщил мне брат.

Ему удалось уговорить очередную девушку приехать к нему на дачу, при этом они были знакомы только в Сети и никогда прежде не виделись.

— Посмотри, какая.

Я посмотрел фото и их переписку. Такие в его вкусе. Вид взрослый, накрашенная, глаза умные. Прическа каре, как у меня. Правда, ушей таких нет. Острые скулы, что-то монгольское. Да, красива. Я в недоумении, как он сумел ее уговорить.

— Да я сам не знаю! — радостно сообщает он.

— А что ты с ней по-хорошему не встретишься? Вон она тебе предлагала: давай погуляем, может, в кафе...

Дэн закатил глаза.

— Горе, ну ведь на прогулках и в кафе надо о чем-то разговаривать, понимаешь?

— Ну? Это же прекрасно! Узнавать друг друга, делиться, открываться...

— Ну не знаю. Лично у меня темы для бесед заканчиваются через две минуты. А дальше я не знаю, что и делать. Неловкое натянутое молчание. Так что лучше сразу в гости, пьянка, секс.

— Дэн, ты можешь с ними говорить о литературе! Рассказать, в конце концов, о себе...

— Я еще не встречал девушки, которая бы выдержала мои рассказы о себе больше одного вечера! А что касается литературы, то может быть... Только они, как правило, не читают ничего из того, что читаю я. Так что пьянка, секс...

Ее звали Лада.

* * *

Лада, Лада, при мысли о тебе мое сердце сжимается и лицо заливают краска, хотя это совсем не я должен стыдиться, а мой брат. Зачем ты приехала к нам?

Когда она вышла из такси, я, несмотря на ночное время, сразу увидел в ней нечто юродливое. Что-то не от мира сего в ее взгляде. Но ненормальной я ее назвать не смог бы. Красивая такая женщина, я потом узнал, что ей тридцатник. Но вообще не понимаю, что должно быть в голове, чтобы приехать к едва знакомому парню на дачу. У такой девушки либо не все дома, либо она должна быть очень отчаянной и потерянной. Либо она свято верит тому человеку, к которому едет. Лада как раз, похоже, совмещала все эти ситуации.

И вот она вышла из машины, распрямилась, и я удивился, какая она высокая. Раскрашенная птица, с черными-черными глазами. Она с опаской огляделась по сторонам. Все-таки ей было страшно.

— Привет, — сказал брат. — Проходи, не бойся. Это всего лишь Горислав, он безобидный.

Ну что потом было? Они стали пить. Причем с каким-то надрывом, так что я отчетливо видел: у каждого у них идет трещина по корпусу, и корабль едва на плаву.

Они пытались о чем-то говорить, я же сидел на кухне и читал Библию. И вдруг слышу:

— Я когда увидела твои фото, твои глаза, подумала, что ты Бог, — это она ему говорит. — Скажи, это ведь правда?

— Правда, — спокойно отвечает он.

Тут я прямо подскочил от негодования, но удержался.

Потом они еще о чем-то поговорили, и она спрашивает:

— Я так понимаю, сексом мы сегодня не будем заниматься?

— Отчего же нет, — опять же спокойно так говорит мой брат.

Тут я ушел наверх и лег спать. Рано утром он по своему обыкновению отправил ее на такси. Отправляя он ее торопливо, было видно, что она его тяготит, что ему плохо с похмелья. Я невольно подслушал кусочек их утреннего разговора.

— Мне кажется, ты меня использовал, — сказала она ему прямо так и, как мне показалось, немножко с угрозой.

«Конечно, дура! — хотел закричать я. — Зачем ты вообще приезжала, несчастная?»

— Ну нет, что ты! — горячо возразил брат, и я словно увидел его фальшивую улыбку.

* * *

Лада потом приезжала еще. Несмотря на ужасное поведение Дэна. Меня поражало то, что, за исключением странных представлений о нем, она была совершен-

но нормальная, ходила на работу, встречалась с друзьями, в общем, вела полноценную жизнь.

Как-то, когда Лада была у нас, приехал Артем.

Я сразу перекрестился, потому что Артем — это значит наркотики. Он ворвался в дом вместе с запахами и цветом ночи, и над нами как будто нависла тень. Лада ему сразу не понравилась.

— Ты где откопал эту долбанутую? — спросил он Дэна на кухне.

Дэн пожал плечами.

— Она сама меня нашла.

В тот момент я понял, что должен защитить Ладу. Если Дэн встречался с Артемом, то им словно бесовладевал и последние остатки совести испарялись в угаре.

— А я с вами посижу! — сказал я.

— Лады, Горе, но только если пить будешь.

— Буду, но чтобы не подмешивать мне всякого говна в этот раз.

— Да упаси боже. — Артем перекрестился, передразнивая меня. — Я в тот раз от страха чуть не умер. Так что не переживай.

Настоящий португальский портвейн и кальвадос! Это дело. Я залпом выпил стакан порто. И закрыл глаза. Никогда не был в Португалии, но вот по мере того, как по телу разливалось вино, в мозгу стали вспыхивать чудные образы: яркое-яркое солнце жжет землю, увитую виноградниками. Ветра нет, в тишине лишь доносится странный, отдаленный гул: накатывает и затихает, накатывает и затихает. Тут я понимаю: это прибор! Я услышу его всегда, даже будучи совсем глухим, я слышу, как море наступает на берег отчетливо, даже если моря рядом нет. Вот я уже иду по берегу, мои босые ноги пятьдесят третьего ступают по гальке. Как хорошо. Но что-то не так. Кого-то сейчас рядом со мной не хватает — того, кто должен быть.

— Горе, очнись.

* * *

Лада спит на диване в совершенно безобразном виде. Эти двое сидят, Дэн полуголый. Я поднялся и прикрыл Ладу, меня качнуло — все-таки кальвадос с портвейном смесь убойная. В ноутбуке музыка.

Я взял плед и накрыл Ладу. Тут я впервые обратил внимание на ее лицо во сне. Оно стало совсем другим, мышцы расслабились, рот приоткрылся, брови разгладились. Лицо совсем детское, почти ангельское.

— Ты ее больше не приглашай, — говорит Артем. — Она как-то старовата. Да и с придурью явно. Подумать только, притащил бабу за тридцатник!

— Ты прав, ты прав. Но жалко ее как-то. — Дэн курит уже вторую пачку за вечер.

Артем качает головой и раскуривает трубку. По комнате расплзается едкий аромат травы.

Я кладу руку на голову Ладе. И все понимаю. Она пришла в этот мир страдать, она страдает за нас.

— Горе, ты чего к Ладе пристаешь? — спрашивает Дэн.

И тут же добавляет задумчиво:

— Хотя я не против.

Я смотрю на этих двоих, они безобразно пьяны. В дьявольской лысине Артема отражается луна. Я подхожу к столу, наливаю кальвадос в стакан для портвейна, выпиваю залпом.

Артем продолжает свое:

— Бабе за тридцатник, валяется тут пьяная все время, Дэн, жуть...

Я резко поставил стакан на стол. Братья подняли на меня тусклые глаза.

— Ну и что? — вдруг закричал я. — Хоть сорокет! Вы думаете, это она просто так валяется? Для смеха бухает?! Так это она за вас, мудаки, бухает, вас спасает! Ради вас валяется!

* * *

Дэн перестал встречаться с Ладой. Она больше не приезжала. Потом как-то он написал ей в «ВКонтакте», но вместо нее ответила мать: «Лада в психиатрической лечебнице. Перестаньте пудрить мозги моей бедной девочке. Она считает вас богом».

* * *

А потом была Алиса. Ты как с картины сошла. Мне брат показывал как-то полотна мастеров эпохи Возрождения, так вот ты прямо оттуда. Мадонна, только без младенца. Задумчивый взгляд, загадочная полуулыбка, благородная осанка. Ты, кажется, одна из немногих, с кем брат изволил сходить в кино. Но после этого все пошло по-старому. Он тебя звал в гости, ты, конечно, отказывалась. И когда ты приехала однажды вечером к нам, я был потрясен. Не знаю, как он тебя уговорил, какие ловушки расставил, чем завлек. О, мой брат тот еще паук, он умеет плести сети и ждать...

Когда ты зашла, наше убогое жилище залил яркий свет. Ты принесла его с собой. Он исходил от тебя, и я сразу понял, что тебя осеняет своими крылами ангел. Кажется, даже цветами запахло и, несмотря на позднее время, запели утренние птицы. Ты села.

Дэн был уже пьяный вдребезги. Взгляд тяжелый, на губах усмешка. Попытался вынуть сигарету изо рта, но пальцы соскользнули, и она повисла на ниж-

ней губе. Спустя пять минут он настойчиво потащил ее в постель.

— Я не хочу, — просто и кротко сказала она.

— Что?! — закричал Дэн. — В таком случае пошла на хер отсюда! Быстро! Убирайся!!!

Она встала, надела кроссовки и вышла.

Я выбежал следом, чтобы проводить ее, потому что куда же она пойдет ночью в лесу?

Мы молча шли рядом. Она была грустной.

— Зачем ты приехала? — спросил наконец я.

— Не знаю, — вздохнула она.

Я взял ей такси до города. Больше я ее не видел.

* * *

— Дэн, — сказал я ему с утра, — это была первая приличная девушка, которая к тебе приехала. И последняя. А ты вел себя как свинья.

— Ну и ладно, — ответил он.

Он уже выпил с утра пива и поэтому был в игривом расположении духа, которое появляется обычно на второй день пьянки.

— Я вообще-то люблю плохих девочек. С хорошими неинтересно.

— Да, но с плохой ты не построишь нормальных отношений!

Дэн посмотрел на меня с ласковой улыбкой.

— Горе, а я и не хочу нормальных.

— Эх, — с горечью сказал я, — подозреваю, что многие хорошие девочки стали плохими как раз из-за тебя...

— Да ладно, брось, я не такой демонический, — рассмеялся он. — Я изначально выбираю плохих. Или они меня? Черт его знает!

Я перекрестился, ибо он упомянул лукавого.

* * *

А потом были Катя с Дашей. Веселые такие, смешные. Катя из-за своей улыбки и больших глаз немножко напоминала клоуна. Но она мне казалась привлекательной. Даша ужасно походила на какую-то голливудскую актрису, наверное, из-за макияжа.

Девочки вели себя очень просто, они ничего не стеснялись и от души веселились. Это были плохие девочки, но хорошие. Хорошие в том смысле, что они были добрые и честные. А плохие — потому что набрались дурного опыта и всякое перепробовали. Именно такие Дэну и нравились. С ними он чувствовал себя легко и свободно.

Они приехали, и как обычно началась пьянка. Правда, они привезли напитки с собой — очень хоро-

шее вино, три бутылки. Ну и у Дэна стояла литровая коньяка.

Дэн был в ударе. Как обычно, он, конечно, не стал приводить себя в божий вид к приезду девушек. Не брился, не причесывался, в засаленных штанах-карго и белой майке-алкоголичке в пятнах от чая. Его это, впрочем, не смущало. Да и девушек не особо.

Девушки сидели за столом с бокалами вина, а он, тоже с бокалом, стоял перед ними и рассказывал всякие истории. Надо сказать, вполне приличные. Им троим было очень весело. Я сидел на диване в сторонке и попивал коньяк. Видя, что брат не мрачный и воодушевлен, слушая его искренний смех, я и сам начинал смеяться, но не его рассказам, а просто потому, что мне было хорошо.

«Господи, — обратился я с молитвой к всевышнему, — как же хорошо, когда все хорошо! Прости нас, что мы пьем, вместо того чтобы прикладываться к чьим-нибудь мощам!» На время разговора с Богом я, конечно, поставил бокал на подоконник.

— О, какая музыка! — сказала Даша. — Данила, я хочу танцевать.

— Почему нет! — закричал брат. — Сейчас!

Он залпом допил бокал, закурил и начал танцевать.

Сколько раз наблюдал его танцы, всегда поражался, откуда в нем столько энергии. Хотя не берусь судить, хороший он танцор или плохой, я в этом мало смыслю. Но Даше явно нравилось, она танцевала рядом с ним, подстраиваясь под его движения. Может, конечно, ей просто он нравился, а не как он танцует.

— Гореслав! — прервала мои размышления Катя. — А ты что не танцуешь? Давай!

— Нет, спасибо. — Я смутился и потупил взор.

— Ему не надо, — сказал Дэн. — Это опасно.

Вот это вот меня задело. Всколыхнулась во мне гордыня, забыл я о смирении. Отставил бокал, встал, вышел в центр комнаты и стал танцевать. Как умею, широко и просто. Рука туда, нога сюда, присядка, прыжок. Они все расступились, Даша даже обратно на стул свой села. Тут я во время очередного захода ногой ударил снизу по столешнице, стол подскочил вместе со всех содержимым. Бутылки, бокалы, ноутбук, пепельница — все полетело на пол. Даша вся в вине, Дэн с Катей ржут.

— Я же говорил, — радуется Дэн.

* * *

Они уехали утром. Голова была тяжелая.

Дэн сидел за столом, допивая остатки коньяка. Он был не злой, значит, ночью все прошло хорошо. Ну что

же, и слава богу, а то я не люблю, когда Дэн злой с утра.

— Горе, доброе утро! — Он заметил, что я проснулся. — Садись со мной, выпьем.

— Дэн, ты же знаешь, я против всего этого... А с утра начинать пить — ну вообще, свинство просто. Как дела потом делать? Как зарядку? Как трудиться во благо? Как молиться? Как вообще радоваться новому дню?

— Блин, не начинай, у меня голова сразу разболелась. Просто составь компанию, мне грустно.

Что ж, это другое дело, раз брату грустно, надо помочь. Хотя лучше я бы его в церковь отвез на исповедь. Так не поедет же.

Я сел напротив. В окно лился нежный розовый свет. Он рисовал дрожащие пятна на столе, на бутылке, на брате. У Дэна очень яркие зеленые глаза, когда в них светит солнце. Он налил нам по рюмке.

— Давай, за вечную любовь!

Я кивнул. За любовь — хорошее дело. Мы выпили. Меня передернуло, но спустя несколько секунд по телу начало разливаться приятное тепло. Розовый свет стал как будто ярче, цветочные пятна резче. Как это странно, подумал я, сидим тут опухшие, с утра пьем коньяк, а мир снаружи прекрасен, и как будто замер, и время неподвижно...

— Вообще, должен согласиться со знатоками, — сказал Дэн, закуривая, — пьянка на второй день с утра намного интереснее, чем в первый.

Я уклончиво кивнул. Да, не поспоришь, определенная прелесть есть, но все равно, это греховно. Как раз своей прелестью и греховно — так Сатана расставляет свои сети. И я сказал:

— Наливай!

Он налил.

— За что пьем? — спросил я.

— Не знаю. Какие варианты?

Вариантов у меня не было. Поэтому я сказал:

— Давай опять за любовь.

— За любовь можно пить бесконечно, — согласился он.

Я немного заволновался — не значат ли его слова, что мы сегодня опять будем пить весь день?

Мы выпили.

— А давай-ка послушаем «Вечную любовь» Азнавура, — вдруг предложил он. — С Мирей Матье?

Я смутно помнил, что это такое, но не слышал уже много лет. Он нашел нужный трек. Началась музыка, потом запела женщина, спустя еще какое-то время мужчина. Мне понравилось — очень красиво и проникновенно они пели. Сейчас, конечно, совсем другой вокал. Не то что стало хуже, но как-то по-другому совсем поют.

— Давай еще разок, — сказал я. — Только по-французски непонятно. О чем они?

— О любви, — ответил Дэн.

Это я и сам понимал, но не стал допытываться.

Мы послушали еще раз, а потом еще и еще, и в конце концов оба расплакались. Уж не знаю, о чем мы плакали, каждый о своем или оба об одном и том же.

* * *

Я люблю иногда гулять по городу. После теплого сухого дня легкий дождь поднимает с дороги запах пыли. Весной пахнет не только пылью, но и цветочной пылью. Это приятный аромат, он ударяет в голову, и я улыбаюсь. Я улыбаюсь миру, а мир улыбается мне. Я иду по набережной, но это не та набережная, что является мне иногда в воображении.

— Мама, смотри, чудовище! — Девочка лет двух-трех показывает на меня пальчиком.

Мама наклоняется к ней:

— Ты что! Нельзя так говорить!

Она берет ее за руку и уводит. Девочка два раза испуганно оглядывается на меня.

Я перестаю улыбаться, чтобы не пугать людей. Но на сердце по-прежнему тепло, хотя и грустно немного.

* * *

Ирма часто писала брату. Точнее, это он ей писал, а она всегда отвечала, терпеливо и ласково.

— Быстро приезжай, — пишет он Ирме.

Согнулся над телефоном, нетрезвый.

— Не приеду, — отвечает она.

Он печатает ей какую-то агрессивную чушь. Она:

— Я люблю тебя.

Он продолжает в том же духе. Она:

— Знаешь, мне кажется, я очень хорошо чувствую тебя. Что ты ощущаешь, что думаешь сейчас.

Да, так и должно быть, когда любишь. Лада тоже любила и чувствовала его на расстоянии. «До боли», — как писала она. Пока не попала в сумасшедший дом.

* * *

Иногда к нам приезжала Лида, бывшая девушка Дэна. Она к нему относилась очень хорошо, и он к ней тоже, что для него странно. Обычно с бывшими он не дружил. Теперь он ей рассказывал про своих девушек, а она внимательно и участливо слушала, задавала вопросы, сопереживала. Другие девушки долго его рассказы терпеть не могли. Одна как-то даже написала

ему: «Если еще хоть слово услышу про твоих бывших, убью».

— Понимаешь, Горислав, — сказал он мне как-то, — это как психоанализ. Мне нужно кому-то все рассказать.

— Ну расскажи мне!

— Тебе не интересно...

Лида была веселая, общительная, с удивительной широкой и открытой улыбкой. Однажды я решил сделать ей комплимент, когда мы все вместе сидели на даче.

— Мне очень нравится твоя улыбка, — сказал я. — Она как у моего детского друга Вити Кривоносенко. — И добавил, вспомнив: — Кстати, сейчас он в тюрьме.

Она перестала улыбаться и внимательно посмотрела на меня.

— Горислав, — вмешался брат, — это самый idiotский комплимент, что я слышал.

И повернулся к ней:

— Не обращай внимания, он дурак немного.

* * *

— Знаешь, Дэн, — сказала Лида, — я думаю, все дело в том, что ты боишься женщин.

Я вскочил со стула и закричал в волнении:

— Точно! И я то же самое думаю!

Они не обратили на меня никакого внимания.

— Ну-у-у, — протянул брат, помахивая сигаретой, — не то чтобы женщин. Скорее, я боюсь влюбленности и привязанности...

— Почему? Это же так классно! — удивилась она и отпила из бутылки.

Я отметил про себя, как грациозно и красиво она сделала это. Вообще, конечно, девушке пить из бутылки не подобает. Но у нее выходило так ловко, так изящно, как будто она танцует танго.

— Эх, был один случай... — сказал брат.

Я сразу понял, что сейчас будет история про баб. Если уж Дэн говорит «был один случай», то все понятно. Видимо, Лида тоже поняла это. Она откинула голову и сказала с очаровательным звонким смехом:

— Валий.

— Была одна девушка, — начал Дэн.

Тут мне опять показалось, что у меня дежавю. Кажется, эту фразу я слышал уже тысячу раз. Но ладно.

— С очень непростым характером, — продолжил он. — Ни о чем нельзя было с ней договориться по-хорошему. Два года она терзала меня, мучила, ломала, гнула, изводила как хотела. И я ничего не мог сделать.

Она как будто была отлита из стали. Я с ней превратился в полную тряпку. Кстати, у нее родители донские казаки, может, в этом все дело?

Мы засмеялись.

— Я долго сопротивлялся, но она сломила меня. Помню, как я вернулся домой после очередной ссоры (а ссорились мы каждый день), сел за стол и заплакал. Слезы полились сквозь пальцы, прямо капали и капали на стол. Это я от осознания своей беспомощности плакал. Я в тот момент понял, что все же влюбился, отчаянно и страстно... Так вот, больше не хочу.

Он замолчал.

Мы решили, что конец истории, и Лида погладила его по руке.

— Бедный! — сказала она и улыбнулась, как Витя Кривоносенко.

— Не знаю, как я пережил эти два года! — Дэн вдруг ударил кулаком по столу так, что все на нем подскочило. — Чертова сука!!!

— Но ты же, наверное, и сам вел себя как сука? — ласково спросила Лида.

— Что верно, то верно, — серьезно кивнул брат и закурил новую.

* * *

— Девушку лучше не называть по имени, — говорит Дэн.

— А как? — удивляется Лида. — «Эй, ты»?

— Никак. Можно же и просто обращаться, не называя имени.

— Это же бред полный... — Лиде не смешно, она не улыбается.

— Ну как, смотри. Допустим, встречаюсь я с девушкой. Она мне нравится очень. Но в какой-то момент я начинаю с другой встречаться. И случайно называю ее именем той, первой. Иногда. В постели, во сне. Вот тут самое неловкое.

Лида засмеялась и закатила глаза.

— Боже, ну ты и гад все-таки.

* * *

Дэн с Артемом пили три дня. Это было ужасно. Однажды ночью Дэн пошел в магазин через лес. Ушел и пропал. Артем сам такой, что идти искать не может. Были еще какие-то девушки, но не посылать же их ночью в лес!

Что же делать, я пошел искать брата. Там дорога такая лесная, опасная, извилистая, вся в ямах, и не видно ничего. Только полная луна светит мне.

Слышу, кто-то шуршит в стороне и хрюкает как будто. Я замер. Наверное, кабан, их здесь много. Но на всякий случай перекрестился, все-таки ночь — время нечистой силы.

Вспомнил, как брат мне однажды сказал: «Ты не бойся, если ночью тебя кабан встретит, то сам убежит от страха».

И все же, думаю, где он? Иду медленно, гляжу по сторонам, вдруг он в кусты какие упал и встать не может. Дошел уже почти до шоссе, как вдруг вижу — силуэт с пакетом впереди. Ну он, конечно. Прямо идти уже не может, идет по диагонали, норовит упасть, цепляется за стволы и сучья поваленных деревьев. Я быстрее к нему.

— Эй, — кричу, — стой, я сейчас!

Он развернулся и попытался бежать, да поскольку знулся и упал в грязь.

Я подбежал, поднимаю его.

— Горе, ты? — спрашивает, а у самого еле язык рочаается. — Ты меня напугал. Я думал, это на меня лось из кустов прыгнул.

Ну, я взял его в охапку и потащил. Он тяжелый. Ну да и я не слабый — у меня из-за дефекта скелета большая сила врожденная. Я как-то в тренажерном зале был, подошел к становой тяге, хотя раньше не делал ни разу в жизни. А там мощный мужик упражнялся, навесил уже за двести. Кричит, когда тянет, глаза из орбит вылезают. Ну я взял и поднял, даже не напрягался особо.

И вот тащу я его, но думаю, как бы он не уснул, а то он мне хоть ногами помогает, а так волочи его вместе с пакетом, а пакет полный бутылок.

— Зачем творишь все это, Дэн? — спрашиваю. — Не пора ли остановиться? Бабы, водка, наркота?

— Понимаешь, Горислав, — пробормотал он, впрочем, достаточно отчетливо, — в жизни каждого наступает момент знакомства с самим собой. Это происходит в юности. Когда ты узнаешь сам себя.

— Ну и что же?

— Ну, что же, я себя разочаровал.

На тропу впереди выбежало что-то большое и черное. Я не замедлил шага. Через секунду оно исчезло в лесу.

* * *

А дома они продолжили. Дэн вдруг ожил, видимо, накопил силы, пока я его нес. Так бывает на ринге — боксер бьется, бьется, и вот сил уже нет. Но наступает перерыв между раундами, и он кидается в бой с новыми силами. Так вот, брат у меня как раз такой.

Мне же горько было смотреть на этот бордель. Еще зимой я приколол в углу икону с ликом великого святого — Николая Чудотворца. И вот теперь, сквозь чад и полумрак, он взирал на все это блестящими глазами, и мне стало совестно. Ополумевшие женщины в наркотическом угаре, утратившие всякий стыд, братья мои несчастные, танцуют в экстазе, как будто одержимые. А ведь девицы-то эти блудницы — совсем девочки еще, недавно со школьной скамьи, хорошие девочки были, радость родителей, и вот теперь вдруг это: пустые глаза, бессмысленные улыбки, торжество порока...

Я опустил на колени и мысленно обратился к Всевышнему:

— Господи, прости им прегрешения их. Не ведают, что творят. Хотя Дэн с Артемом очень даже ведают! Но все равно прости, они по слабости. Испытания сильны, а плоть слаба. Спасибо тебе, Господи, что ты создал меня таким и оградил от многих искушений!

Долго я так стоял, но на меня никто не обращал внимания, потому что в большой компании, как говорится, у каждого свой трип. Под потолком летали крылатые тени — должно быть, ангелы бились с бесами. А бесы, как известно, — это падшие ангелы. И тут я четко осознал, как же мало шансов у беса стать снова ангелом. Возможно, вообще нет.

И слезы полились у меня ручьем, и я стал молиться за всех падших ангелов.

* * *

— Горе! — толкнул меня Артем. — Дэн звонит!

— Зачем? — Я встал с колен.

— У него возникли проблемы в магазине!

Оказывается, пока я возносил молитвы, Дэн опять ушел в магазин. Непостижимо, непостижимо, как он мог уйти, по идее, он мог только ползти. «Какая воля, какая сила духа! — подумал я. — Жаль только, направлены они не в то русло! А из него бы вышел неплохой подвижник!»

Я взял трубку.

— Дэн, что с тобой? Идти не можешь?

— Нет, Горе. У меня тут драка с местными вышла. Нужна помощь, не могу выйти из магазина, они меня караулят.

Я вскочил и побежал. Я прыгал через огромные лужи, через стволы, казалось, что просто лечу, а не бегу. Мимо меня ползла тьма леса, и только луна висела неподвижно. Магазин находился прямо через дорогу, и через пять минут я уже был у него.

Остановившись, я сказал громко, так, чтобы меня наверняка слышали все, кто там был у входа:

— Где мой брат?

А там стояла компания местных ребят, человек пять, среди них одна девчонка.

Они посмотрели на меня, и один из них ответил с усмешкой:

— Слышь, Квазимодо, если ты ищешь урода, который на нас наехал, то он в магазине прячется.

Я зашел в магазин. Дэн стоит у прилавка и спокойно пьет пиво. Ему уже досталось — рассечена бровь, скула красная, очки разбиты. Он мне очень обрадовался:

— Горе, наконец-то! Пиво будешь?

— За что тебя так? — спросил я расстроено.

— Да уж не помню, слово за слово...

Я взял его под локоть, и мы вышли. Я повел его мимо деревенских. Они засмеялись, что-то пошутили про него: «Папа за тобой приехал?»

— Идите в жопу, — ответил он им.

Это он зря, потому что один из них сразу же к нам подскочил и вплеп Дэну в голову — так быстро и ловко, что мы среагировать не успели. Явно боксер. И обратно отбежал. Дэн на ногах удержался, тогда я его отпустил и пошел к ним. Размахнулся и врезал ближайшему, он упал. Потом еще одному. Потом девушке случайно, да в темноте и толчее разве разберешь! Они разом все кинулись на меня, но тот, кому я первому двинул, уже не поднимался. Дэн на помощь пришел, но все равно сложно было. Попали мне и в глаз, и в нос, губы разбили, и по яйцам залепили. Вот это вот напрасно было, я как дух перевел, рассвирепел страшно. Схватил ближайшего и лицом об дверь ударил, так что у него хрустнуло что-то там.

Тут они стали разбегаться, только боксер стоял крепко. Никак я не мог попасть по нему, а он по мне легко. В конце концов я ухитрился ногой в грудь ему вдарить, и он на ступеньки упал. Потом вскочил и в магазин забежал. Я за ним, схватил с ходу пластмассовый стол и в него кинул, потом стулья, потом бутылку у кого-то выхватил и тоже в него бросил, у другого шаурму забрал и тоже в него. Он перепрыгнул через прилавок, встал за продавщицу.

— Выходи, — кричу я ему, — выходи!

И хрясь ногой по автомату с напитками, там все посыпалось. Он кричит:

— Вызывайте полицию, он больной же, не видите! Вызывайте!

Впрочем, полицию уже раньше вызвали. Не успел я до боксера добраться, как они приехали, и пришлось нам всем успокоиться. К счастью, удалось договориться, в отделение не повезли — полиция тоже местная. Дэн вопрос уладил, позвонил Артему, тот подошел, кому надо за ущерб заплатили.

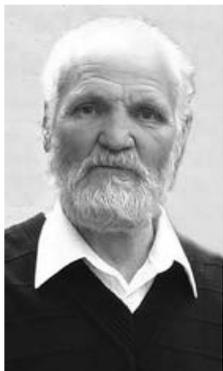
И пошли мы домой. А на небе занялась заря, запели птицы, розовый свет окрасил пейзаж и наши избитые

лица. Начинаясь новый день, а каждый новый день — это новая жизнь, а значит, шанс начать все с начала.

— Эх, хорошо! — сказал я. И улыбнулся.
А мир улыбнулся мне.

Продолжение следует.

Владимир КРУПИН

Окончание. Начало в № 4, 5, 6, 7, 8 за 2018 год

РАССКАЗЫ

Рисунок Марины Медведевой

РУССКИЙ СТИЛЬ

Как и всякий другой, русский стиль имеет историю вопроса. Сама русская история создавала основу его, христианство его одухотворило. Историков древности, вначале с любопытством, потом со страхом бросающих взор на славянские земли, изумляло отношение славян к смерти. Пушкин не случайно взял одним из эпитафий слова Средневековья о нас: «Там, где дни облачны и кратки, родится племя, которому не больно умирать».

Это отношение к смерти, которое есть вообще главное в жизни человека и нации, и выделяет русский стиль из других. Наша, русская, жизнь не здесь, она в Руси Небесной. Но это не значит, что русский стиль предполагает пренебрежение к жизни земной, нет. Земная жизнь есть пропуск в жизнь небесную. Чем выше качества души, тем выше она вознесется. Такие рассуждения, подкрепленные примерами, становятся убеждением русского художника и питают в его нелегкой дороге.

Он вообще вряд ли связан с каким-либо именем. Русский стиль — дело соборное. Другое дело — инославные. Ходжа Насреддин, Шехерезада, Хайям — вот Восток. Акугава, Куросава — Япония, Конфуций, Лао Шэ — Китай, Фолкнер — одна Америка, Хемингуэй — другая, а третьей и не доищешься, Сервантес, Лопе де Вега, Лорка — Испания, Фейхтвангер — иудейство, Шолом-Алейхем — еврейство, Диккенс — католичество, Агата Кристи — Англия для всех и так далее. Где совпадает нация и ее основная религия, где — нет, но стиль присутствует всюду. Деление религий, растаскивание их на секты, течения фундаменталистов, новаторов, традиционалистов и лжепророков вредят стилю,

понижают его авторитет. Стиль готовит мировоззрение политиков, но политики у нас без мировоззрения, только с жаждой власти, отсюда все беды.

Образ жизни опять же глубоко национален, отсюда борьба русского стиля за его закрепление и продление. Индейка с яблоками на Рождество — вот и Англия, спагетти, да пицца, да капучино — Италия, но Россия — не пельмени с медвежатиной, ее блюда многочисленны, русское обилие в еде предпочитало всегда гостей. Помещик Петр Петрович Петух у Гоголя искренне сетует, что гости, перед тем как заехать к нему, по дороге перекусили. Помню по себе послевоенную нищету и голод, помню нищих, которые стеснялись войти в избу, если в ней обедали. Но обедавшие помнили о нищих. А обилие свадеб, крестин, поминок — все желанны за столом. Мы держимся за быт оттого, что в нем любовь к ближним и дальним.

Убивание, высмеивание космополитами вышивки гладью и крестиком, репродукции «Трех богатырей» в колхозной столовой — все это было убиванием русского быта и стиля. Вышивка — символ. Нет у девушки в руках иголки с ниткой — давай сигарету в пальцы. Соцреализм вроде бы и не отрицал национального, но оно было во многом картонной декорацией, ряженостью, привязкой к месту действия, а действие было одинаково везде: строительство неведомого светлого будущего. Стиль же предполагает следование за идеей, за периодами жизни, их ритмом и гармонией. Стиль в семидесятилетних испытаниях сохранялся в мечте о нем. Вырастая в сороковые, пятидесятые и так далее годы, мы ведь не только «Битву в пути», да Полевого,

да Паустовского читали. Одна русская сказка, одна застольная русская песня перевешивала всю тяжесть соцреализма. Нерусская культура для России как кукуруза, сеявшаяся по приказу за Полярным кругом, — все равно вымерзнет, сама вымерзнет, даже времени на возмущение ею не надо тратить.

А еще повезло в тяге по русскому стилю, что в шестидесятые хлынуло на нас засилье иностранной литературы, неплохой, кстати. Но как ни хорош Фитцджеральд, а до Гончарова, например, ему как до звезд. То есть все мы перемолотили. Гамсуна оценили, Ремарком побаловались, а мало их для русского, который уже прочел «Как ныне собирается вещей Олег» или «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром», «По небу полуночи Ангел летел»... Для русского, даже неверующего, но просто любящего Россию, нет сомнений, что Господь был в России. И как иначе после Тютчева: «Утомленный ношей крестной, всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя».

Ведь если русский стиль был, а он был, существовал, то он и есть, он действует, он живет хотя бы в тоске по нему. Отсюда желание возврата к нему, отсюда обязанность русского художника его продолжать.

Проживать историю или жить в цивилизации? Но я никуда не денусь, я живу в цивилизации, но как писатель я живу историей. Я вхожу в общество потребителей, я просто обязан жить сегодняшней русской жизнью. Но надо видеть в бегущем времени проблески, пусть даже и гаснущие, вечности. Прогресс демократии вижу в одном — в прогрессе разврата, насилия, пошлости, в их агрессивности, в их лихорадочном румянце, в желании заразить всех.

Господа иностранцы никогда не поймут России, и не надо им ничего объяснять. Кое-что понимают те, кто понимает чувством, а всякие изыскания о России, об иконе и топоре — болтовня для сытых, справка для ЦРУ. Другое дело люди, полностью, по силе своей любви к России начинающие ей служить: Востоков и Даль, Бодуэн де Куртенэ... Здесь пунктик, когда ненавидящие Россию всегда вопят о частичках нерусской крови в Пушкине, Лермонтове и так далее. Дело разврата в крови, дело же в любви к России, а значит, к православию. Но вообще для иностранцев мы непостижимы. Прости, Господи, я не видел никого глупее и самоувереннее американцев. Вспомним к случаю и князя Вол-

конского. В лекциях, читанных в Америке по русской истории и культуре, он замечает, что, заставь иностранца говорить о России, и он непременно сморозит глупость. В массовой культуре нет русского стиля, есть его знаки: «посидим, поокаем», рубаха навыпуск, присядка, калинка-малинка, казачок, но стиль — не этнография в костюме и рисунке танца, это образ мыслей.

Но снисходительно взглянет на наши доводы в защиту русской культуры демократ-неозападник: «Как ни кричите вы, русские, о своем самобытном пути развития, а вышло-то все по-нашему. Всякие ваши веча, да земства, да совестные суды — побоку! Приучили же вас к парламентам и спикерам, и никуда вы не делись. И префекты и плюсквамперфекты, и мэры и мэрии, и федеральность всякая уже хозяйничает в России. Ну, кинем вам кость, дадим Думу, так это все тоже наше, западное, иначе только названное. И выборы сделаем какие хотим, так что можете не голосовать, командовать будем мы. И в экономике будете хлебать нашу кашу, будете всю западную заваль потреблять за большие деньги. И в образовании будем вас окорачивать, своих выучим, вашим — шиш. Деньги в красный угол поместим, молитесь. Все будем мерить на деньги. Культура только наша, то есть низкопробная, массовая, все сюжеты кино и театра о деньгах, насилии, роскоши, погоне за удовольствиями. Вся трагедия индейцев Северной Америки стала основой боевиков, вся история Европы — сюжетом для развлекательных фильмов, так же поступим и с русской историей. Ивана Грозного сделаем чудовищем, Петра — героем-реформатором, Екатерину — самкой, Павла — недоумком, Ломоносова — драчуном и пьяницей, Пушкина — волокитой, остальных соответственно. Посмотрят дети и взрослые десятка два лет, так и будут представлять русскую историю — в наших картинках.

Это нам решать, что русским пить и есть, что любить, кого выбирать, что носить, за кого воевать, русские сами не способны ни к чему. Правда, мы ни разу со времен царя Гороха не дали русским быть в своей стране хозяевами, но нам лучше знать, кому верховодить в России...»

Так примерно говорят русским демократы нового толка. Западный путь развития во всем, куда ни глянь. «Мы победили, — кричат они, — значит, мы сильнее, значит, наша идея жизнеспособней».

Но так ли?

ЗАСТОЙНЫЕ ВРЕМЕНА

В тот давний морозный декабрь в Вятке, куда я примчался из слякоти и туманов Москвы, я был здо-

ров, счастлив и молод. Первые мои рассказы, напечатанные в столичных журналах, дошли до родины,

один даже с фотографией, что восхищало. Вот, не вру, увидел в троллейбусе девушку, читающую мой рассказ. «Это — судьба», — забилось сердце. Я с ходу подсел, она покосилась, отодвинулась, а я сообщил: «Это я написал». Она ответила: «Иди, дядя, проспись». С тех пор не ишу контактов с читателями. С московскими. А Вятка? Вятка — это Вятка. Конечно, нет пророка в своем Отечестве, тем более в недоверчивой Вятке, но ведь родина. Родина. Родила и вырастила, как не мечтать чем-то отблагодарить. Вот и считал свои рассказы малым вкладом в «малую» родину. Малой родиной называли место рождения писателя. Для кого малая, а для меня — всесветная. Таковой же она, уверен, была и для вятского русского поэта Анатолия Гребнева, живущего в Перми. Именно с ним мы встретились в эти морозы. Навестили писательскую и журналистскую организации, сходили во главе большого коллектива пишущих в баню, естественно, в номера. Естественно, с допингом для увеличения радости жизни. Вымылись и выслушали новости светской жизни областного центра.

— Нет, Толя, — сказал я, когда мы остались одни, — это счастье, что мы живем не в Вятке. Счастье. Приехали и уехали, а живи тут постоянно? Ведь это надо было бы участвовать в «борьбе». Ну чего вот он (я назвал фамилию) с бабами связался?

— А этот, — Толя назвал другую фамилию, — уже рехнулся от сознания своей гениальности. Ты слышал, он говорит: я — вятский Гоголь.

Я передал Толе приветы и поклоны от Анатолия Кончица, прекрасного писателя, тоже, естественно, вятского, живущего в Москве. Он сын сосланного в Вятку белоруса и подосиновской женщины. Не женщина из-под осины, а район такой, Подосиновский. И пересказал Толе до сих пор не напечатанную повесть Кончица. О ней чуть дальше. Пока же закончу рассуждение о климате провинциальной культурной жизни в сравнении с московской. В провинции враждуют всерьез и подолгу. В писательской организации из десяти членов всегда восемь партий. Вражда идет до гробовой доски, закручивает события, втягивает и ближних, и дальних. В Москве враждовать некогда. Во-первых, в Москве никому ни до кого нет дела, во-вторых, в Москве много писателей, и все гении, в-третьих, событий, то есть сплетен, такое количество, что их не переварить. Утром узнаешь, что такой-то уехал в Израиль, к обеду — что такой-то оттуда вернулся, а такая-то ушла от такого-то к такому-то (так ему и надо), вечером в ЦДЛ подрались (вчера тоже дрались, но как-то не так, сегодня ярче, милиция была), такой-то выдвинут на премию, а такой-то задвинут (конечно, надо наоборот, да разве ж эти там, в секретариате, чего-нибудь понимают), то-

го-то избрали, а того-то прокатили (надо было обоих прокатить), а эта сучка только приехала из Франции и уже включена в делегацию в Италию («а ты что ж, не знал, она же стукачка»), то есть такое количество событий, стычек, лагерей, заседаний, что когда уж тут подолгу враждовать. Одно было и продолжается противостояние: евреи и русские. Но как-то же уживались, сидели на одних совещаниях, пьянствовали вместе, делить, конечно, было что (издания, звания, поездки...), но как-то и это решалось. Я потом долгие годы был в приемной комиссии, сейчас некогда, а надо бы рассказать, как принимали в Союз. Если мы, русские члены приемной комиссии, не принимали в Союз еврея, причем совершенно по объективным причинам (бездарен, тягомотен, мало написал, подождем), то члены комиссии евреи тут же автоматически топили русского, будь он хоть расталантив. Но как-то все же договаривались, Союз писателей рос.

Именно в ЦДЛ я познакомился и мгновенно сдружился с Анатолием Кончицем, земляки же. Он часто звонил и забавлял, например, тем, что вот сейчас перечитал «Господина из Сан-Франциско» и понял, что в России только три прозаика: «Ты, я и Бунин». — «Тут у меня еще Женя сидит», — говорил я. «Да, и еще Женя». Но это он так шутил, а сам был скромнейший, совершенно не пробивной человек. Он написал повесть, где главный герой — унылый маленький человек советского времени. Комната в коммуналке, зарплата ниже уровня моря, кто такого полюбит? Но однажды в его комнате вдруг отъехала в сторону стена, за ней открылся сад, беседки, выскочил швейцар и пригласил: «А пожалте, барин, для аппетита погулять». Вот такой сюжет. Швейцар, имя его Филимон, любил барина. У берега тихой речки, конечно, с лебедями, пели девушки в сарафанах, доносилась свирель пастуха. И барин, совершенно разнеженный, говорил Филимону: «Дай-ка ты мне, братец, в руки пистолет да поставь-ка ты себе на голову яблоко». — «А не портили бы вы яблоко, барин», — отвечал Филимон, нисколько не сомневаясь, что барин попадет не в лоб, а в цель.

Толя, посмеявшись, сказал вдруг:

— А что, барин, не мало ли мы погрелись?

Мы стояли среди морозного тумана. Окутанные седым снежным куржаком, извергая мгновенно замерзающие облака выхлопа, проносились автобусы. Скрипели валенки торопливых закутанных прохожих. Непонятное время как бы умершего от холода дня подстрекало к сопротивлению. Тем более после бани боялись простыть.

— Да, Филимон, — отвечал я. — Не будем портить радость от встречи разговорами о роли интеллигенции в ее личной жизни.

Но в тот же вечер мы снова нарвались на такие разговоры. Нас заарканила областная гросс-дама (прошу только не думать ни на кого из знакомых вятских женщин), ее давно нет в Кирове, тогда же она держала своеобразный салон. У нее, помню, были какие-то прыгающие по стенам и потолку пресноводные лягушки. Это добавляло ощущений. Театральная и околотеатральная публика, телевизионщики, еще кто-то пели и пили и говорили услышанное по «Голосу Америки». Наша интеллигенция, что для нее, увы, естественно, верила разным «голосам» сильнее, чем голосу Москвы. Виновата и Москва (очень дубовые тексты звучали над страной), но и сама интеллигенция, которой со времен предателя Курбского, а его демократы числят в основателях русской интеллигенции, кажется, что все заграничное лучше всего. Мне слышать то, что слышал-переслышал в ЦДЛ, было уже и невмозготу. Господи Боже мой, я на родине, в богоспасаемой Вятке, и снова должен слушать бесконечное: Сталин, евреи, свобода творчества, пример Запада, отношение к интеллигенции, оплата творчества по таланту (все же таланты!), сколько можно?

— Я уйду, — сказал я Толе. — А ты, барин, как изволишь.

Игра в барина и Филимона уже привязалась к нам, только мы так и не поняли, кто из нас кто — кто барин, а кто слуга.

— И на кого ж ты меня покинешь? — отвечал Толя.

Мы выбрались из-за стола вроде покурить, оделись в прихожей и самым примитивным образом эмигрировали. Так сказать, безвизно. Мороз еще подбавил. Троллейбусы уже не ходили. Стали ловить машину. Толя остался на остановке, поставив на скамью портфель и высказывая голосовать проезжающим, я перешел на другую сторону.

Машину-то мы поймали, а вот портфель у нас свистнули.

— Да, — сказал я, — очарование родиной продолжается.

Мы недолго бы переживали, если б портфель пропал без содержимого, но он пропал именно заряженным. Мы стали искать то, чем можно было б залить горечь интеллигентских дискуссий. Конечно, с высоты лет легко нас осудить: шли бы спать, и все, но поставьте себя на наше место. Приехали на родину, давно не виделись.

Выручил писатель Владимир Ситников, спасибо. Он совершил нерядовой поступок, когда в глухую полночь вышел на наш звонок на площадку квартиры, сразу все понял и помог.

На улице у меня лопнула подошва зимнего австрийского ботинка. На такие морозы она явно была не рассчитана. А ведь знали же немцы, что в России есть гене-

рал Мороз. Быстро забыли. Нога моя заколела в минуту. Вприпрыжку мы побежали ночевать к моему брату.

Утром брат залил пространство щели на ботинке каким-то особым клеем.

— Погоду слушал, — сказал он. — У тебя, Толя, в Перми, гораздо теплее.

И вот эта случайная фраза брата о погоде решила нашу судьбу. Сидели на кухне и все прокручивали вчерашнее сидение с вятским бомондом. Разговоры его ничуть не отличались от разговоров и в Москве, и в Перми, рассуждали мы. У интеллигенции всегда все виноваты, но не она. Любимая тема — говорить о привилегиях начальства. Это же показывает зависть говорящего. Вторая любимая тема — обсасывать уже прошедшие события истории, которые уже не изменишь. Но зато сколько возможностей показать ум. Третья тема — осуждение пишущих (рисующих, играющих) собратьев. Конечно, все бездары. И так далее.

— У нас в Перми, — сказал Толя, — есть два поэта.

— Два? А ты? А?..

— Два враждующих. Зовут Штепсель и Тарапунька. Один — два метра, другой — метр с кепкой. Метр с кепкой написал: «Мировоззрение окраин центростремительней ума». Завихрение, конечно, но имеет же право. А высокий, Тарапунька, стал высмеивать: у этого шплинта — и мировоззрение. Что ты! Обида, вражда. Если один пришел в Союз писателей, другой не придет.

— И у каждого читателя, так ведь?

— Естественно. А поехали-ка, Филимон, на вокзал, — сказал Толя. — Выпьем там. Не для пьянства, а чтоб не отвыкнуть для.

Поехали. Моментально схватили такси. Вообще, в дореформенной России с такси не было проблем, в Кирове особенно. Такси можно было вызвать из уличного телефона-автомата. Звонишь — через три минуты выезжает из-за угла. Еще через пять минут водитель становится хорошим знакомым, а к концу поездки — преданным товарищем. Для начала Толя всегда читал стихи Передреева: «И вот стою и погибаю среди райцентровской грязи. Вот снова руку поднимаю, вот умоляю: подвези! Шофер берет меня, сажает, а я ему не сват, не зять. Шофер глаза свои сужает, соображает, сколько взять...» Вятские таксисты, в отличие от московских, глаза не сужали, брали по счетчику (что, кстати, было очень недорого), а один раз возивший нас таксист заявил: «Парни, это я вам должен платить, а не вы. Я с вами, парни, как в кино ходил». То есть умели мы поговорить с народом. Правда, народ был не нынешний. А таксисты, думаю, уже и забыли, когда возили простых людей.

Опять у меня перекидка в нынешние времена. Но, когда вспоминаешь, невольно сравниваешь. Поминая дни древние, поучаешься в них, говорит Псалтырь. Так

и мы. Все познается в сравнении. Чем плохо жили? Да ничем. Главное, не боялись завтрашнего дня. Стали недовольны жизнью — получай. Недовольство жизнью всегда ведет к ее ухудшению.

Толсто замерзшие стекла вокзального ресторана не пропускали ни света, ни изображения того, что происходило на перроне. Слышен был шум уходящих и приходящих электричек, гудки электровозов.

— С этими разговорами, — сказал я, — будто из Москвы не уезжал.

— А я из Перми. У нас же тоже и «Немецкую волну», и «Свободу», и «Голос Америки» слушают. Глушат, конечно, да что толку. Антенны насобачились делать, приемники делают помощней. За высокую техническую грамотность! — поднял Толя бокал.

— И за низкую национальную сознательность! — поднял я свой навстречу. — То есть за то, чтоб она возросла.

— Как всегда будет поздно, — хладнокровно отвечал Толя. Он закурил, порассматривал ногти на пальцах, поднял взгляд и весело предложил: — А поедем, Филимон, в Пермь. Сказал же брат — там теплее.

— Тогда уж в Москву. Там вообще оттепель. Мы почти посередине. Жребий?

— Жребий? — Толя уже достал спички и одну из них обезглавил. — Но! Вытянем Москву, а вдруг вначале пойдет на восток. Давай поедем туда, куда пойдет скорее.

— Давай.

Мы поднялись в кассовый зал, к расписанию. Вышло в Пермь. Билеты, правда, были в общий вагон, но что с того.

— Зима, мороз, и все куда-то едут. Ну мы-то хотя бы освежить взгляд зрелищем заснеженной России, а все-то куда? — спрашивал Толя, проверяя запасы огня и дыма, сигарет и спичек.

Поезд, на диво, пришел и отошел вовремя. В вагоне было так натоплено, что по нему бродили в майках. Плакали дети, орали динамики. Вагон был чуть ли не двадцатый, хвостовой. Выехали за привокзальные стрелки — и все равно мотало. Толя уже узнал, что в поезде ресторана нет, есть буфет, но что и это не то.

— Почему?

— Как говорят психологи, выслушай информацию со знаком минус: в буфете только аква минерале. — Толя сделал паузу. — А теперь выслушай информацию со знаком плюс: в первом вагоне у проводника, официальная кличка Игорь, есть. Правда, надбавка за подпольную продажу, ну-к что ж. Идем? Водка от гонений крепнет.

Тогда, опять же кстати, качество спиртного было данным, то есть надежным. Демократического пой-

ла, убивающего людей, вроде «королевского» спирта «ройяль», вроде чудовищной ацетоновой бормотухи не было и в страшном сне.

Мы оставили полушубки и пошагали налегке. Представьте эти два десятка вагонов, в которых жар и духота, и эти снежные тоннели тамбуров, эти тяжелые обросшие ледяным свинцом двери. Вечность мы шли до этого Игоря. Он оказался на месте, выслушал пароль от нашего проводника, назвал сумму. Мы к тому времени уже умели не удивляться. Купили расположение этого Игоря еще и тем, что сообщили: одну распечатываем с ним, одну берем с собой. Платим за обе.

— Вот такой пошел клиент у тебя.

Добру добро откликается — в служебном купе появились и горячая картошечка и рыба, также огурчики-помидорчики, вызвавшие в памяти частушку: «Огурчики-помидорчики, Сталин Кирова убил в коридорчике». Хоть и не убивал, а в частушку для закрепления в народной памяти попали оба. Посидели душевно, пошли. И снова эти контрасты жары и полярного холода, снова эти перемерзшие окна, за которыми что-то пронеслось.

— Как в метро едем, — сказал я на середине пути.

— Слушай, барин, беря в рассуждение то, что от этих сквозняков и мороза ни в одном глазу, а также трудность добывания горючего, а также то, что все равно снова идти, то...

— Не из горла же.

В том же вагоне, в котором пришло разумное решение, мы обратились к проводнице как близкие друзья Игоря. Да и без Игоря мы были в своем народе. Огурчиков не было, но чистые стаканы, но хлеб, но шоколадка предстали в ту же минуту. Посидеть с нами проводница отказалась. Оставила нас из деликатности одних, пошла подметать.

— Надо бы ей стих сочинить, — предложил я. — Еда на уровне министров, да и обслуживают быстро.

Толя подхватил:

— Нам так понравилось сидеть, что захотелось к вам опеть.

Мы все прибрали, вышли в тамбур. Толя курил, я мерз. Попытался продышать глазок в стекле. Вроде протаивало, но как только отклонялся, чтоб набрать воздуха, глазок затуманивался, как засыпающий.

— Удмуртию, наверно, проезжаем.

— Не Удмуртию, а Глазовский уезд Вятской губернии, — поправил Толя. — Мы вятские, чужого нам не надо, но наше отдай. Нас вообще кругом обтяпали. Чайковский был наш, стал удмуртским, это что? Заблоцкий отошел к марийцам, Шаляпин к татарам, Шишкин к ним же. Что ж осталось? Васнецовы только. Ну что, барин, к Игорю?

Игорь уже был не проводник, а полупроводник, как мы его потом назвали. Но, выпивая, он не хамел, цены не прибавлял, только все обещал начистить морду электрику состава.

— Он же всю дорогу дрыхнет. Вот и отоварил Райку. Нет, начищу! Будет блестеть, будет!

— С мордой не связывайся, — посоветовал Толя. — Пристрели и выкинь. Проще. Вместе с Райкой.

И опять этот поход из головы в хвост. По пути благодарили проводницу, обещали написать ей стих. В этот раз все-таки решили пойти до своего вагона, а то как бы наши полушубки не скоммуниздили. В вагоне полушубки были на месте.

— Филимон, давай пока не будем открывать, давай сочиним, обещали же.

Соседи по купе засобирались выходить. Верещагино.

— Уже Верещагино! — ахнул Толя. — Да, барин, вот как, оказывается, надо преодолевать пространство. Преодолевать его в движении. Лежа мы бы так быстро не ехали.

Мы улучшили жилищные условия, то есть перебрались с боковых мест на перпендикулярные им. Стали сочинять. Я письменно, Толя устно.

В жаре, на полке боковой,
Над колесом, у туалета,
Я ехал к крестнику домой,
Он был поэтом.

Крик жен, храпенье их мужей,
Хрипенье радиоэфира,
Казалось мне, что нет уже
Другого мира.

И обескровленный листок
В окне метался.
Изнемая, на восток
Я продвигался...

Окончание я забыл, да это и неважно. Толя, как профессионал, сочинил гораздо лучше: «Надоело болтать и стограммить под хмельную чечетку колес. Я сумею состав застопкранить, я успею уйти под откос. Вы меня ни за что не найдете, мне на вас глаубоко наплевать. Ах, какие на поле ометы, я в ометы уйду ночевать... — Дальше, помню, было: — С головою заруюсь в лучи и усну в золотистой соломе, как у мамы на русской печи. — В конце стояло: — Не забыт он, не предан, не запит родниковой отчизны исток. Мне на Вятку, на запад, на запад, а колеса стучат на восток».

Толя щедро похвалил мои способности к рифме, но поправил:

— То, что я твой крестник, ты верно отобразил, но почему про этого крестника: он был поэтом? Был? Если так, то я сумею состав застопкранить. Все будут как обескровленные листки метаться.

— А на кого это тебе глубоко наплевать?

— Они поймут.

В Перми вряд ли было теплее. Доказательством мороза было то, что прямо на вокзале у меня лопнула вторая подошва, и первая, та, которую лечил брат, тоже треснула, но не по склеенному, брат сделал на совесть, а рядом.

— У тебя дома клей есть?

— У меня как в Греции, все есть, — отвечал Толя. — Но ты что, думаешь сдаваться? У меня и жена есть, даже и вятская, то есть даже больше, чем хорошая, да ведь жена-а. Но! Барин, сейчас хоть и темно, а ведь еще и шести нет. Помнишь шутку: до семи пьют семиты, а после семи антисемиты. Поехали в Союз, там точно кто-нибудь есть.

О, эти бесконечные пермские улицы, проспекты, гигантские площади. Ну зачем, скажите мне, иметь в городе улицу, конечно, имени Ленина, длиной в семьдесят километров? Одно утешало, что в Перми есть своя Царь-пушка размерами больше Царь-пушки, стоящей в Кремле. Причем важное отличие: кремлевская пушка так и не выстрелила, а пермская и стреляла, и еще вполне может стрелять. Сведение, ценное для нынешних времен.

Приехали в Союз писателей. Там было народисто. Рядом с Союзом писателей был клуб МВД, конечно, имени Дзержинского. В нем мы быстро достали все необходимое для радости встречи. Вот, кстати, тоже глагол: достать. Этот глагол гораздо энергичнее, нежели глагол «купить». Купить любой может, а ты достань. Достать — дело творческое. Загремела казенная посуда, с меня требовали московских новостей. Но я всегда замечал, что в провинции больше знают о Москве, нежели в самой Москве. Высокий поэт, назовем Александром, завладел вниманием.

— Этот шплинт, — сказал он, — этот шибздик имеет мировоззрение.

— Хватит тебе! — закричали присутствующие.

— О! — вдруг встрепенулся Толя, сидящий рядом. — Ведь Славка рядом живет. — Толя вышел.

Потом я понял, что он звонил поэту маленького роста, просил прийти в Союз.

Тут началось и блистательно произошло событие, положившее конец поэтической вражде. Событие задул и провел Толя. Он примерно рассчитал время прибытия Славы и наполнил бокалы.

— За Пушкина! — возгласил он.

Возражений не было. Только встали (за Россию, за Пушкина, за женщин — стоя), как в дверях появился

Слава. Александр поперхнулся, Слава попятился, но Толя подскочил к дверям, загородил Славе выход и закричал:

— Тих-ха! Саш, скажи только одно: хуже или лучше Пушкина ты пишешь? Мы знаем, что ты прекрасный поэт, ты заработал бессмертие, но вот кто лучше: ты или Пушкин?

Александр помялся, переступил (все ждали ответа) и угрюмо проворчал:

— Ну, Пушкин.

— А ты, Слав? — тут же обратился Толя к маленькому ростом. — Ты лучше Пушкина пишешь, а?

— Что глупость говорить? — ответил Слава. — Пушкин же.

— Итак! — поднял руку Толя. — Вы оба пишете хуже Пушкина, так чего вам делить? Чего? Ну-ка, бру-дершафт!

Мы загудели одобрительно, стали подталкивать противников друг ко другу. И — свершилось: Толя с помощью Пушкина и с нашей помощью покончил с враждой, вырвал ее корни. Славу и Александра посадили вместе. Александр отечески подливал соседу и гудел:

— Плюнь ты на эти мировоззрения, пиши проще. Как у Пушкина: мороз и солнце, понимаешь, прибежали в избу дети... так и молоти.

Сидение закончилось. Тогдашний секретарь пермского отделения Союза писателей Николай Николаевич Вагнер позвал нас к себе. Много лет назад он похоронил жену, больше не женился, жил одиноко, но очень чисто в трехкомнатной квартире. Сразу отказался от нашего предложения посидеть на кухне, стал накрывать в большой гостиной. Любо-дорого было смотреть, как он постилает чистейшую скатерть, достает из серванта и перетирает хрусталь, фарфор, раскладывает мельхиоровые приборы, извлекает из морозилки запотевшие емкости, нарезает дефицитные продукты. Опять отвлекусь: это была чисто русская советская загадка тех времен: при пустых магазинах изобилие продуктов в домах. На Западе в магазинах все ломилось, а придешь к ним домой — пусто, экономно, ужимисто. У нас всегда полная чаша. Сейчас более начинаем походить на Запад.

Николаю хотелось поговорить с московским гостем.

— Вот этот, — он назвал модную фамилию, — ведь еврей?

— Ну?

— Я сразу понял. Не успел напечатать роман, как уже шквал аплодисментов. А ведь в зубы нечего взять, просто гигантский очерк, а не роман. А вот этот (фамилия) русский, прекраснейшая повесть, и никто ни звука.

— Ни слова о евреях! — закричали мы.

— При Сталине... — начал Николай.

— Ни слова о Сталине, — закричали мы.

— Значит, молчать?

— Есть же третья тема — о женщинах.

Потом мы воспели этот вечер в стихах: «Коля жил как отшельник игумен, лишь с печатной машинкой дружил, и в горячке писательских буден без излишеств, без пьянства он жил. Только надо ж такому случиться — был покой монастырский сметен, вдруг явился к нему из столицы барин в туфлях, а с ним Филимон...» Про барина и Филимона мы, конечно, Николаю рассказали.

— С женщинами я вам не помощник, — ответил Николай. — Но пригласить могу.

— Приглашай, — распорядился Толя. — Желательно постарше. Для общения, для интеллекта. Вдохновения хватает.

Я вызвался чистить картошку и жарить мясо, они пошли звонить. Слышно было, как Толя энергично уговаривает:

— В такой мороз надо держаться ближе друг к другу. На полчаса? Отлично. В нашей жизни и пять минут могут стать вечностью.

Одну уговорили. Стали звонить второй. Вторая, объяснил Николай, была очень важной женщиной, со склада запчастей. Познакомился, когда ездил доставать что-то для своих «Жигулей». «Писателей, говорит, уважаю. Телефон дала домашний».

И вторую уговорили. И мясо у меня подошло и томилось под чугунной крышкой. Обе приехали чуть ли не враз. Первой та, которую Толя уговаривал особенно жарко. Зрелище было страшным. Потом мы его описали так: «Филимон возле дамы хлопочет, возле дамы ужасной своей, у которой ни сердца, ни почек, ни волос, ни бровей, ни груди». Вторая была раза в два моложе, но тоже сильно в годах.

Я сидел напротив Толи и видел, что он и страшится, и мужается поглядеть на соседку. Другая, со склада, была проще и веселее. Чем-то ей понравился именно я. Она предложила спеть интеллигентскую песню: «Миленький ты мой, возьми меня с собой». Спели и стали анализировать: кто в центре песни? Эмигрант? Скорее, еще не уехавший, но отправивший в «край далекий» и жену, и сестру. Ведь в краю далеком есть у него и жена, и сестра. Заставили Толю читать стихи. Все было душевно.

Полночь, однако, приближалась. Женщина со склада вполне освоилась в квартире, сообщила мне, что нам надо занять одну из комнат, что уже люди устали, надо дать им отдохнуть, и нам пора. Николай, наклоняясь ко мне, вдальбивал, чтоб я непременно к утру достал крепостину для его «Жигулей». Вот женщина, прихватив в одну руку рюмки, в другую графин (Николай же не мог опуститься до того, чтоб наливать гостям из бутылок),

лягнула меня в плечо бедром и пошла. Николай стал меня толкать вслед за ней, повторяя: «Крестовина, крестовина!» Так он меня и затолкал в камеру пыток.

— Миленький, — хлопнула в ладоши женщина, — контрольный звоночек, и...

Этот контрольный звоночек меня спас. Оказывается, муж женщины уехал в тот день проверять отопление на даче и собирался там ночевать, а приехал туда — все отопление полопалось, трубы перемерзли, и он возвращается. Хорошо еще, заехал к знакомым гаишникам и позвонил с поста. Эти сведения женщина получила от матери, взвизгнула и мгновенно собралась. Я фальшиво и радостно кричал:

— Как? Так сразу?

Вызвали такси. Оно, как и в Вятке, подрулило ментально. Женщина исчезла. Вскоре отправили и вторую. Можно себе представить радостное мужское застолье, которое вслед за этим продолжалось еще дня три-четыре.

Но в этих днях были: и баня, и покупка мне зимних ботинок, не австрийских — отечественных, теплых, надежных, были и встречи с трудящимися и учащимися. Продолжалась игра и в барина, и в Филимона, причем я до сих пор не понял, кто из нас кто. Ослабев здоровьем, я уже не мог ехать поездом. Тем более если б я поехал поездом, то как бы я проехал Вятку? А на нее уже не оставалось сил. И я улетел самолетом. Все было настолько доступно и настолько мы все это не ценили, что... что теперь!

В Москве измученный Уралом организм схватил простуду уже на трапе самолета при выходе, и вечером того же дня я отправился лечиться. Куда? Конечно, в

ЦДЛ. И там, конечно, сидел Анатолий Кончиц, которому я и рассказал о воплощении его литературных персонажей, что его повесть, так сказать, каким-то боком вышла все же в люди.

И какова же, как говорил знакомый писатель кавказских кровей, какова же «марал»? Он не видел смысла в рассказе, если в нем не было лобовой морали.

Да, какова «марал»? А никакой. Чего теперь, когда все в России — и власть, и финансы, и особенно средства массовой информации, театр, кино, — все захвачено, я не скажу — нерусскими, но скажу — антирусскими людьми. Именно так. И мы сами помогли этому. Одно утешает — все это захвачено, а захватчики трясутся от страха. Они же понимают, что Россия осталась с русскими.

Но как же помогли? Очень просто: тем, что подвизывали кухонным борцам, желающим публично говорить правду, желающим жить в другой стране или переделать эту страну. Мало было, что говорили везде и говорили кто что хотел. Но ведь так хотелось кайфа — тиражировать то, что говоришь на кухне, обнажаться хотелось публично. Ну, обнажились, ну, переделали страну, что ж вам невесело, господа хорошие?

В кратком послесловии сообщаю, что та женщина со склада сама привезла Николаю несколько крестовин, полюбила литературу, выпрашивала мой адрес. Николай выстоял, семья моя сохранилась.

Вот такие воспоминания из времен, когда картошка стоила десять копеек, а в школе детишек учили любить Родину.

ЧЕТЫРЕ НЕМЕЦКИХ ПИШУЩИХ МАШИНКИ

Валентину Распутину

О, как писалось в молодости! Быстро, весело, помногу. Ну не печаталось, не издавалось, что из того! Сказал же Гоголь: «Печать вздор! Все будет в печати!»

О, незабвенная моя первая пишущая машинка! Изношенные буквы, кривые строчки, изорванные, избитые тринадцатимиллиметровые ленты. В конторе лесхоза она была, и я ходил на нее смотреть. Даже не смотреть, а хоть взглянуть издали. Отец говорил, что ждут новую, а эту спишут и он возьмет ее себе, то есть для меня. И этот день пришел!

Отец научил меня поднимать и опускать валик, вставлять листок, устанавливать интервал между

строк. Я очень волновался и от этого резко и сильно ударял по клавишам. И вот — я написал свою фамилию. Печатными буквами! О, не смейтесь над отроком — это было событием для человека, дерзающего осчастливить своим присутствием мир. Не помню, что потом печатал, конечно, стихи, но вот машинописные буквы фамилии на светло-желтой бумаге помню. Нет, и стихи вспомнил:

Мир, сплотив миллионы сердец,
К коммунизму идет,
А его ведет
Товарищ Сталин — наш второй отец.

Все-таки не первый. А машинка «Москва» была первой. Она досталась мне уже почти полной развалиной, и я скоро превратил развалины в руины. Но дело обучения машинописи пошло-поехало. Учил я себя писать на машинке варварским способом, вначале одним пальцем тыкал, потом двумя. Если палец промахивался и нажимал не ту клавишу, я этот палец в наказание за промахку кусал. Зубы были крепкие, грамотность повышалась быстро.

Достать новую ленту было невозможно. И опять же отец приносил ленты, уже избитые, обесцвеченные. Бывало, что яснее первого, лицевого, экземпляра были вторые и третьи, которые шли под копирку. Тут я запнулся: уже надо объяснять, что такое копирка. Получается, пишу не для молодежи, а для старшего поколения. Нынешний школьник в сочинении по повести Гоголя «Шинель» сообщает: «Акакий Акакиевич работал ксероксом». А что? Он же переписчик, размножал бумаги. И мне Акакий ближе и понятнее, чем все эти ксероксы, факсы, принтеры, файлы, мегабайты, сайты, картриджи, сканеры, всякие виндоусы, яндексы, мэйлы, флешки, всякие айпеты или айпеды, сиречь планшетники, — все это кажется мне каким-то новым матерным языком демократической словесности. Только в электронном адресе завитушка в середине называется по-русски, да и та собака.

Итак, о пишущих машинках. Конечно, вначале всегда писал от руки. Но рукопись в редакцию не понесешь, время не пушкинское, нужна рукопись машинописная. Да и почерк свой сам иногда не понимал. Еще и фигурял выражением Стендаля, что ужасный почерк — признак гениальности. Переписывал попонятнее, отдавал машинистке. Дорого. Хотя застал времена, когда машинописная страница — тридцать строк — стоила десять копеек. Но при моей тогдашней нищете и это — деньги. Надо было заводить свою машинку. А как купить? Нужно было разрешение. Да. А где взять? Еще же не был членом Союза писателей. Где-то, как-то, после кого-то обзаводился старьем, мучился, брал напрокат... Помню эти «Ундервуды», «Оптимы», «Прогрессы», но все было старым, ненадежным, ломалось. Потгаскай-ка в ремонт, да заплати-ка за него. Мечталось о новизне.

И вот — свершилось! Я — член СП СССР, у меня в руках талон на немецкую пишущую чудо-машинку «Эрика». По тем временам легкая, в серо-голубом футляре, будто внутри гармошка или маленький аккордеон. Меня даже спросили в автобусе: «На свадьбу играть едешь?» За этой машинкой я вначале ухаживал прямо как за первой любовью. Берег, протирал, смазывал. И она отвечала взаимностью, была безотказной. Выносила и дальние переезды, и разницу температур, и

молотила по четыре, по пять экземпляров. Притащил ее раз к родителям в свою Вятку, работал на ней в чулане, но вскоре нагрянули Кировские писатели, вытащили в поездку по области, и мы ездили дня три. Выступали, радовались жизни. Хотя и дожди шли, а все равно хорошо — родина! Вернулся к родителям, пошел в чулан проведать свою «Эрику» — батюшки мои, стоит в луже воды, весь поддон залило. Но ведь вот что такое немцы — вылил из машинки воду, протер полотенцем, вставил сухой, чистый лист и стал работать.

А дальше, хоть и стыдно, а надо рассказать, как я изменил «Эрике». Лет пятнадцать она безропотно тянула ляжку. Уже была и контужена: я с ней выпрыгивал из электрички, она кувыркалась по асфальту платформы. Раз зажало ее в грузовом лифте, но все она жила, все пахла и пахла.

И вот событие — в Литературный фонд завезли австрийские, то есть опять же немецкие, пишмашинки «Юнис люкс». Аккуратные, плосконогие. Футляр красно-белый или сине-белый. Но распределяли вначале не всем, а лишь делегатам писательского съезда. Каковым я уже и был, и эту «Юнис люкс» схватил сразу в обнимку. Выбрал, конечно, цвета моря и белых над ним облаков. Как элегантно, как легка! Какой шрифт, как мягко скользила каретка, как неслышно проворачивалась вместе с бумагой. Я ее полюбил, а уж как она меня-то любила! Именно она соблазняла меня сразу набирать, а не мучиться с рукописью. Но я все-таки не поддался. Хотя официальные письма, иногда статьи шпарил на этой «Юнис» прямо начистовую. Но что касалось рассказов и повестей, тут всегда требовалось рукописное. Хотя уже не перьевой ручкой писал, а, для скорости, шариковой. Но прямая связь: голова-сердце-душа — рука-ручка-бумага сохранялась и при шариковой.

О бедной «Эрике» вспоминал редко и всегда с оттенком вины перед ней. Какая выносливая была, как мы с ней в ванной или на кухне коммуналки прокручивали сотни страниц, да еще и по несколько экземпляров, легко ли! Однажды сел и за «Эрику». Прочистил, спугнув маленького паучка, зарядил листок. Печатаю — нет мягкого знака. Немка моя за годы разлуки огрузинилась. «Гоголь, — сообщала она, — большой русский писатель, любил сол и фасол». Опять задвинул ее под стол.

Жизнь моя переполюзла за полвека, уже было полдомика в деревне, в Подмоскowie. Возить туда-сюда машинку, эту бело-синюю полинявшую красавицу, не хотелось. Везешь ее, думаешь сесть за работу, а чаще всего даже футляра не снимешь. Чего и снимать, уже пора ехать обратно.

Опять вспомнил про «Эрику». Давай ее отремонтирую и вывезу на постоянное место жительства, на почетную старость в деревню. Может, еще вместе и

потрудимся. Но уже такие машинки не брали в ремонт, на всех полках нагло разлеглась электронная продукция. Уже почти все мои соратники по перу обзавелись и компьютерами, и принтерами, писали удивительно помногу, уже ворвался Интернет, возможность передавать написанное в редакцию, не отрывая сидячего места от стула. Я так не мог. И не от упрямства, просто мне надо было поехать в редакцию самому, отвезти рукопись, попить чаю с редакторами, поговорить с ними не по телефону. Компьютерные тексты ужасали меня тем, что были уже будто бы законченными, книжными, как их править? Тогда как с машинописью я не церемонился, черкал вдоль и поперек. Напишу от руки, поправлю, перепишу на машинке, полежит, поправлю, опять перепишу. А тут вроде как все уже и законченное.

На очередной день рождения родные и близкие, беря в рассуждение наступление века электроники и, видимо, надеясь, что с новой техникой и я буду писать по-новому, подарили мне, нет, пока не компьютер, а пишущую машинку, но электронную. Дорогую, опять же немецкую, с памятью. Мне говорили, что это такая же машинка, как и «Эрика», как и «Юнис люкс», но только облегченная, упрощенная, отлаженная. Мне показали, как на ней работать. Но я за это электронное немецкое сел не сразу. Хотя имя ей дал: «Электронка».

Однажды, оставшись дома один, включил ее. «Электронка» загудела, замигала, каретка подергалась, поерзала влево-вправо, вверх-вниз и, как образцово-показательная, остановилась в начале строки. Я нажал клавишу с буквой «а», и буква появилась на бумаге с такой ошеломляющей моментальностью, что я понял — никаким моим мыслям не угнаться за такой скоростью. Особенно поражало то, что можно ни о чем не заботиться, ни об интервале, ни о красной строке, ни о конце строки. «Электронка» молотила исправно. Вдобавок все помнила и даже исправляла ошибки — внутри, где-то там, был у нее словарик. Кроме основной двухцветной ленты, в ней была еще лента коррекционная, полупрозрачная. Она выскакивала откуда-то снизу и подставляла себя под удар в том случае, когда ловила меня на ошибке, и сама забивала неверную букву, тут же скрывалась, тут же возвращалась лента основная, тут же щелкала буква правильная.

Нет, не смог я полюбить эту «Электронку». Но и она была взаимна в нелюбви ко мне. Шипела, шипела негромко, но, конечно по-змеиному. Даже отодвигалась, огоньки мигали презрительно. Работу она исполняла четко, но холодно, как поденщину. Когда я выключал ее, в ней еще долго что-то передергивалось, потрескивало, будто она обсуждала и критиковала все, что я ее заставил написать.

Но вот что случилось с «Юнис», с моей верной малышкой «Юнис». Она с горя замирала. Еще бы — хозяин завел какую-то новую лакированную стерву. Умирание «Юнис» я понял, когда, устав от того, что «Электронка» совершенно вампирски вытягивает из меня поток сознания, что я обессиливаю от сидения перед ней и что начинаю писать как-то рассудочно и умственно, то есть неинтересно, тогда я решил вернуться к «Юнис». Но та не захотела работать. Совсем умерла или забастовала, не понял. Я сказал ей: «Служила ты долго и честно, я тебя не брошу. Тебя и “Эрику” отвезу в деревню, буду на вас любоваться и вспоминать золотое время».

Но, товарищи, вы понимаете, что это значит — сказать любимому существу о расставании. «Юнис» моя молча собралась в путь, но по дороге пыталась скрыться. На автовокзале пошел купить хлеба, «Юнис» спряталась за кассой. В автобусе забилась под сиденье и затаилась, я чуть ее не забыл. Принес в свои полдома, открыл футляр, протер тряпочкой. Заменял ленту, зарядил бумагу. Нет, не простила «Юнис» измены, безмолвствовала. Ладно, заслужил. Зачехлил ее, поместил на книжную полку.

И вот что произошло назавтра. Назавтра мне позвонила знакомая из серьезного учреждения и сообщила, что у них меняют всю пишущую технику и что я могу приехать и забрать легендарную машинку еще конца девятнадцатого века. Называется «Континенталь». Немецкая. Что она вполне исправная, на ходу. Надо ли говорить, что я помчался за ней тут же. Как ее припер в общественном транспорте, сам удивляюсь. Она же большая, корпус стальной, килограммов двадцать. Ее можно было с пятого этажа бросать, и ничего бы с ней не случилось. Позвал товарища, который понимал в технике. И он, и я были в восторге от «Континенталья». А домашние в ужасе, назвали его динозавром. Я ему присвоил имя «Бисмарк», ибо в годы создания «Континенталья» как раз Бисмарк правил Германией. Мой «Бисмарк» был произведен на диво. Высокий, основательный, сверкающий кнопочками шрифта, серебряным звончком, сигналившим о близком завершении строки, никелированными ручечками, планками, рукоятками, переключателями. Мы во всем этом к концу дня разобрались. Смазали наилучшим часовым маслом, опробовали. Мягкий ход, деликатная смена режимов. Шрифт старомодный, но такой приятный для глаз. Я специально поставил «Бисмарка» рядом с электронной дамочкой и спросил:

— Ну что, краля, а ты будешь исправно работать через сто три года, а? Да нет, тебя из мира выпрут все новые и новые модификации офисной техники, так ведь?

«Электронка» презрительно молчала, а «Бисмарк» спокойно возвышался и, как честный работяга, ждал команды к труду.

Но вначале я освободил его от соседства. Вынес «Электронку» во двор, но не выбросил в мусор, все-таки надо уважать техническую мысль, поставил на паркет, аккуратно сложил на крышке провода, простилась. К обеду ее кто-то приватизировал.

О, «Бисмарк» был великий трудяга. Я взгромоздил его на самое для него подходящее место, на дубовый подоконник, и начал строчить: «Немецкая точность и русская духовность в союзе меж собой могли бы дать миру образец симфонии государства и личности, труда и молитвы, союза небес и земли...» — высокопарный текст очень нравился «Бисмарку». Я продолжал: «Две крупнейшие монархии Европы были последними, способными спасти мир от всех искажений пути к спасению. Они были преднамеренно и целенаправленно поссорены и войной друг с другом проложили путь к гибели, называемой демократией. Но несмотря и на первую и на вторую мировые войны, русские и немцы...» Тут я вновь тормознул: как это несмотря на? А на что смотря?

В общем и целом я был доволен «Бисмарком». Вывезти в деревню все-таки пришлось, так как своей громадностью он устрашал домашних. Причем все время требовал работы. Как бы даже молча упрекал за безделье. В деревне я как-то автоматически взял с полки «Юнис», снял футляр. Вставил, как делал это сотни раз, писчую бумагу, прокрутил валик, сдвинул каретку вправо, ударил по клавишам. И — «Юнис» откликнулась, заиграла. Поехала влево каретка, затрепыхался поглощаемый листок, покрывающийся, как ныне говорят, текстовой массой.

Может, это кому-то и смешно, что я наделяю машинки человеческими качествами, но я объяснил возвращение «Юнис» в строй тем, что с «Бисмарком» у нее наладились прекрасные отношения. Он молотил официальные письма, предисловия, статьи, а «Юнис» очень обожала писать «про любовь». «Ах, как остро не хватает в мире любви! Ах, как хочется внезапно охватываться мыслями о любимом (вариант: о любимой). Ах, не надо нам ждать, чтобы нас любили, надо любить самим! О, главное в любви — благодарность тому сердцу, в котором живешь. Нельзя из него уходить: оно сожмется и начнет умирать». Это «Юнис» вроде как сама писала. Я же, сторбившись над ней, выпечатывал: «В зрелые годы не любят внезапно, а любят, как дышат». Самое смешное, что и «Эрика» встала в строй, как-то сам собой вернулся мягкий знак, а с ним и фраза: «Гоголь — великий русский писатель». То есть «Эрика» все мне простила и служила на совесть. Лишь бы смазывал иногда. Да даже и без смазки не скрипела,

впрягалась и тянула лямку. Это не «Бисмарк»: он работает-работает и вдруг резко тормозит. Такой немецкий порядок — орднунг. Надо бежать за масленкой.

Вначале «Бисмарк» и «Юнис» стояли вместе, но работа моя как-то не шла. Было такое ощущение, что им и без работы неплохо. Думаю, они даже как-то общались. И то сказать, у них была одна родина, обе попали на чужбину, было о чем поговорить. «Бисмарк» пережил две войны, а «Юнис» была дамочка современная. При «Юнис» старик «Бисмарк» как-то спотыкался, становился косноязычен, а «Юнис» начинала быть какой-то игривой. Хулиганила даже. Ни с того ни сего писала заявку: «Ах, как хочется писать о любви! Ах, ах, вспомним библиотекаршу воинской части, которая учила разбирать части речи и члены предложения!» Еще бы не помнить! Но что чем выражено, какие там сказуемые, какая мне была разница, где префикс, где суффикс, главное — она, а она была так красива, так умна, что было совсем непонятно, как это она вдруг замужем? Вот тут вам и краткие прилагательные, вот тут вам и первое и второе склонения.

«Юнис» хотелось писать и о том, как мы с моей юной женой склонялись над кроваткой доченьки, как везли на море сыночка, как совсем скоро его сын, наш внук, приталкивал к окну стул, залезал на него и глядел на голубей. А потом затаскивал к себе сестричку, нашу внучку, чтобы и она увидела птичек... Обо всем этом очень хотела написать «Юнис», и у нее бы получилось, но вторжение электроники в писательскую жизнь помешало. Вот если бы остановилась моя писательская кухня на уровне механических машинок, тогда да.

Из боязни, что «Бисмарк» и «Юнис», объединившись, родят мне какого-нибудь электронного немчика, я их поставил в разные комнаты.

Не мы в этом мире диктуем условия жизни, их перед нами ставят. Пришлось и мне вживаться в требования современности и, «задрать штаны», бежать за полиграфией. Издатели безжалостны. Не стали брать машинописные тексты. Говорили: «Мы вас любим, но поймите и нас. Машинопись сканируется плохо, да и вам же лучше, загоняйте текст на диск или на флешку, приносите, мы отформуем и в типографию, а лучше всего сбросьте по электронному адресу». Да уж, словечки: загоняйте, сбросьте, отформуем.

Конечно, и издателей можно понять, уже один редактор вел враз в месяц пять-шесть книг, не как раньше, одну в два месяца. Да еще был штат рецензентов, контрольная вычитка, корректура. Скажут, вот она, бюрократическая система. Да эта система издавала прекрасные книги, и они, в доходах государственного бюджета, были на втором месте после продажи алкогольной про-

дукции. Много и мусора, особенно идеологического, издавалось, но это было ничто по сравнению с теперешними помойками демократической пропаганды пошлости, насилия, разврата, оккультности. Да и тексты книг были куда грамотней. Даже уже напечатанную книгу вновь прочитывали и замеченные опечатки излагали типографским способом на отдельном листочке и прилагали его к каждому экземпляру книги. Да, сидели и вкладывали. А тиражи какие были! Сказка! Едешь на Запад или на Восток, спрашивают: «Какие у вас тиражи книг?» — «Вот эта повесть вышла тиражом двести тысяч, эта — три с половиной миллиона экземпляров». Уважали.

Компьютеры создали видимость легкости писательского труда, книг стало выходить раз в десять больше. Пошли в писатели актеры, уголовники, политики, шпионы, дипломаты... Ведь это же кажется, так легко — сел за клавиатуру и... шлеп-шлеп хоть десятью пальцами.

А я, что называется, в новые технологии не вписался. Это же ужас — не успеваешь еле-еле коснуться клавиши, как на экране моментально прорезается буква, потом другая, вот и слово, вот и строка. Но я уже не понимаю, зачем эти слова. Неверно написал слово — оно подчеркивается. Нет, в машинке связь между головой, рукой и бумагой не разрывалась. В компьютере провал, который в обычной машинке виден: от клавиши к шрифту идет тяга, она помогает свинцовой букве ударить по ленте, та отдает часть своей краски, буква шрифта появляется на белой бумаге. Тут и другая на помощь, и третья. Любо-дорого. Бодро и радостно выстраиваются слова в рядок, к месту подскакивает запятая, вот и точка. Все путем. Вот и предложение, которое можно или забраковать, или переделать, а то и одобрить. В компьютере вроде все закончено. Чего переделывать — страница выходит как в книге.

А еще угнетало то, что написанное надо было «загонять в память». На машинке собираешь урожай страниц, раскладываешь экземпляры по номерам, тоже удовольствие. А тут термин — «сбросить». На рабочий стол, на флешку, в корзину. Все это сбрасывание происходило молча, на поверхность не выходило ни криков, ни стонов, ни даже звука раздираемой бумаги, ни пламени от ее сгорания, ничего. А эти всякие базы данных, файлы, сервисы, форматы, таблицы, виды, вставки, это постоянное зудение надписей внизу справа: «Безопасность компьютера под угрозой», «Срок действия антивирусной программы закончился», «Обновления для вас готовы». Да еще какая-то «напоминалка», да еще кто-то сильно умный сует в окно всякие изречения. Какие и с юмором. Еще, что особенно противно, — дни рождения всяких эстрадных шавок. По бокам красотики,

по виду проститутки, чего-то все хотят. Мне говорят: не замечай, но как не замечать: все это пред тобой, лезет в глаза. И вроде бы подчиняется тебе вся эта экранность, постоянно вроде бы ждет твоей команды, а на самом деле не она при тебе, а ты при ней. Эта вроде бы приданная для ускорения писательского мастерства штучка смеет указывать, что мои, родные вятские слова, то есть самые русские, — это устаревшее. Я возмущался: что ты лезешь, немецкое производство, не в свое пространство! Тебе в сбербанке стоять, тебе чеки выписывать, а не о русской жизни рассказывать.

А эта флешка, или флэшка, показать бы ее Толстому, да сказать бы: «Вот, весь ты тут и с твоей войной, и с твоим миром», — он бы с ума сошел. Эта флешка, как дамочка легкого поведения, таскалась по редакциям и приносила домой всякую заразу. Надо было чистить, ставить программы антивирусные. Тоже возня, тоже деньги.

Нет, не пускала меня в себя новая жизнь, не интегрировался я в нее. Сами посудите: вот ты спишь, а компьютер стоит на столе в изголовье и все помнит. Я засыпаю, а он запомнил все мои труды, я сплю, а он помнит. Легко ли? Стоит ночью, подмигивает красным колдунским зрачком: «Все, все-е о тебе знаю. А ты спи, спи». Что-то в этом оккультное, экстрасенсное. То ли дело рукопись, лежит-полеживает. А если что в ней зачеркнул, оно же все равно остается, его видно. А вдруг оно лучше нового, легко вернуть. А выбросил в корзину, так в настоящую. Можно поискать, пошуршать бумагами.

Ну что, сказал я себе однажды, пора сдаваться. Победила русскую ментальность общемировая тенденция к стандартизации жизни, а? Ну, еще немного потрепыхаемся, ну, еще пообслуживаем остатки своих читателей рассказами о рассветах и закатах Руси, о сенокосах и рыбалках, о черемухе над рекой и о замирании сердца, когда провожаешь девушку и стесняешься коснуться ее даже мизинцем, а дальше? И мои читатели вымрут, и я вымру. Но ведь Русь, Россия останется! Ну как иначе? Ну, неужели иначе? Ведь мир без России умрет автоматически. Россия — душа мира, тело без души — пища червям. Конечно, так оно нам и надо. Но, Господи, не все же пляшут в дискотеках, не все же курят, не все же потребляют наркоту, не все же напиваются, не все же считают любовью постыдное партнерство. Не все же ставят похоти плоти выше спасения души. Ты сейчас из церкви пришел, шел туда в сумерках, возвращался при солнце, видел же, сколько в храме деточек, сколько пап и мам, и бабушек, и дедушек, не печалься, все хорошо.

А достань-ка ты, брат, давний подарок, о котором и позабыл, наверное, да вот вспомнил, когда стал рас-

суждать о написании слов. А подарок этот состоит из гусяного пера, чернильницы, пузырька с чернилами и песочницы с песком. И называется высокаторже-ственно: «Набор “Пушкинский”». И прибери-ка, брат, на столе, поставь-ка письменный сей прибор да начертай на чистом листке... Что ж начертать-то? Фамилию, что ли, свою? Я ее и так пока не забыл. Изречение какое? Таким пером надо непременно что-то разумное, доброе, вечное. Не писать же исследование «О категориях постсоветского электората». И фразы: «Ваня любит Маню, а Маня любит Петю», тоже проехали, хотя Ваню жалко. Нет, брат, не мучай перо и сам не мучайся.

Хотя на одно я отважился, на прописи. Ведь я еще застал время, когда были уроки чистописания. Вот я вывожу букву «А» заглавную и «а» прописную, строчную. Как красива левая ножка буквы, как хитрая лапка лисы, как основательна и пряма правая. Ее хвостик — как рука, подаваемая следующей букве. Поясок волнистый, с нажимом в середине. Вот буква «Б». Какая надежная, размашистая над ней крыша, как вымпел над парусником. А у прописной «В» такая кокетливая петелька, «в» буква чаще как предлог, часто живет в строке в гордом одиночестве, она указательная: пошли в темный лес, в минуты жизни трудные... Обмакиваю перо и радуюсь, что даже спустя шестьдесят пять лет не научился писать красиво. Это не моя заслуга, это гусяное перо меня возвращает на три эпохи назад.

Сидел, сидел и осмелился что-то написать. И написалось. Конечно, не свое, пушкинское: «Минута — и стихи свободно потекут». У него именно потекут, как лесной чистый ручей, выбегающий на солнечную поляну и напоющий корни деревьев, трав и цветов. Как представить Александра Сергеевича над клавиатурой, выстукивающего на ней: «Мороз и солнце, день чудесный, еще ты дремлешь, друг прелестный? Пора, красавица, проснись! Открой сомкнуты негой взоры...» А это: «Вся комната янтарным блеском озарена, веселым треском трещит затопленная печь, приятно думать у лужанки, но, знаешь, не вельет ли в санки кобылку бурую запречь?» Ему бы эта система многое бы подчеркнула: и «сомкнуты», и «запречь», и «затопленная»... Затопленная, в лучшем случае, измененность. Выкинул бы Александр Сергеевич всю эту аппаратуру. Да и не было бы его при ней. А был он при Михайловском, при Ари-не Родионовне, при России... Летело его гусяное перо по шероховатой бумаге: «Летя по утреннему снегу, друг милый, предадимся бегу нетерпеливого коня, и навестим поля пустые, леса, недавно столь густые, и берег, милый для меня».

Летело, летело, летело, да и улетело...

ДЕМОКРАТКА АЛИСА И НЕБЛАГОДАРНЫЙ НАРОД

Молодая женщина Алиса — дочка большого начальника, уже и сама начальница. Такой ее сделали друзья папы. Естественно, что Алиса — демократка. Другой судьбы для нее в новой России быть не могло. Еще бы — прадедушка был ярый большевик, бабушка и папа — передовые коммунисты, так что Алисе на роду было написано стать демократкой. Ее послали в отстающую по многим показателям область, дали в подчинение медицину и школы и сказали:

— Конечно, не штат Флорида, но для биографии побудь там. А когда доведешь медицину и школы до мирового уровня, тогда раздвинем перед тобой новые горизонты.

Начальником в области был тоже молодой человек, но постарше Алисы, и уже закаленный в боях за демократию. Еще со времен пьяной приватизации научился тасовать в речах мировое, примерное для нас, сообщество, разные инвестиции, новые технологии, знал, что такое ВТО, а что такое ТНК, соображал в нефтяных и газовых трубах, в ценных бумагах, умел хлопать по плечу, для популярности мог выпить с рабочим пивца, а с интеллигентами говорить о трезвости, вел здоровый образ жизни, словом, держался курса и подходил как начальник и для области, и для Алисы.

Он, конечно, в любом случае помогал бы ей, но Алиса все-таки решила стать его любовницей. Для удобства. И стала. При ее-то происхождении и красоте, при ее-то связях в столице. Но и ему такие отношения были выгодны. Жена у него караулила квартиру в Москве, да и что жена? Ну, настучат ей, он скажет: «Милая, а ты хочешь, чтоб я вместе с тобой сгнил в этой дыре?»

Алиса не отлавливала начальника в рабочее время, зачем? У него дел много, и светиться часто около него ни к чему. При наличии личных отношений он сам к тебе ночью придет. Тут и кукуй ему о своих проблемах.

— Какие же все-таки люди черствые, — жаловалась она, запуская кофейный аппарат. — Говорю: так же нельзя, вы же не скотов, людей лечите. Где современное оборудование, где вообще все? Где европейская аппаратура?

Начальник зевал:

— Ну и что? Закрыла?

— А как же, — всплескивала руками Алиса. — Дикая люди! Говорят: фельдшерский пункт всегда был. И что? «Всегда»! Хватит, говорю, нам этого позорного отставания. Прямо слабообразованная Африка. «А где нам лечить?» Есть районная больница, пользуйтесь. Ах, говорят: старухи не могут ехать. Говорю: поставьте им компью-

тер, пусть выходят на специалистов через Интернет. Ах, денег нет! Денег у них нет, — говорила она язвительно, садясь с чашечкой кофе на колени к начальнику и давая ему отхлебнуть капельку.

Начальник тоже возмущается:

— Да заколебали они меня все! Самоуправление хоят, берите! И тут же деньги цыганят. Печатного станка у меня нет, сами изворачивайтесь. Не можете — уходите, посажу своего. Не надо больше кофе, давай сухонького, и бай-бай! Утром оппозиция придет, надо выспаться. Придется кость бросить. Пару мест добавить. А, с другой стороны, орут, ну и орите. Это же как раз и есть демократия. Сунешь должность, они и заткнутся.

— Да-да, милый. А я снова поеду малокомплектные школы закрывать. Но им же ничего не втолкуешь. Русским языком говорю: нерентабельно! Не въезжают! Детей далеко возить, отрыв от семьи, дорого! А как они хотели! — возмущенно восклицала Алиса, готовясь ко сну. — Зачем рожали? Зачем? Если не могут дать детям достойного образования. Лялик, это же средневековье: в одном помещении четыре класса начальной школы. Дурдом! Я зашла, мне плохо. Печка топится и сушатся, представляешь, сапоги и валенки. Хорошо, у меня с собой шанель. В коридоре понюхала. Ой, думаю, скорее отсюда. А они мне: ах, посмотрите нашу выставку рисунков, ах, мы вам споем, станцуем танцы народов мира. — Алиса грациозно повела голым плечиком: — В деревне, представляешь, печи топят, корова мычит и — танцы народов мира.

— Понравиться хотели, — говорит начальник, зевая и расстегивая рубашку. — И что, закрыла школу?

— А как иначе? Для их же пользы. Нет, Ляльчик, очень они неблагодарные, очень. Говорят: «Мы тут родились, выросли, нам тут все дорого, у нас тут родина».

— Будет им дорого, — говорит начальник, стягивая штаны. — Родина! Я убиваюсь для их счастья, я уж сам забыл, где и родился. Не ценят.

— Черствые, черствые люди достались нам, — воркует Алиса. — Да, вспомнила, там девочка, такая хорошенькая, наедине мне говорит, что учительница ей запретила джинсы в школу носить. И что мама ее два раза шлепнула. Но это вообще уже беспредел. Нет, я оформлю лишение родительских прав, употреблю ювеналку, и эту дуру-училку надо проучить. — Алиса уже вся в розовом пеньюаре. — Ляльчик, — она красиво простирает к нему руки, — а когда к морю? Когда? Ты обеща-ал.

Начальник вновь зеваает, разводит руками, мол, не все от меня зависит.

— Лялик, а почему тебе не дали центральную область, а Геннадию дали?

Начальник хмыкает:

— Он же прямой племянник, а я только двоюродный брат жены. Разница?

— Ну что, гасить свет? — спрашивает Алиса.

— Гаси.

ОКРЕСТИВШИСЬ, РУСЬ ВОШЛА В БЕССМЕРТИЕ

Тысячелетие Крещения Руси Святейший Патриарх Алексей II назвал Вторым Крещением. Первое освободило от мрака язычества и многобожия, второе — от засылы большевистской и коммунистической идеологии.

Вновь открыты храмы, духовные учебные заведения, печатается много богослужебной и православной литературы, живи и радуйся, человек.

Но что мы за люди, все нам неладно: опять начинается болтовня, называемая дискуссиями, плодящая раздоры. Плодятся неоязычники, неообновленцы, одолевают протестанты, старообрядцы никак не согласны с троеперстием, католики держатся за филиокве... нет «единого стада». Хотя «единый Пастырь» есть. Это Иисус Христос. И кем бы ты ни был, какое бы учение не исповедовал, должен знать: судить будет Христос.

Зачем Он приходил на Землю? Чтобы сказать нам Своей Крестной смертью — смерти нет. Нет смерти, не бойтесь! Не бойтесь жить, не бойтесь оканчивать земную жизнь. Ибо есть для вас жизнь вечная.

И вот это — отрицание смерти не умом, душой и духом, — почувствовал Великий князь Киевский Владимир и его окружение.

А давайте представим, что мы тогда не приняли Крещения, где б мы сейчас были? А нигде. Нас бы попросту не было. Нас бы наши враги пережевали и выплюнули за борт истории. Да и сами бы мы, не объединенные верой, передрались.

Почему Запад злобствует на нас, суетится с санкциями и провокациями? Да потому что он обезбожен. Как? Они же христиане, скажут мне. Какие христиане? Они живут без Христа и без Креста. В первые века христианства иудеи увидели, что христиан нельзя ни убедить, ни отказаться от Христа, ни добиться отречения от Него пытками, казнями. Тогда они пошли по иезуитскому пути — изъяли из Священного Писания его Христологическое толкование. Исказили сердце Ветхого Завета — Псалтырь, убрали из нее главное — предсказания о приходе в мир Спасителя мира, убрали православно звучащие книги Братьев Маккавеев, Книгу пророка Исаии (евангелиста Ветхого Завета, как его называют), Данииловы Седмины, то есть все говорящее о

Христе. И перевод Писания с древнееврейского на греческий, а с греческого на латынь был назван Вульгатой. Мы же живем по Септуагинте — чистому изложению Писания. Это ли не счастье?

Какие-то мелкие (очень малочисленные) стычки языческих жрецов с православными миссионерами при переходе Руси в православие потом были раздуты до невероятных преувеличений, например: Владимир крестил Крестом, Добрыня мечом. И такие басни преподавались в школе в советское время. И даже походы наши в соседские пределы не были захватническими, это была не колонизация, а христианизация. Или (применительно к Кавказу) освобождение народов, присягнувших на верность Московскому Государю.

А как было пережить отрицание Сотворения мира и человека Богом? Преподавалось (и доселе во многих школах) происхождение человека и Земли от чего угодно: теория взрыва, живая клетка, всякие инфузории-туфельки, постепенно превращающиеся в обезьян, а те в человека, стыдливо стихшая шумиха о коллайдерах, затаенная тоже с целью отрицания Бога... эта несусветная чушь (происходит от слова «чужь» — чужое) владела многими умами.

Но слава Тебе, Господи, мы — Твое творение. Никакой эволюции нет. Как ты сотворил первых людей, Адама и Еву, такие и мы сейчас. И жена моя Евина наследница, и я — потомок Адама.

Крещение, освобождающее нас от первородного греха, было спасительным даром Творца Своему творению. А уж кто какие грехи в своей земной жизни навлечет на себя, то это его обязанность от них освободиться, пока живой. Чем? Покаянием, исповедью, Постом.

Без Бога мы не победили бы в Великой Отечественной войне. Вся Европа, фактический тогда весь мир, шел против нас. А что мы были к началу войны после революций, кровавой гражданской, коллективизации, безбожных пятилеток? Церкви разрушены, осквернены, священники расстреляны, сидят в тюрьмах, богослужебные книги сожжены. Казалось бы, не поднять головы. Но мы победили. Как?

А так. Не за Ленина-Сталина воевали, не за идеологию Маркса-Энгельса, а за извечно святы русские слова: Отечество, Родина, Держава, Россия. За святыни, за могилы великих предков. За храмы православные. Пусть разрушен храм, но он же был возведен на народные деньги (любая государственная казна — это тоже народное достояние), мастерами из народа и, главное, освящен. То есть над алтарем незримо, но явно в духовном мире, встал ангел-хранитель. И ждал,

и вдохновлял на битву, и надеялся, и знал, что вернут православные храмы из мерзости запустения. И опять в согласии с небесами засияют купола с крестами. Так и свершилось.

Было ли где и когда такое единодушие сердец, такое бесстрашие? Нет, только у православных. Не фанатизм, а именно вера во Христа.

И мы получили ее навсегда в Святом Крещении. Которое празднуем и помним.

Раб Божий Владимир Крупин

Альберт ЛИХАНОВ

Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 за 2018 год

ОГЛЯНИСЬ НА ПОВОРОТЕ, ИЛИ ХРОНИКА ЗАБЫТОГО ВРЕМЕНИ

Рисунок Марины Медведевой

РОМАН В ПОВЕСТЯХ

5

Между тем я состоял при отделе, называемом промышленно-экономическом, и Темкин то и дело возникал в проеме нашей двери, умоляя:

— Ребята! Нет ничего ни промышленного, ни экономического!

Мой заведующий Петр Сергеевич начинал перебирать разные пачки писем, мы складывали их в подборку, придумывали общие заголовки, которые и занимали вторую страницу, а мой Петя горячился в ответ на темкинские требования:

— Почти все заводы — закрытые! Какая экономика? Какие материалы? — И отпросился у Хлебникова в отпуск.

Я оказался в одиночестве. Самоходом отправился в строительно-монтажное управление, под волшебным обаянием газетных корочек добрался до самого начальника и попросил рекомендовать самого лучшего рабочего, да поразговорчивей, чтобы можно было записать его рассказ, почему он лучше других.

Начальник дал мне провожатого, через двадцать минут с башенного крана, вытирая руки о бока куртки, ко мне слез не очень-то и молодой, но энергичный мужчина, который тут же и нарасказал мне про свой опыт, да так, будто он делает это через день — да каждый

день. Конечно, я сфотографировал его на фоне крана. Строил он, кстати, жилой дом, может, тогда самый высокий в городе.

Уже через день большой рассказ этого крановщика стоял в номере, Темкин расхвалил его на летучке, а Хлебников подтвердил, что звонили откуда-то сверху — он ткнул мундштуком в небо — и тоже хвалили строителя. Какой он, мол, толковый работник.

Мне Хлебников подмигнул при этом, Темников показал гонорарную разметку, где рукой главного, его синим карандашом, цифра в мою пользу увеличилась вдвое.

Но следующий мой выбор очутился печальным.

Полистав телефонный справочник, я отправился на протезный завод, предварительно позвонив директору. Им оказался рыхлый и какой-то безвольный человек, который, будто заранее оправдываясь, раза три повторил мне, что он тут недавно, понимает, что жалоб много, но пока не во всем разобрался, поэтому готов помогать мне как только может.

Я догадался попросить книгу жалоб или даже отдельные письма, и директор вынул из глубин стола пухлую папку. Я пришел в ужас. Невидимые мне люди — безногие, безрукие, все подряд больные, ругали завод, его протезы, низкое качество и, конечно, директора. Правда, не этого. Его предшественников. Назывались три или четыре фамилии.

Дальше мне дали сводки выполнения плана, я его штудировал в силу своего понимания, и несколько фамилий, дававших низкий процент, записал.

Рыхлый вызвался проводить меня в цех, который оказался простым бараком, уставленным примитивным оборудованием. Какие-то тиски, какие-то печи, какие-то формы.

К директору бросились чуть ли не все сразу, так что мне пришлось отойти в сторонку и слушать жалобы сбобку. Рабочие ходили на рыночную толпу. Все говорили сразу — им не хватало того и сего, заказы не исполнены потому и посему, на зарплату прожить невозможно, и много еще такого же, разбираться в чем было невыполнимо человеку, зашедшему хотя бы и на полдня.

Директор вылетел со мной, совершенно потный и еще, кажется, рыхлее, похожий на студень, и повторял себе под нос:

— Надо бежать! Бежать!

Вечером я вымучил из себя заметку про народные жалобы, плохое оборудование, никудышные зарплаты, смену директоров, ну и назвал несколько злостных невыполнителей плана.

Через день заметку тиснули, а после обеда кто-то громко заговорил на лестнице, в редакцию ворвался старик и крикнул:

— Кто такой Кузнецов! Дайте мне Кузнецова!

Я встал, ничего не понимая, вышел навстречу, но меня опередил опытный Темкин.

— Вы кто будете? — спрашивал он твердым голосом. — По какому вопросу? Проходите ко мне!

Под мышкой лысый этот и худой старик держал что-то вытянутое, обтянутое холщовой тряпичей, может, даже, похожее на оружие или какую-то трубу.

Дверь в кабинет ответсека была всегда отворена, и там стоял большой стол, где чертились макеты полос. На этот стол, не переставая напористо выкрикивать несвязные фразы, старик тяжело бухнул свою ношу и развернул тряпицу.

К тому времени у Темкина собрались любопытные, старшие мои товарищи роптали по адресу шумного посетителя, но когда он снял тряпку, все опешили.

Это была нога. Самая настоящая человеческая нога, только гипсовая.

— Это только слепок! — кричал старик. — Его надо превратить в протез! Сделать пластмассовой! Снабдить подвижной системой! Смонтировать коленный сустав из дефицитного металла! А у нас ничего нет! И я не выполняю план, потому что это невозможно! Все липа! А ваш Кузнецов! Где он! Пусть попробует сделать ногу! Руку! Пусть хотя бы чего-то поймет!

Откуда-то из-за моей спины в комнату зашел Хлебников, представился старику, пожал ему руку, вежливо

попросил пройти к нему в кабинет. Старик согласился, а гипсовую ногу оставил на столе секретариата. Она так и пролежит тут до конца дня.

Темкин махнул, чтобы все расходились. Ушел в отдел и я. Тошнехонько мне стало. Я взялся руками за виски, повторял себе: «Дурак! Дурак! Дурак!»

Мельком подумал, что, может, оказался под влиянием директора. Он ведь не может справиться, и я это только описал, не сильно вдаваясь в смысл. Я сгорал со стыда. А в редакции стояла тишина, никто не заглядывал ко мне, не выходил и я. Только Костя зашел раз пять, но теперь не утешая, а высказывая предположения.

— Может, надо было не спешить, походить туда дня три!

— Наверное, надо выяснить, кому они подчиняются, и потолковать с начальством?..

— А парторганизация там есть? Комсомол? Но профсоюз-то есть!..

Я пожимал плечами, и выходило, что Костя на сей раз не утешает, а напротив, разбирает мои ошибки.

Текущий номер подписали в печать, Темкин закрыл кабинет, так и оставив на столе гипсовую ногу, Костя отправился к тете Глаше, а я, сославшись на работу, остался у себя.

Зашел наш Репин — так мы с Костей уже обозвали про себя ретушера. Он, конечно, выскочил на крик, стоял в толпе и все прекрасно ведал. А сейчас сел на стул, закинул ногу на ногу.

— У меня там, — мотнул головой на окно, — сколько раз так было! Моешь, моешь, охрана пьянствует, а у тебя — пусто. Бывало, и жратву сокращали, дескать, вкальвай усерднее. А потом — раз! — и крупный камешек. Раз! Небольшой самородок! Сразу план за три месяца. Еще лучше — план всей бригады! Это нас и держало. Все гребли для всех!

Приоткрытая дверь кабинета скрипнула, и вошел Хлебников. Когда входит в комнату высокий человек, он толкает перед собой воздух, и этот воздух приносит свежесть. Так что сначала в комнату втолкнулся воздух, потом вошел самый здесь главный и устало бухнулся на диван.

— В общем, этот дедуля обиделся за его упоминание. И правильно, потому что он там лучший из всех. Я заехал в горком, по заметке состоится их постановление. Задницу намылят всем подряд — очередь ампутантов этих огромная, а материала для работы нет.

Он поглядел на ретушера и ткнул пальцем в меня:

— Если бы он не наврал, так бы там все и догнивало. Так что...

— Вранье — движущая сила? — усмехнулся наш тихий Репин.

— Не вранье, а печатное слово! — мотнул головой Хлебников. — Это вроде ключа зажигания в машине!

Потом обернулся ко мне:

— А тебе это... Зарубка на память. Запомни этого старика!

Помню, шеф, помню.

Помню еще, что на мою практику пришлось одна непростая перемена. Газета «Сталинский Комсомольск» стала называться «Дальневосточный Комсомольск». Во время посиделок у молчаливого ретушера я спросил, как он отнесся к перемене.

Наученный думать, прежде чем говорить, он ответил, взяв вначале долгую паузу:

— Не он называл. Не он и переименовывает.

6

Однажды, и как-то между прочим, Костя сказал, что у него тут живет еще один родственник, двоюродный племянник тети Глаши по имени Клим.

Больших по размерам людей Дальний Восток, наверное, притягивал особенно, и Клим явился совершенно громадным, вроде того конструктора, однако моложе летами — этакая детина, опять же моряцкого происхождения. Он перебрался с Камчатки, где отслужил на флоте, потом порыбачил на траулере, заработал денег, и вот приехал на тот самый незримый заводиче, откуда по ночам что-то таинственно выплывало в Амур.

Клим, вступив в Костину квартиру, как-то сразу заполнил ее своей массой, своим голосом, смехом, вольными жестами, да и был-то он к тому же не один, а с девушкой Елизаветой.

В ту пору не было принято, чтобы влюбленные при всех обнимались или, не дай бог, целовались, поэтому они просто сидели, тесно прижавшись друг к другу, а маленькая и хрупкая Лиза никак не могла положить Климу голову на плечо. Поэтому просто прижималась к нему, а он поднимал, смеясь, руку, и она под этим огромным крылом удобно умещалась, ответно пописывая, как птеник.

Тетя Глаша хлопотала на кухне, а Клим уже раза три предупредил, что они с Елизаветой пришли сюда неспроста, а чтобы сообщить важное известие. Костя похотывал, всю улыбалась и наша знаменитая каше-варка, над знаменитым угощением которой ржала вся редакция, вплоть до машинисток, — словом, Климово сообщение носилось в воздухе, подразумевая самую главную тайну: когда?

За столом все это и выяснилось, само собой вызвав разностороннее удовольствие, только Костя сделал рабочее уточнение: «Накануне приходит эшелон с добро-

вольцами, для них очищают целый квартал общежитий, а Климова комнатка как раз на краю этого поселения».

Никто этому замечанию не придал никакого значения, свадьба есть свадьба, но вся беда, что мы с Костей, точнее-то, именно Костя, уже являли собой некое общественно-политическое явление. Странно подумать, чего-то такое из себя представляли! Были сотрудниками газеты! А газета — что? Коллективный пропагандист, агитатор и организатор! В общем, кого-то мы из себя изображали. Ошибочно, конечно.

Я был на вокзале и оказался пристяжным в команде опытных работников, которую возглавлял Хлебников, ясное дело, из молодых — Костя и я с фотоаппаратом.

Мое дело — щелкать направо и налево, всем остальным спрашивать, брать интервью, в общем, вечером в день прихода эшелона с материка, как сказал бы Репин, мы, как на большой кухне, готовили блюдо завтрашнего дня — с картинками на первой и второй страницах, с текстами разного рода, и до того дошло, что Хлебников пошел диктовать свое предисловие к номеру прямо на линотип.

По винтовой железной лестнице я спустился в типографию, чтобы полюбопытствовать, как это делается, и уже увидел процесс, где автор не перед машинисткой выхаживает, а перед огромным, щелкающим агрегатом, где сразу каждое слово и отливается в металл.

Хлебников говорил громко, чтобы перекричать шум, почти кричал, а увидев меня, сделал большие глаза и замахал мне руками, чтобы я сматывался.

На том и закончилось. Утром вышел номер, можно сказать, праздничный, потому что описывал торжественную встречу новоселов и радость старожилов.

7

Таким образом, утро не предвещало ничего худого, мы с Костей обсуждали, что купить Климу и Елизавете, потом оказалось, лучше дать деньгами, и я передал Константину свою долю.

Ясное дело, утром и вечером нас кормила Костина тетушка, днем мы бегали в столовку, и я, может, первой в студенческую эпоху, не считал — надо же! — денег. Два раза в месяц получал зарплату, а к ней прилагался гонорарий, часто в несколько крат зарплату превосходивший. Костя меня наставлял: открой сберкнижку, клади лишнее, зимой пригодится! Я соглашался, но это совершенно не было важным теперь! Несколько раз мои заметки перепечатывали в краевом центре и слали переводы. Одну фотографию — портрет красивого паренька — фэззушника — я послал на конкурс аж в самую «Комсомолку», ее напечатали, дали награду и послали гонорар, удививших всех моих коллег. Не знаю,

что привело к удаче: то ли красивый мальчик в фэззушной форме и несколько строк про него, то ли далекий наш адрес, но радовался картинке в центральной газете не только я — я-то как-то затревожился, хорошо ли? — а вся редакция. Даже поглядывать на меня стали почтительнее некоторые. Особенно машинистки и уборщицы.

Про строителей-добровольцев я тоже сколотил заметку в край, продиктовал ее даже по телефону, и мы с Костей отправились на свадебное торжество.

Топали мы пехом, расстояние нас не пугало, день стоял жаркий, а вечер обещал тепло, тишину и благодать, к тому же с Амура легкими волнами нас достигала нежная прохлада.

Мы приблизились к кварталу двухэтажных барачков — и Костя, и Хлебников говорили, что с них когда-то и начинался город, — но тихое это место сегодня предлагало что-то неожиданное.

Пробежали мимо нас немолодые люди, промчались, повизгивая, девчонки, сразу штук пятнадцать, что ли. Навстречу хромала пожилая женщина.

— Ой, скорее, милые, скорее! — проговорила она. — Что там дется! Мамаево побоище!

Мы прибавили шаг, даже перешли на перебежки.

И тут открылось довольно большое пространство между двух рядов серых барачков. Расстояние между домами составляло метров семьдесят, но сами-то эти бараки тянулись далеко.

И вот между ними дрались люди. Некоторые постарше нас, но и наших ровесников хватало. Бились как в историческом кино — стенка на стенку, и понять, кто на кого, было немисливо. Одни парни лупили других, а женщины их же возраста прижимались к барачкам и болели за своих:

— Лупи их, лупи!

И вот тут в Косте, да и во мне — но в меньшей степени — проснулись представители прогрессивной общности.

— Да что же такое творится! — воскликнул негромко Костя. — Их надо остановить! Они перебьют друг друга!

Он повернулся ко мне не то чтобы всем лицом, всей фигурой, а всей душой:

— Надо позвонить в милицию! А телефон — там, — он указал на подъезд, у которого крутилась самая что ни на есть мясорубка.

— Прорвемся? — спросил он.

— Прорвемся! — ответил я, вспоминая скромный опыт комсомольского оперотряда.

Не вступив в бой и не схватив ни одного случайного удара, мы ворвались в подъезд общаги. По бокам там стояли два дивана, а на столике в углу чернел телефон.

Костя махнул редакционным удостоверением, подскочил к телефону, набрал милицию. Крикнул:

— Это Немухин из газеты! Массовая драка у общежития добровольцев! Высылайте наряды!

Я запомнил это, а потом еще думал про эту оговорку: Костя сказал не «наряд» — одному наряду милиции делать здесь было нечего, что и произошло — а «наряды». А это логично принять за одежду. «Высылайте наряды!»

Но такое могло лишь мелькнуть, как осколок уходящего света! Меня ударили сзади, и я оказался на диване. Костю швырнули на другой. И молча — молча! — стали нас лупить. Хорошо, что только руками.

Но и этого доставало!

В глазах, да и во всей голове сверкали отчего-то синие молнии, надо было укрывать лицо, но тогда удары приходились в живот, в плечи, в бока. Можно было бы наклониться, закрыть руками лицо, тогда открывались уши, а это тоже слабое место человека.

Меня били, а я даже не мог приподняться, не мог вскочить, чтобы побежать, например, чтобы как-то воспротивиться. Нас били беспощадно, безответно и за что? За звонок в милицию?

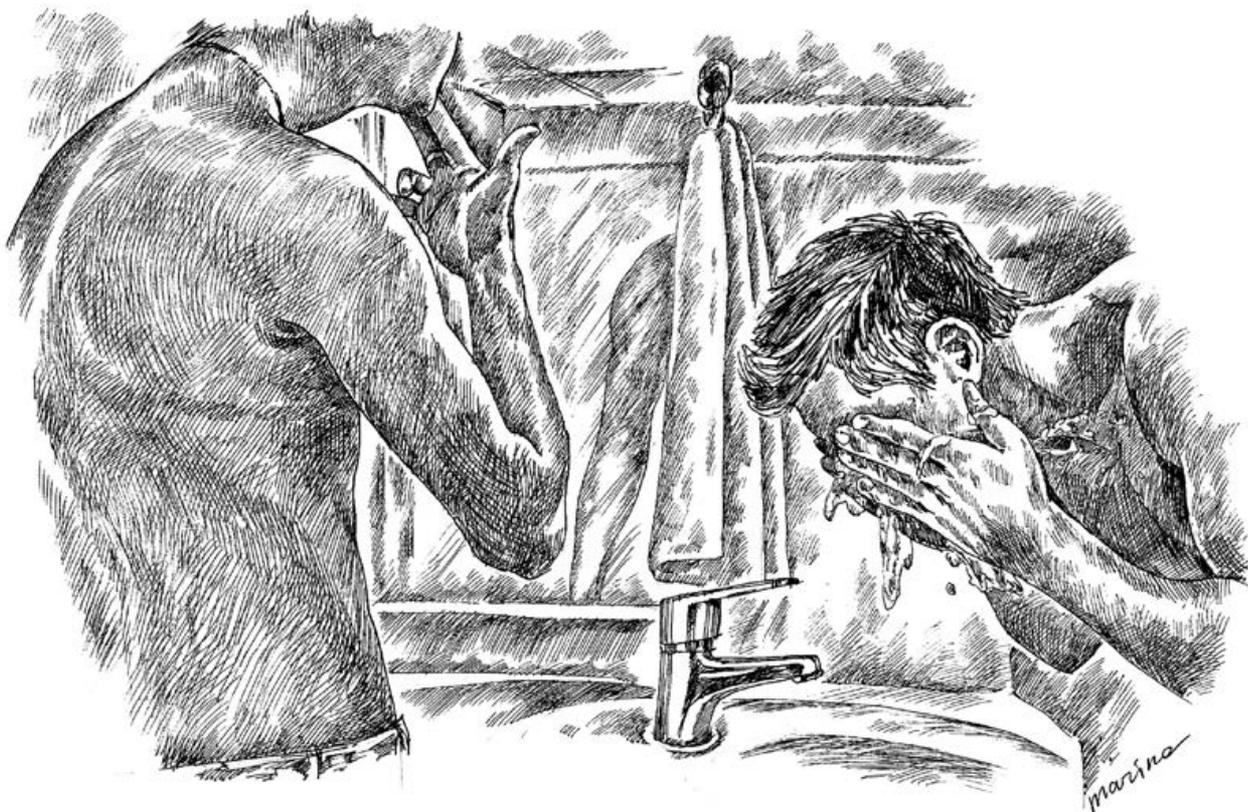
Наконец кто-то отчаянно заорал. И я узнал Костин голос. Костя кричал так, как кричат, когда убивают. И молотобойцы на секунду остановились.

Она оказалась спасительной. Мы разом вскочили и кинулись к дверям. Окровавленные лица наши, похоже, что-то означали собой, и драка перед подъездом вдруг приостановилась, а толпа чуточку расступилась. В этот человеческий коридор кинулись мы, добежали до выхода из него и ринулись к дальнему барачку, где нас ждал Клим.

Мы ворвались в комнату, где за столом уже сидели жених в пиджаке с галстуком и невеста с чем-то беленьким на голове. И вся свадьба вскочила. Маленькая Лизка подпрыгнула и повисла на Климе, удерживая его. Но он ласково освободился от объятий, скинул пиджак и возглавил ударный батальон. Ребята, с которыми мы крепко сойдемся в течение следующего часа, собрались на Климову свадьбу все заводские, отслужившие армию, и никто из них не усомнился в праведности атаки.

Я ее не видел. Но Елизавета и весь женский состав в один голос подтвердили, что Клим во главе своей бригады начисто уложили всех, кто был на дорожке у общаги, ворвались в подъезд, перевернули диваны, оставив в целости лишь невинный телефон. А когда выскочили обратно и увидели побитых мильтонов в порванных кителях — стали биться дальше, пока не подоспело государственное подкрепление.

Наряды. Во множественном числе.

8

Пока совершался акт мщения, мы с Костей, смеялись друг друга, держали под краном то лицо, то всю голову, то руки, которым тоже досталось. Топтались мы на кухоньке полуголые, а разные гости женского рода, которых я и видел-то первый раз, заходили по очереди, чтобы осмотреть наши голые торсы и установить, что в целом мы еще пока живы, а больница не требуется.

Но голова трещала! Зубы шатались, а у Кости один зуб шатался даже очень основательно, угрожая выпасть. Кое-как нас переодели в рубахи Климова размера, они висели на нас вроде халатов, а потом вернулся и разгоряченный жених со свитой друзей.

Они кричали, возбужденно перебывали друг друга, но едва Клим умылся и повязал галстук, все радостно усадились за стол.

— Добровольцы добровольцами, — подвел он итог сватки, — но и наши хороши! Устроили, видишь ли, гостеприимную встречу!

Стол, раскинувшийся перед нами, был народным от начала до конца, и жратвы обнаружилось в избытке. Но нам есть не хотелось, да и не могло — зубы-то шатались. Какая-то добрая тетенька налила граненый ста-

канчик чего-то мутноватого прямо из эмалированного чайника, и когда я устало спросил, что это, она ответила, мол, вино. Мы с Костей залили это в себя. Заметно полегчало. Пришлось добавить.

— Ну что, — спросила дружески все та же тетенька, — понравилось наше винцо? Так это спирт, чаем подкрашенный!

Первые полустаканчики прокатились как по маслу. И, надо же, действительно стало легче. Напиток добродетельно успокаивал, утишал боль, заглаживал драку, и мы стали отходить, оттаивать, полегоныку закусывать.

А Клим, успевая отвечать на яростное «Горько!», попевал еще и хвалить нас с Костей, удивлялся, как это мы вошли прямо в глотку зверя, нашли слабое место в этой глотке и — позвонили милиции.

— А то, что били их — варвары! Причем скорей всего наши братовья! Охраняли ведь телефон-то, охраняли! Выходит, битва запланированная! Решили сразу проучить! Ну, гады!

Под эти восторги, когда на нас посматривали, о нас не только говорили, но и шептались, жизнь быстро улучшалась, боль пряталась, а дурацкое, в общем, наше поведение начинало окукливаться в миф, в легенду, пусть даже для узкого круга, обещающая превратиться

из куколки в прекрасную зачем-то бабочку странной известности.

Мы с Костей пересели рядышком, чтобы было сподручней обниматься — два героя! — о чем-то болтали со всеми подряд, говорили Климу с Лизаветой длинные и несвязные заздравные речи с пожеланиями и, ясное дело, благодарностями. Подходили — и не раз — к зеркалам, впадали в ужас от синяков и ссадин, но со всех сторон встречали только сочувственные, благодарные, даже почтительные взгляды.

Особенно восхищенно глядела именно на меня младшая сестренка Елизаветы. Все застолье как-то небрежно, даже почти неуважительно поглядывало на нее, и когда я попробовал выяснить ее данные, все та же добрая тетка ответила, махнув рукой:

— А-а, Маринка! Ласковая дурочка! Маляром-штукатуром работает, из фэззушниц!

В скором времени я оказался пьян. Меня отвели в квартиру напротив, где на разные рулады уже храпел Костя. Чьи-то тела громоздились на полу, на ковриках и кинутых пальтецах. Битва, переходящая в праздник, закончилась грудой храпящих тел.

Где-то, уже под утро, я вышел в трусах на общественную лестницу, заскочил кое-куда и облегчил свое существование. Поднявшись, увидел, что дверь в соседнюю комнату приотворена. Я расширил щель и увидел, что на раскладушке лежит, распахнувшись, Маринка. Сама комнатка походила на коридорчик, да потом и оказалось, что это кухонька, а не жилье.

Вот когда вспыхивают малозначимые слова! «Ласковая дурочка», вспомнил я, вошел в комнатушку и притворил дверь. Я прилег к Маринке, и она воскликнула перепуганно:

— Кто это?

— Я, — только и удалось мне произнести.

Удивительно, она вздохнула и больше не проговорила ни слова.

Нет, не мыслящий, не стремящийся к чему-то значительному, не знающий высокие стихи, не ведающий, хотя бы приблизительно, что такое экзистенциализм, а мокрый, жалкий, отчаянный, но радостно добравшийся до запретного плода щенок обретался в чужой комнатенке, на чужой раскладушке, наслаждаясь чем-то ему не принадлежащим. «Ласковая дурочка» не явила никакой ласки, да и почему она дурочка, я не понимал.

Потом я вышел на улицу все в тех же трусах и майке. Чьи-то огромного размера тапки шлепали на ногах. Я тупо двинулся к месту вчерашнего побоища. Ничего не напоминало о нем. Правда, в рассвете, наступающем все настойчивей, промелькнула фигура, другая. Скребла метла о сухой асфальт.

Я постоял, не чувствуя, не понимая себя, не зная, что со мной произошло в последнюю половину суток.

Потом повернул, добрался до места, где по-прежнему стояли духота и храп, свалился в свое логово и проспал до обеда следующего дня. Хорошо, что это было воскресенье.

ПОВЕСТЬ СЕДЬМАЯ

СТАРШЕКУРСНИКИ

1

Прощаясь со мной, Хлебников сказал то, о чем я не думал.

— Нет, ты к нам не вернешься!

Костя Немухин, бывший рядом, вскинулся, готовый возражать, но подумав, вопросительно оборотился ко мне.

— Мне очень нравится, — пробормотал я, сбитый таким ходом разговора, — но я еще ничего не знаю.

— Это правильно, — заметил суровый первостроитель, — что не знаешь. Тебе еще рано что-то знать про себя...

Ни обниматься, ни многословить в ту пору не было принято, вечером я сел в поезд, а наутро мы встретились с Минибаем в Хабаровске, откуда, тоже к вечеру, двинулись в сторону альма-матер. Теперь мы ехали почти как буржуи — в плацкартном вагоне, две нижние полки, на которые хоть и присаживались за пять-то дней пути верхние пассажиры, но всякий раз спросясь и оказывая нам ярко выраженное почтение.

Мы оба досыта напечатались в своих газетах, и первое время взаимно изучали творчество друг друга, обсуждая, прибавляя подробности и досказывая недописанное. И он, и я состояли на окладах, кроме гонораров-то, и это подчеркивало отношение к нам редакций, куда мы явились на практику, — вполне доброжелательное, даже симпатическое, и карманы наши — мой, пришитый еще бабушкой, с пуговкой для пушицы сохранности кровно нажитого, — слегка топорщились, с одной стороны, намекая на пробную трудоспособность, с другой — гарантируя слегка уверенное будущее.

Впереди лежали два курса, в которые было бы глупо сорваться на каком-нибудь истмате. Или вообще сломаться на иной ерунде. Наше будущее уже вырисовывалось, волнуя и обнадеживая.

Ясное дело, друг мой со всем вниманием выслушал историю всеобщей драки новоселов и старожилков, или

наоборот, — все подробности в самых мелких деталях, участь, настигшую Костю и меня как представителей общественного мнения, на которых драчуны обернули особую ярость.

Наш Хлебников раскрутил после драки целую бучу, поднял на расследование власти, милицию, провел даже круглый стол в редакции — что, мол, случилось, какая такая причина для массового побоища, и возможно ли повторение такого или продолжение? Ведь лагеря для зэков разного свойства продолжают освобождать.

Я сидел в уголке при этом круглом столе, разумеется, помалкивал, но видел, что люди из власти и милиции искренне недоумевают, хотя среди новоселов и старожилов милиция обнаружила людей, отсидевших сроки.

Вывод был не для печати: участников массовой драки столько, что всех не посадишь. К тому же серьезных жертв не обнаружено — только синяки да ссадины, как у нас с Костей. Ясное дело, за побоищем стоял еще и политический фон: комсомольцы-добровольцы, едущие помогать, вдруг передрались со старожилками, строившими Комсомольск годами. Какое-то несовпадение!

Любопытно, что в уголке за редакторской спиной притулился наш ретушер Игорь Николаевич. Я еще, грешным делом, подумал — на него это не похоже, в его узкой комнате смиренно играла классическая музыка, утешая душу, а тут самая что ни на есть современная разборка. Но ретушер и вынес главный приговор всему произошедшему. Как-то негромко, и вроде самому себе под нос, он вдруг проговорил в тишине, наставшей после долгих дебатов.

— Просто отпустило!

Все эти серьезные люди молчали, теперь, похоже, раздумывая о глубинных, может быть, течениях вод, и Хлебников спросил:

— Ты, Игорь, подразумеваешь пушкинское? Про русский бунт, бессмысленный и беспощадный?

Ретушер шелохнулся и ответил:

— Скорее, это похоже на медведя, который укладывается на лежку... Ворочается, ворочается! Может и придавить!

Костя после обсуждения пожимал плечами, помыкал, ну и я, признаться, не достиг даже близко философической мудрости Игоря Николаевича. Да и ведь обоим нам досталось в том побоище, а это не очень располагает к стратегическим рассуждениям.

Но вот мы ехали с Дальнего Востока, и я физически отодвигался от жестокой драки, которая уже допускала и ее мифологизацию, и терпеливое возвращение к бессмысленности и бесцельности драки стенка на стенку, вообще-то исторической по своей форме — так дрались молодые мужики даже с двух краев од-

ной деревни, о чем мы, почему-то, хорошо знали, и я, неторопливо обсуждая с Минибаем одну из страничек собственной биографии, все больше и больше соглашался с ретушером, который ведь и за политику пострадал, и золото мыл, и в драках, поди-ка, по молодости участвовал. А может, этот многострадальный ретушер, нахлебавшись вдосталь, просто ретушировал целую эпоху?

Получалось, что беспричинность мордобоя, ненависти даже, лютоści у русских проходит и отлетает так же бессознательно и легко, как приступы доброты и самопожертвования, думал я своим незрелым умом, что и поспешил выразить словами.

Минибай не согласился:

— Это отрывка! От какого-то страшного обжорства! Это отместка за великую обиду! И, может, отместка самим себе!

2

Трижды в день — поутру, в обед и вечером, как вполне состоятельные граждане, — мы ходили в вагон-ресторан, официантки которого дружелюбно нам улыбались, на зубок выучили наш обеденный спрос — оливье, солянка и бифштекс с яйцом, — что еще долгие и долгие годы будет нашей незабвенной триадой, даже во взрослые лета, и к ним — в обед-то! — добавлялись славные сто граммов белокурой да бутылочка «Жигулевского».

Все это позволяло обедать долго, неспешно, обсуждая окружающую действительность и рассуждая на темы нам неподвластные, как это часто случается с русским подростком.

Впрочем, политику мы обходили, да и что нам за дело до Молотова, Маленкова и «примкнувшего к ним» бывшего комсомольского секретаря Шипилова. Там, в высотах, совершенно недоступных, что-то шуршало, разоблачалось и отваливалось, и в этих событиях ближе иного казались предметы, о которых прежде судить не приходилось.

Например, вдруг оказалось, что в державных облаках царствует разврат. Вдруг выяснилось, что создатель «Биографии И. В. Сталина» по фамилии Александров, академик и министр культуры целой страны, устроил бардачок с самыми чудесными красочками театра и кино, в которых мы были влюблены. Грязь пролилась, министра сняли и отправили из столицы с глаз долой. А к нам, в столицу Урала, для перевоспитания, наверное, отправили его соратника по разврату члена-корреспондента Академии всех наук Кружкова. И в качестве — кто бы мог такое выдумать? — главного редактора славной уральской

газеты, а по совместительству профессора марксизма-ленинизма. И где? На нашем собственном факультете.

Подвыпив и влюбленно вглядываясь в пейзажи чудесной страны, крутящиеся за окном, точно гигантская граммофонная пластинка, мы с Минибаем на все лады спрягали научные достоинства сосланца из московских далей, вышучивая и его членство, а также корреспондентство, раз он уж стал редактором и обучал марксизму газетчиков.

В этом легком полуподпитии я болтнул милой официантке на ее вопрос, кто мы такие и куда отправляемся, что перед ней не кто иные, а золотоискатели! История ретушера не оставляла меня в покое. Минибай тут же меня оборвал, чуточку приобидев:

— Да он шутит! Мы — бедные студенты! С практики едем!

Официантка поморгала, отошла, я заметил:

— Разве вредно — малость приврать?

— Дорога дальняя, — ответил друг, — я тут интервью брал! С начальником железнодорожных милиционеров! Хоть за детектив садись, что на дорогах творится! А ты! Золотоискатель! Задницу прочистят!

— Как это? — не понял я.

— Знаешь, как золото с севера вывозят? Правда, бабы. У мужиков хуже получается.

Я не знал.

— В презервативах! Которые сам знаешь куда засовывают!

Я ахнул. Что-то ретушер мне про такое не рассказывал. А Минибай знал и не врал, похоже, да и зачем ему врать, если еще и знает всякие подробности.

— Этим заняты воры в законе, — пояснил он. — И какие-то банды с юга! Мы, братец, и представить не можем, что в той, подпольной, жизни!

Но это все были мысленные, так сказать, утверждения. Лишние знания, которых, в общем, оказывалось чересчур много — так много, что они складывались в другую, параллельную, жизнь. Вот мы сидим в ресторане, а наши чемоданы запросто могут обшмонать расторопные ребята, да так, что никто ничего и не заметит. Даже из вполне доброжелательных соседей. Поэтому девиз — все свое ношу с собой — внушенный еще моей бабушкой, пришившей внутренний карман, был разумной народной мудростью. У Минибая имелся похожий. А про золотоискательство и шутить оказывалось опасным в те времена, только начинавшие освобождаться от страхов.

Еще с вокзала в Хабаровске мы, узнав, когда проезжаем Красноярск, дали телеграмму Джурке. А и вспомнили о депеше-то только при подъезде.

Но на вокзале у проходящего поезда толкалось человек пять-шесть, и Джурки не было. Мы вышли на перрон.

И тут — о боже! — я увидел Джуркину мать! Я же видел ее, когда она приезжала, а Минибай — нет. И вот она шла ко мне, не очень молодая, обыкновенная, круглолицая и доброжелательно улыбающаяся. Он неожиданности я растерялся, Минибай толкался рядом, совершенно не понимая, что происходит. А я начисто забыл, как ее зовут. Но она пришла на выручку.

— Здравствуйте, ребятки! Я вас узнала! Джурик улетел самолетом, и я, получив телеграмму, решила вас встретить.

И протянула нам две тряпичные сумочки.

— Там еда, ничего особенного! Покушайте в дороге!

Больше говорить было не о чем. Джурка ведь сначала остался на старой частной квартире, когда я съехал в общежитие, и наши отношения, естественно, изменились. Теперь на троллейбусном буфере мы висели вместе с Минибаем. После Джуркиного покаяния вроде все утихло, его окучивала профессорская дочка Алена Грачева, а он и вовсе переехал на другую квартиру и жил в комнате с Толей Пудолем. Поближе, видать, к газетным делам. Все эти передвижения создавали новую географию его жизни, несколько отличную от нашей, и мы не то чтобы отделились, но...

После лекций мы сбивались в привычных аудиториях, ели у тети Дуси и снова оставались с книгами на угрюмых местах, а местные, здешние, городские удалялись восвояси. И как-то незаметно к ним примкнул Джурка.

Такая вот складывалась рекогносцировка перед прощальной фразой Джуркиной матери. Поезд тихо тронулся, мы стояли в тамбуре, и она сказала нам всем негромко:

— А Джурик с Аленой решили расписаться! Скоро увидимся!

Вот это был удар по нашим наивным ушам!

Ведь даже и переспросить-то нельзя — поезд набирает ход, а женщина, сообщившая новость, остается за пределами дверного проема.

Последнее, что, наверное, увидела она, были наши округлившиеся глаза.

3

Та осень была благоуханна и светла!

Время от времени изменяя тете Дусе, мы ходили полопать в Дом крестьянина, где действовала столовая же, но чуть попримичнее, чем студенческое спасалище, — там, например, подавали «чай парами», оказалось, не стаканами, а целыми чайничками, по-купечески. После обеда мы переходили трамвай-

ные пути прямо напротив столовой и забредали в аллеи знаменитого дендрария.

Вот там, на широченных скамейках, похожих на вокзальные, нас тихо, без всякого предупреждения, постигала хоть и краткая, но благодать. Мы съездили в неизвестные прежде края, приспособивались там и даже оказывались чуточку нужны, вернувшись, защитили практику на пятерки, и про нас покати́лась хлипенькая, но положительная молва: эти парни не пропадут.

В дендрарии мы ни слова, пожалуй, не проговорили о будущем, но, похоже, оно развиднелось, будто тропка освободилась от тумана, и стало ясней, куда ступать дальше.

Минибай свой путь видел очевидней, чем я, и ни о чем другом, кроме Хабаровска, не желал слышать. Он благоразумно не утратит связь с газетой, где практиковался, съездит туда еще раз, а потом уедет навсегда. Я же обладал страховкой от самого Леонида Демидовича, которого у меня дома из молодежки перевели в главную газету.

Чуть позже, на октябрьские, я сгоняю к родителям, отдам заработанные деньги, и за пять дней мне сошьют первый в жизни костюм — тогда же костюмы в магазинах не продавались! Был этот мой первенец хорош, до полного восторга окружающих и моего собственно, — коричневым, в тонкую светловатую полоску — да еще и раскроил-то его мой собственный дедушка, который хоть и слыл скорняком, шил меховые шубы для армии, работал на шубно-овчинном комбинате, но оказался и опытным закройщиком широких умений: самолично измерил меня сантиметром, раскроил материю, а потом примеривал и строжился, осаживая хоть и немалых, но все же, видать, не таких опытных, как сам, женщин из швейной мастерской.

Этот-то костюмчик я и обновил, явившись к Леониду Демидовичу, который тут же потребовал отчета, а услышав, что я прошел практику в промышленном отделе, да еще и в Комсомольске-на-Амуре, прямо-таки заволновался:

— Ну, ты помнишь наш уговор?

Я, конечно, помнил.

— Смотри! — ходил он передо мной. — Пришлем вызов!

— Шаг вправо, шаг влево! — пошутил я.

Он остановился, погрозил пальцем:

— Ты же у нас вырос, молодой человек!

Странное дело, я не чувствовал себя молодым человеком. Пацан, конечно! Студяга — в самый раз! Даже молокосос — приемлемо, если употребить это слово дружески. Но — молодой человек?

Одним словом, редактор молодежной газеты, благословлявший меня учиться, теперь разговаривал со

мной как со взрослым во взрослой редакции, а я, получалось, оказывался застрахованным, и мне не требовалось искать работу в иных краях. Хотя что-то свербило в душе. Хотелось попробовать неведанного.

Тем временем Джурка сыграл свадьбу с Аленой Грачевой. Русоволосая, с чуть припухшими губами и сияющими глазами, Алена в образе невесты была хороша и радостна, а Скок чего-то стеснялся, оказался угловат и немногословен. Свадьбу играли в профессорской квартире, так что студентов позвали немного, самых близких, в число коих вошли и мы с Минибаем.

— Ну все! — сказал он при подходе к дому, где теперь должен был обитать Джурка. — Вот он и распределится!

На свадьбе мы, конечно, увидели Джуркину мать и его отца-геолога, теперь уже в полной близости и удивольствии. С их стороны, конечно. Про нашу сторону говорить пока не приходилось. Мы просто плыли по течению, и вот одного из нас вытащили багром за шиворот и поставили на берег: живи, как взрослый. Но это ведь еще вопрос, что лучше: плыть по течению, если, конечно, не тонешь, или стоять на берегу, не зная куда идти.

В общем, мы гульнули, выразили пожелания, поплыли дальше, и тут началось. То на старших курсах — а старшим был только пятый, и это хотя бы понятно, — то на младших стали фейерверками взрываться свадьбы.

Еще один взрыв послышался совсем поблизости. На этаж ниже в нашем общежитии проживала Муза Воробьева с нашего курса. Была она не фигуриста, тощевата, блондиниста, светлоглаза и длинноноса. Правда, еще говорлива, активна, настойчива до настырности. Ничего не пропускала, чтобы громко не обсудить. Ну, бывают такие активные натуры. Сочинительством и публикациями Муза не блистала, зато не пропускала ни одного высказывания, чтобы не выразить замечания. Потом из нее выйдет замечательный редактор. Хотя, как известно, всякая замечательность относительна.

Особенно часто Муза повторяла гуманистическую мысль, что каждый человек — хозяин своей судьбы. При этом взглядом она обладала беспокойным. Быстро, но внимательно оглядывала людей, будто кого-то отыскивая, отбирая, сортируя. На всех близких ей сокурсников она взглядывала мимолетно, без всякого интереса, и даже без расспросов было ясно, что она не может иметь к нам никакого интереса. Как, впрочем, и мы к ней.

И вдруг кто-то сообщает, что Муза выходит замуж, присмотрев парня с физмата, свадьба будет прямо в общежитской комнате, где она проживает вместе с еще пятью девчонками, и теперь все они, сбросившись, строгоют тазик винегрета — по причине бедности как невесты, так и жениха.

Комната хоть и рассчитанная на шесть железных коек, вроде нашей, вместить много гостей не могла, поэтому Муза поставила дело так: группа из трех-четырёх человек заходила, чокалась гранеными стаканами, в которых продукт чуть взблескивал на самом дне, желала счастья и тотчас выходила, закусив винегретом. Жених наивно, но радостно взирал на входящих, глаза его невинно круглели, и он потихоньку поднаживался. Но Муза управляла всем, и процесс шел ходко.

Подруги по комнате распределились на первую ночь кто как, предоставив пространство для радости молодоженов, но после второй ночи общага наполнилась слухом, распространившимся самым стремительным образом. Муза и ее суженый к односпальной железной койке приторочили нечто вроде полога из сдвоенной простыни, купленной на рынке и сшитой воедино. Большой размером муж Музы приходил с учебы, весь вечер проводил в беседах с Музой в женской комнате, при знакомых, но ведь посторонних же девицах, а к ночи залезал под полог, снимал там рубаху, штаны, и Муза вешала все это в общий шкаф вместе с платьями своих подруг.

Далее они укладывались в свое гнездышко, укрытое от нескромных взоров, и утихали.

В первую коллективную ночь девчонки, не посмевшие возразить, кое-как задремали, уговорив, наверное, себя, что ничего страшного не случится, ездят же люди, раздеваясь, в купейных вагонах, но к утру очнулись от дикого скрежета и стопа. Муза стенала, как гиена, впрочем, голосов гиен мы в ту пору еще не слыхивали, а сетка кровати скрежетала, испытывая самое тяжелое давление на всю свою железную жизнь.

Ходили слухи, что все девчонки выскочили из комнаты в ночных рубахах, потом где-то прикорнули, а утром пошли в атаку на Музу. Не тут-то было! На все претензии она укоряла подруг в безнравственности и эгоизме: у них бедная, истинно студенческая семья, и денег, чтобы снять где-то комнату, даже быть не может. А потом покрыла все сомнения последним аргументом: и у Музы, и у ее мужа погибли на войне отцы, так что общежитие им полагается по закону! Против такого аргумента переть было невозможно. И выхода из положения никто не знал.

Дело кончилось умиротворением, довольно, кстати, простецким. Сперва девчонки договорились с Музой, что они с мужем будут делать свои дела до восьми вечера, пока не закрывалась читалка. А ночью станут вести себя спокойно. Молодой муж укротил свою плоть, но возвращаться по старому месту жительства не желал. Очень скоро Муза забеременела. Похоже, она достигла искомого и тут же отлучила муженька от бранных подвигов. Ему пришлось возвратиться на свое

место, пока она не родила. А из роддома их устроили в какой-то комнате по линии профсоюзов. Собственным разумом Муза, считающая, что судьба человека в его собственных руках, вытащила себя, дитя и мужа из реки, по течению которой мы продолжали плыть.

Как и Джурка, выбралась на берег, во взрослую жизнь.

4

Той же осенью нам довелось взглянуть в лицо развратной власти, но так ничего и не разглядеть.

Какую-то обзорную лекцию по развитию марксистской мысли нам собирался прочитать тот самый Кружков, друг автора биографии Сталина, а в те времена профессор отделения журналистики и главный редактор, повторюсь, самой важной уральской газеты. Своей потаенной славой он, похоже, был оваян со всех сторон, если даже малознакомые исторички и филологички ужали нас в аудитории, назначенной для его речи. И глаза у них горели. Слухи о лекции недонаказанного распутника разошлись широкими кругами, как будто кто-то бросал в воду не камушки, а булыжники.

В конце концов на кафедру взошел человек с лицом, похожим на каменную маску — грубо отесанным и мясистым. Пока он говорил, ничто не дрогнуло в нем, разве что взгляд изредка отрывался от бумаг, спрятанных бордюром кафедры, устремлялся вперед, но не останавливался при этом ни на одном слушателе. Будь пустой эта аудитория, он и тогда исполнил бы это все тем же безразличным к словам и их содержанию баритонном. Ровное, равнодушное, безразличное произношение обезличенного текста, может, даже и написанного кем-то другим.

И при этом он же был редактором огромной газеты! Мне пришло в голову идиотское сравнение: а Хлебников, например, смог бы оказаться на этой кафедре и ворочать языком камни официальных слов? Да пусть даже и самые размарксистские — но вот так равномерно, пустоголосо, неэмоционально? Ведь такое не позволила бы ему просто его судьба! Там и жар, и пыл, и ругань! Да все, кроме пустынной геометрической плоскости.

Прозвенел звонок, и лектор торопливо исчез, едва ли не сбежал, но ему предстоял еще один академический час, и аудитория слабо загудела. Джурка с Аленой сидели впереди и, оборачиваясь к нам, улыбались, пожимали плечами. Но громче всех вела себя Муза Воробьева. Она зачем-то волновалась шумней всех: крутилась, качала головой, что-то, почти неслышно, шептала.

Лектор вернулся и вынужден был пару раз прокашляться, таким образом призывая зал к вниманию. Через полчаса, резко оборвав, оказалось, закончив, сухо спросил:

— Вопросы?

Вскинулась Алена, Джуркина жена и дочка профессора. Зачем только это?

— А вы лично имели отношение к биографии товарища Сталина?

Аудитория притихла.

— К биографии товарища Сталина имел и имеет отношение Александров Георгий Федорович, — все тем же равнодушным тоном произнес лектор. И добавил: — Это действующий и признанный труд, он имеется во всех библиотеках.

— А с Александровым у вас были отношения? — выкрикнул чей-то резкий мальчишечий возглас, и я узнал Вовку Потникова.

Все снова притихли, сразу уразумев, какой запретный смысл вопрошающий вложил в слово «отношения». Но каменная маска оказалась непробиваема.

— Александров, — ответил он равнодушно, — действительный член Академии наук, а я член-корреспондент. Таким образом, мы работаем в одной Академии.

Он подчеркнул это слово — «работаем», — и Алена потом еще долго разъясняла нам, что все эти академики избираются пожизненно, и что бы с ними ни случилось, откуда бы их ни выгоняли, даже из министров, их академические звания неприкасаемы.

Но тогда взорвалась Муза Воробьева. Она вскочила и громко воскликнула:

— А как марксизм-ленинизм относится к экзистенциализму? Не есть ли это дружественная марксизму идея? Ведь Жан-Поль Сартр утверждает, что человек есть лишь то, что он сам из себя делает. Человек есть не что иное, как осуществление самого себя. И существует лишь настолько, насколько сам себя осуществляет! Разве это не согласуется с марксизмом?

Аудитория наша словно подавилась. Мухи бились в окне — ведь стояла еще осень, и их жужжание под-

черкивало тишину. Чего мы ждали? Ведь мы набились тут для зрелища, для того, чтобы воочию увидеть чей-то срам, — как хоть он выглядит-то? Тайно ждали провала — но какой такой провал, разве забубенная лекция может оказаться провалом? У профессора есть текст, с который легко ознакомиться, и всякий спец по политическим наукам подтвердит его праведность. Исполнение? Но здесь не эстрада, а студенческая аудитория.

И тут занудный грешник, будто учуяв витающие под потолком недоумения, словно перевернулся.

— Сартр, милая девушка, — проговорил членкор неожиданно подобранным голосом, — утверждает также, что человек ответственен не только за себя, он отвечает за всех людей.

Наконец-то он поглядел на нас с интересом. Даже крякнул.

— Но это, — сказал он Музе, — уже глубины философской теории. Если интересно, заходите ко мне в редакцию, поговорим. Но только организованно, через кафедру.

Вот те и на! Мы пришли на спектакль, да он и произошел, но в конце услышались человеческие слова. А это всегда сбивает с толку. Когда народ стал вслед за лектором выходить из аудитории, Муза улыбалась и повторяла:

— А что? Я пойду. Значит, он не такой ретроград, раз про Сартра знает!

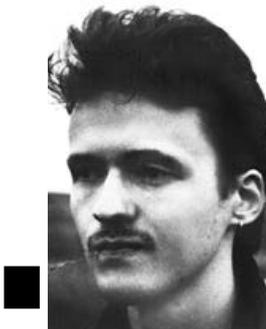
— Теперь всем ясно, кто ты такая, — заметил Музе Минибай. — Экзистенциалистка! А не просто...

— Конечно, не просто! — смеялась она. — Марксистка-экзистенциалистка.

И Музка действительно оказалась хозяйкой своей судьбы. Как потом узналось, в какой-то миг, не афишируя этого, она заявила к грешному марксисту — он же главный редактор, — ее приняли, и постепенно она заняла свое твердое и надежное место в жизни: стала штатным корректором, о котором не забыли. И со временем перевели в газетный штаб — заместительницей ответственного секретаря.

Продолжение следует.

Макс СЫСОВЕВ

Окончание. Начало в № 4, 5, 6, 7, 8 за 2018 год

РЕЗЕРВНАЯ КОПИЯ ВОСПОМИНАНИЙ

Рисунок Марины Медведевой

Что же было после эпической пьянки с моим одногруппником? Многие любят так спрашивать: «Вот напьешься ты — и что?» А ничего. И про любое другое мое начинание можно так же спросить. И получить тот же ответ. Ничего.

Конечно, проблем та прогулка в Чертаново не решила. Нет, кое-что было, что логично, раз я еще не сдох. Но зачем это описывать? Любое событие в моей жизни, любое начинание развивалось по тому же сценарию, что и жизнь с Патриком, только хорошего в нем было меньше, а говна — столько же. Любое. Да что ни возьми. К чему стремится человек? Вот это все и оборачивалось так, как обернулось.

Человек хочет кем-то стать. Я не стал никем. Ни писателем, ни радиотехником. Учился на своем филфаке, и чем больше вникал в суть учебы, тем больше проникался тщетой бытия. Все больше я был мучим сумасшедшими и бездарными преподавателями, бюрократами, непониманием однокашников, абсурдностью университетской программы. Сессии сдавались, зачетная книжка заполнялась, а вот голова — нет. Не прибавлялось в ней новых знаний и умений. Напротив: те бредни, которые изучали на филфаке, стали подавлять разумные мысли, к которым я долго и мучительно шел. Я стал понимать, почему так бездарно организованы школы, откуда там столько агрессивного быдла, некомпетентных педагогов, абсурдных требований. Педагогическая кухня предстала в университете во всем уродстве и гротескности. Заявляю с полной ответственностью:

покуда педагогов готовят так, никаких перспектив у нашей страны не появится.

До третьего курса я учился почти на отлично. На третьем курсе бессмысленность подкосила меня. Члены творческой группы, жополизы, да и просто те, кто чаще посещал лекции, — все они учились лучше меня без всякого напряжения. Да и зачем мне было учиться? Ради отметок? Смешно. И я продолжил «учиться» только ради освобождения от армии.

Да и можно ли тут употреблять слово «учиться», пусть бы и взятое в кавычки? Как можно говорить о какой-то учебе (пусть бы и по самой лучшей программе), когда вокруг творится такое? Когда вокруг веселятся, общаются, заводят у тебя на глазах дружбу, любовь, придумывают и осуществляют смелые проекты, самореализуются во всех сферах творчества, а ты смотришь на это, словно отгорожен от мира экраном телевизора, да только никакого экрана нет, все рядом, жизнь проходит здесь и сейчас, и от нее не убежать, но и шаг ей навстречу сделать невозможно. Я пытался. Я учился на филфаке четыре года и чего только не перепробовал. Но жизнь как текла мимо, так и продолжала течь, и ни за что я не зацепился, и только уходил прочь, когда надо мной начинали посмеиваться.

И не только уходил. Бывало, после занятий на станции метро я вцеплялся пальцами в скамейку, чтобы не броситься под прибывающий поезд. Еще чуть-чуть, какое-то знамение (например, если б приехал не синий поезд, а красный) — и я б прыгнул на рельсы. Был случай, когда я чуть не перерезал вены ножом, сидя на

цокольном этаже филфака. Но и тут трусость возобладала: я ограничился тем, что воткнул нож до кости и разрисовал кровью лестницу. Долгое время там оставались коричневые надписи « $2 \times 2 = 5$ », «Продай себя Системе» и т. п., но на них всем было наплевать, как и на мои чувства. Над чувствами моими продолжали надсмехаться, и с откровенным презрением, и по-дружески, без злобы, просто потому, что так принято в этом возрасте, но мне и то и то было очень больно, и, окончив бакалавриат, я принял решение поступать в магистратуру в другой вуз. Выбор пал на РУДН. Я сочинил себе безумную надежду: раз мне невозможно найти общий язык с людьми одной со мною национальности, то, быть может, я смогу наладить контакт с кем-то издалека, к примеру, с какими-нибудь неграми? (Негры и особенно негритянки мне всегда очень нравились.)

РУДН считался элитным университетом, и я молил-ся пройти по конкурсу хоть как-то, хоть бы и последним. Увидев результаты вступительных экзаменов, я обалдел: мой балл оказался самым высоким в группе поступавших. Видать, не так уж и плохо учили нас в университете, который мы презрительно называли «педушка».

Проклятье одиночества к тому времени вполне мною овладело и, понятное дело, что не только с неграми, но и с россиянами из собственной группы отношения наладились весьма натянутые. С трудом узнавал я, в какой аудитории будет следующая лекция, а уж вопрос о чем-то личном и вовсе лежал за гранью понимания. Но и тут навязался мне в друзья человек, которого я не ждал. Родом он был из одной республики бывшего СССР, ну и закончилась наша с ним «дружба» точно так же, как с теми двумя первыми моими «друзьями» с филфака.

Ходить на занятия в такой напряженной атмосфере было столь мучительно, что год спустя я перестал посещать РУДН и был отчислен. Так завершилось мое студенчество.

* * *

У меня было некоторое образование, но что я мог с ним сделать? Хотя степень бакалавра и считается официально полным высшим образованием, основная часть работодателей склонна считать это «неполным высшим». Да и без того я знаю, что ничего не знаю и не умею. А что знаю и умею, то не могу делать, ибо слаб и ничтожен. Я был вырожденцем всегда; евгеника вшита людям в «подкорку», и потому они с детства меня сторонились; повзрослев, я во всей полноте ощутил последствия собственных поврежденных генов.

Больше не надо было резать руки и прижигать себя окурками, чтобы испытать боль, «отнимающую страдание духовное». Новые виды боли и без того открывались месяц за месяцем. Рассыпающиеся зубы, стоматит, гастрит, сколиоз, артроз, аритмия, плоскостопие и прочие неприятности, не дающие соскучиться, все прогрессировали и прогрессировали, и останавливаться не собираются¹. Они только входят во вкус, я пока молод, но уже временами проклинаю я от боли весь белый свет. Что же будет, если удастся протянуть еще десяток-другой лет? Воистину, ничего я не вижу в будущем, кроме постепенного упадка и угасания, боли и новых напастей. Ни малейшей надежды, что станет лучше. Только хуже и хуже, только ближе и ближе *бездна*.

Где-то на третьем курсе я утратил способность вставать в 6:30, чтобы приехать к первому занятию. Я и в восемь утра не мог встать, чтоб быть в универе к занятию второму. Да и к третьему приезжалось не так просто, как хотелось бы. Страшная усталость обрушилась на меня: с тех пор я большую часть времени спал. Проспав меньше двенадцати часов, я чувствовал, будто не смыкал глаз сутки, а то и двое. Мысли путались, под веками ощущался песок. Одна мысль о каком-то интеллектуальном труде вызывала сонливость.

Этим не обошлось. Тело продолжило разваливаться. Помню, особенно громко я стонал и орал, когда суставам стал приходиться окончательный конец. Я вывихнул коленную чашечку, и не где-то там в горах, а банально потягиваясь на диване. Это очень больно, но страх был сильнее боли. Я орал оттого, что такое *вообще возможно*. Дома никого не было, и мне пришлось вправить чашечку самостоятельно: все равно ни вызвать скорую помощь (телефон находился на другом конце квартиры), ни открыть ей дверь (к двери пришлось бы ползти обратно) с изувеченной ногой не вышло б. Год спустя я снова вывихнул коленную чашечку: на этот раз инцидент случился, когда мы с очень пьяным приятелем отправились в три ночи за водкой. Я поскользнулся и упал. Приятель не понял, что стряслось: он был кошмарно пьян и все пытался меня поднять, да и если б приехала скорая, я б все равно отморозил почки, ожидая ее на ледяном асфальте. Пришлось снова вправлять чашечку самостоятельно. Хирург в поликлинике, к которому я позже пришел за советом, в такие невероятные истории не поверил. Как обычно.

Самое грустное, что вместе с телом, на которое я и так почти не рассчитывал, стало приходиться в негодность последнее, что я мог надеяться противопоста-

¹ Список того, что мне по здоровью делать не полагается, составилю отдельно, чтобы мать дала санитарам, когда забирать будут.

вить океану дерьма: мой мозг. Видимо, его доконали пьянки и ночные бдения в попытках исторгнуть из себя литературное произведение. Как там писал Патрик?

Да и не только в пьянках и бдениях причина. Сказалась и плохая наследственность. А еще пару раз я принимал достаточно тяжелые наркотики: ЛСД (которая была не ЛСД, а какой-то разновидностью N-Bome) и мескалин. Ну, это только я их называю «тяжелыми», вообще, они являются средними, если не легкими: привыкание не вызывают и токсичны не больше «Доширака». Я поддался филистерскому предрассудку, что-де творческие личности всегда что-то употребляют, и, пытаясь повысить свою духовность, а заодно попасть в психоделический мир, где меня ждет Вельда и красивые «мультики», я принял эту дрянь. («Мультики»! Я так хотел увидеть галлюцинации, а теперь я прячусь под одеялом в ожидании часа, когда они мне явятся.)

Конечно, людям, страдающим депрессией, от психоделиков стоит держаться подальше, это даже Хаксли писал. Оба раза я попадал в так называемый bad trip, в настоящее безумие. Наркоманом я не стал, зря нас в школе пугали. Напротив, я стал убежденным противником наркотиков. Никакую они духовность не повышают: если душа пуста, химическая отравка в нее ничего нового не вложит.

Проклятые «вещества» вконец разрегулировали мою нервную систему. После мескалина, к примеру, я неделю в недоумении трогал свое тело: чувство было такое, будто оно вовсе и не мое. Страшнее стало, когда я понял, что не могу заснуть. Вместо сна я проваливался в смерть. Сон накатывает волнами, а мне казалось, будто это волны смерти. От этого я совсем вывалился на измену. После одной развеселенной ночки, когда казалось, что я по-настоящему умру, я ударил по лицу одного своего друга, который с перепоя назвал меня стукачом. Тот, понятно, ответил и повалил меня, и отпинал, ибо я слаб и немощен. Чувствую себя виноватым за тот случай.

Это дерьмо с умиранием продолжилось и все силось. Полгода спустя на даче мне приснился страшный сон. Не просто страшный, а самый страшный в моей жизни. Бабушка, которую я так обидел, снова умирала в нем и звала в бездну. Я проснулся в холодном поту, стал уверять себя, что то был лишь кошмар. Но нет, кошмар не проходил. Воздуха в комнате стало мало, свет померк. Сердце начало давать сбои, руки-ноги свела судорога, я упал с кровати, пополз ко входной двери, из последних сил отодвинул задвижку, повалился на крыльцо. Не верилось, что это конец, что он настал так быстро. Тело мое страшилось.

Постепенно отпустило. Я вызвал скорую помощь. В скорой помощи мою очередную историю выслушали с недоверием, измерили пульс и ничего подозрительного не обнаружили. От греха подальше вкололи в жопу успокоительного и уехали. А мне лучше не становилось. Едва я вошел обратно в дом, как в глазах снова стало темнеть, пульс усилился, началась аритмия. Я сел в электричку и поехал в Москву в очень странном состоянии. Как будто тело мое уже слегка от меня отделилось и душа, в существование которой я не верю, танцует за окном вагона с Ангелом Смерти. Это называется деперсонализация. Ночью я не спал: только лягу, как снова оно начнется. И лишь на следующий день, сходя в больницу слуг народа, я узнал, что это была паническая атака.

Атаки стали меня преследовать. Такой лютой, как на даче, больше не случалось, однако я часто не мог заснуть от ощущения, что задыхаюсь или что останавливается сердце. Совсем хреново становилось, когда атака начиналась во сне. В такие моменты сон переходил в кошмар: как правило, это были кошмары про безумие. И хотя панические атаки считаются неопасным заболеванием, мне все время казалось, будто я вот-вот окончательно свихнусь, пойду крушить все вокруг, сдирать кожу со своего лица, жрать ее, обмазываться кровью и дерьмом.

Мои кошмары были крайне реалистичными. Из них я узнал, как будет выглядеть мое безумие, когда мозг полностью придет в негодность.

* * *

Я в психушке, в пустой палате, рассчитанной на четыре-пять человек. Не понимаю, как попал сюда. Постепенно вспоминаю, что медленно сходил с ума, потом процесс ускорился, и я внезапно оказался здесь. Хочу взять что-то с тумбочки, но вместо этого забываю, где нахожусь, и вижу галлюцинацию: в ней я иду по каким-то огородам, осенью, в дождливый и холодный день. Подхожу к покосившейся гнилой бытовке, мои ноги проваливаются в старые грядки. Ко мне подходит гигантская буро-зеленая кошка, я отталкиваю ее, на руке ощущение мокрой холодной шерсти. На секунду безумие отступает, я вспоминаю, что на самом деле лежу в палате. Ко мне заглядывает медсестра, говорит, пришла какая-то женщина. Я пытаюсь встать, иду к двери, но палата и кровати ужасно удлиняются и при этом сужаются, освещение тускнеет. Кое-как выхожу в коридор. Там моя жена. Ей вроде как стыдно и жалко меня, но держится она отстраненно, ибо я совсем плох. Говорит, что не верила до последнего, что я схожу с ума. И мама тоже не верила до последнего. Но когда я прошел тест (в этом тесте надо было найти ассоциации между словами, я связал слова «смерть»,

«грязь», «окно», «шар»), все поняли, что я поехал окончательно и, видимо, бесповоротно. Мы разговариваем с женой, сидя в коридоре психушки. Мне начинает казаться, что мы едем на машине по темным улицам, суровая жена уходит, а на водительское место садится мутный жирный тип, похожий на гангстера. Ненадолго возвращаюсь в реальность. Продолжаю разговаривать с женой в коридоре психушки. Слова даются трудом; сам того не понимая, я перемежаю свою речь огромным количеством мата, без которого мысли связать невозможно. Жена очень расстраивается, но, кажется, понимает, почему так. Наступает время ей уходить, я ложусь обратно в палату и погружаюсь в мир галлюцинаций. Плохо их помню, да и не интересные они, слишком реалистические. Только одна интересная была: маленький, я иду летом с мамой по теннисной дорожке (кажется, в Зеленограде), спускаюсь по небольшой лестнице. С тоской думаю, что в одной из последних вспышек собственного разума осознал одну из самых первых его вспышек. Понимаю, что это конец и скоро я вообще перестану себя осознавать¹.

Вот таким оно и будет, мое безумие. Волны галлюцинаций и провалов памяти, невозможность отличить реальность от бреда, один сплошной bad trip, как под мескалином, только действие мескалина никогда не кончится, а вернее, кончится, но только вместе со мной.

* * *

А есть люди, которые нормально живут. И не «где-то». Они повсюду. Они большинство. Они нормальны, обычны и их пруд пруди.

Личинки извергов, чмырившие меня, превратились в имаго, обзавелись хорошими работами, тачками, женами, наплодили *детिशег*. Многие прошли армию, вернулись настоящими мужиками, всем *деффкам* на зависть. Никто не спился, не сел на наркотики. Пара человек поступили на работу в полицию: вот уже много лет они защищают нас от темной стороны бытия. Маньяк теперь без пяти минут кандидат наук по математике, метит в профессора. Самая вредная, тупая, злобная и наглая бабень из моего класса теперь работает психологом в нашей школе. Эстафета поколений.

Ну, одного моего одноклассника таки посадили в тюрьму. Мне он ничего плохого не делал, а вот после школы в составе группы фашистов забил насмерть цепями девочку-таджичку. Еще из первой моей школы

¹ После этого сна я съездил в Зеленоград, где провел первые два года своей жизни и откуда моя семья уехала в 1991 году. Я не был там больше двадцати лет, с эпохи Внекатегориального Мышления. Но я нашел ту дорожку и ту лестницу: эту точку, из которой началось расширение моей личной вселенной, это место, где сингулярность породила мое сознание. И я узнал их.

приятель попал на кичу: этот любил «стрелять» деньги и не отдавать, но в целом я считаю его душевным парнем. В четырнадцать лет купил раздолбанный «Москвич-412» и катал нас по району, без документов, без прав на вождение. Было круто. А погорел он на угоне мотороллера.

Да и что себя с пидорасьем сравнивать? Я всю жизнь знал, что кончу где-нибудь в подземном переходе, упившись техническим спиртом, и мои бывшие одноклассники будут ходить мимо и кидать мне мелочь, говоря «Держи, неудачник!».

Была «недавно» «встреча выпускников». Я узнал о ней из «ВКонтакте». Одна телка из класса пригласила меня в виртуальное сообщество, посвященное этой встрече. Я зашел на страницу: на аватаре стояла выпускная фотография нашего класса. Я из нее был вырезан.

Я следил за одноклассниками через социальные сети, грыз локти от зависти и не сомневался, что увижу на «встрече», но до конца считал, будто есть шанс, что это самовнушение. Незаметно подкрался к школе. И только тогда окончательно удостоверился, что все приехали именно на чем, в чем и с кем я их представлял, и никакая это не моя выдумка. Незаметно я исчез. Кое-кто меня заметил у ворот школы, но не обратил внимания. Как обычно.

* * *

Да, я там где-то писал, что хочу забыть школу. Не получится, не получится. Слишком воспоминания сильны. Когда я окончательно спячу, забуду маму, собственный адрес, собственное имя, я все равно буду кричать, как мой отец: «Я вас всех ненавижу!» Психиатры спросят: «Кого?» — а я не отвечу. Это нельзя объяснить, но и забыть невозможно. Это иррационально, и именно потому оно легло в основу моей личности, да и не только ее (ведь личность сотрется), а самого мозга.

Оно всегда со мной, это бесконечное и страшное дерьмо. Я боюсь и ненавижу его. Я не могу его передать, да и зачем?

Оно всегда со мной. Пуская слюни, разучившись говорить, я буду бить санитаров, бросаться на стены, пытаться разорвать веревки, которыми привяжут меня к кровати.

Я не забуду это никогда.

Как можно забыть эту училку, которая ненавидела меня за то, что я пришел в ее класс из другой школы, да еще и был младше всех ее учеников на год? Она при всех говорила, что я маленький, что я зря приперся в ее гармоничный, так удачно сформировавшийся

коллектив. Как-то я позвал домой одного мальчика, с которым мы дружили. У моей кошки в то время была аллергия в виде корост. Мы сначала думали, будто это стригущий лишай. По простодушию товарищ мой проболтался своей маме (ему было девять лет); мама же его предупредила о «лишае» классную руководительницу. Сложно представить, как ее после этого начало пучить. И как пинали меня одноклассники.

Классная руководительница в начальной школе была заодно с физручкой. Физручка на каждом уроке ставила меня в конце строя. То есть сначала становились по росту мальчики, потом девочки, а за самой маленькой девочкой ставили меня. Так ненавидела и презирала меня физручка. Ненавидели и презирали меня и одноклассники. Во время некоторых упражнений, вроде эстафет или футбола, класс разбивали на команды. Когда разбиение оканчивалось, команды спорили, а иногда и дрались между собой. Проигравшим доставался я. «Беги, ублюдок! Шевели ногами! — кричали они мне. — Если мы из-за тебя проиграем, тебе конец!» И они чмырили меня в конце урока, когда проигрывали.

Перевели меня в другую школу, там первый год чмырили пореже. Только двое мелких гопников изредка на меня залупались. Один любил ударить меня в область сердца, а второй — по позвоночнику. Только я нагнусь, чтоб шнурки завязать, — он сразу возбуждался и по спине меня херачил чем ни попадя.

Через год, когда я поступил уже в специализированный «английский» класс, появился маньяк. Он чмырил меня каждый день, когда не болел, а не болел он никогда. Психологичка раз поймала его и спросила: «Почему ты его бьешь?» — «Ну, понимаете, — сказал тот, — как-то я услышал в чужом разговоре, что он [я] слабый, как комар. Мне и захотелось его раздавить».

После маньяка появились другие ребята. Они не запирали меня в женском туалете, не сдергивали с меня штаны при всех, как в фильмах. Зато как-то раз мной вымыли пол в классе. Они ничего никому не объясняли — просто чмырили меня всякий раз, как я попадался им на глаза. Да нет, формальные поводы они находили. Например, на кепке у меня было написано Scooter. Или рубашка была заправлена в брюки. Или смотрел я на них чересчур пристально. Или младшему их брату нагрубил. А однажды меня очень люто избил за то, что я по приказу учителей покрасил ржавые железки на заднем дворе школы: турники, баскетбольные кольца и лесенки. Помню, я очищал одежду от краски керосином. Этим керосином я хотел облить одного из гондонов и поджечь, но, увы, не посмел. Гондон же, уцелев от всеочищающей огнен-

ной купели, только посмеялся и стал с тех пор звать меня Керосинчик.

И это только одна десятилетняя, одна миллиардная от того, что было в школе. Пытки и унижения мои можно перечислять бесконечно, вот только к чему их вспоминать? Когда я их вспоминаю, мне хочется напиться и сдохнуть, захлебнувшись блевней. Я никогда не забуду унижения. Я, сука, это из головы не выкину, я все-все-все помню — и буду помнить до могилы.

* * *

Очень люблю фильм «Зеленый Слоник». Сказать «люблю» — это ничего не сказать. Я в нем живу. Богом клянусь, не разочаровался б в филологии — написал бы по нему магистерскую диссертацию.

Школьники и всяческие девианты любят «Зеленого Слоника». Им нравится, что главный герой (Пахом) ест говно. Кому-то импонирует герой Епифанцева: этот насилует расчлененный труп Товарища Капитана (героя Осмоловского).

Этот фильм — про искаженную душу. Про доброго человека, которого заставили как-то сожрать говно. Про человека взаперти, без настоящего и будущего, оставшегося в грязной тюремной камере с обрывками каких-то воспоминаний и с другим человеком, нормальным до поры до времени. Я говорю, конечно, о героях Пахомова (Пахома) и Епифанцева.

Пахом пытается наладить контакт с героем Епифанцева, поделиться с ним тем, что у него еще осталось: папиросками, теплыми образами из прошлого. Но Епифанцев еще не знает, что такое унижение, безумие, потеря памяти, — его душа до поры цела. Он просит Пахома помолчать, затем кричит на него, затем бьет. А тот все не замолкает. Герою Епифанцева невдомек, что это такое: бесконечное одиночество, непробиваемая стена непонимания. Как можно опуститься до того, чтоб играть в шашки, вылепленные из грязи? Почему человек радуется, что еще способен отжаться? Герой Епифанцева солдафон, а не психолог, ему не понять, что хоть душа его «поехавшего» сокамерника изуродована, она остается доброй и тянется к людям, да вот только формы это приобретает болезненные и уродливые: сначала истории одна страшнее другой, а как финал — тарелка с говном наутро.

В «Зеленом Слонике» потрясающе раскрыта психология унижения. Когда герой Епифанцева злится и кричит на Пахома, тот начинает обращаться к нему во множественном числе. Епифанцев недоумевает: «Кого ты здесь видишь, поехавший?», а Пахом за каждым криком и ударом сокамерника видит сонмы своих недоброжелателей: тех, кто обзывал его пидором и

накормил экскрементами. И чем страшнее Епифанцев на Пахома кричит, чем сильнее стучает, тем смятеннее становится душа этого несчастного человека и тем большую нелепицу начинает тот бормотать.

Пахом побит Епифанцевым, его попытки наладить дружбу пропали втуне. Но он не перестает надеяться, тем более его товарищ по несчастью уже начал прищипываться к миру кала и страдания (когда его заставили чистить унитаз вилкой) и, кажется, стал что-то понимать. Утром Пахом дефецирует в тарелку и обмазывается нечистотами. Униженный один раз, он уже не может жить без унижения, как поруганная в детстве девочка, повзрослев, становится шлюхой. Пахом получает от унижения нездоровое, граничащее с эротизмом удовольствие; говно превращается для него в сакральный «сладкий хлеб». Разделив «хлеб» с героем Епифанцева, он надеется наладить на этих началах дружбу, как бы говоря: «Ты унижен, раздавлен, тебе больно, и я понимаю тебя, мне так же плохо. Мы никуда не убежим из этой тюрьмы, даже если нас отпустят, мы все равно уже испачканы говном, это останется с нами навсегда: эта тюрьма будет в наших умах вечно. Так давай не оставим попытки бежать, перестанем сопротивляться нашим врагам: вкусим добровольно "хлеб", который пытаются скормить нам насильно, и он сплотит нас крепче клятвы кровью».

Епифанцев, понятно, «хлеб» не ест, однако потом, когда мир говна ломает уже его душу, начинает творить вещи куда ужаснее, чем бред и копрофагия Пахома. Его безумие обретает иные формы: он не столь добр и смиренен, как Пахом, ну и понятно, к чему это приводит.

* * *

Патрик написал как-то: «Удар, оставшийся без ответа, будет висеть над тобой всю жизнь. Он будет занесен над тобой во сне и наяву, он не даст тебе нормально существовать. Ты будешь пытаться ответить на него, но под твои кулаки попадет не обидчик, а ни в чем не повинные люди и ты сам». Так и есть. Оттого-то я и реагировал так остро на подколы и косые взгляды одноклассников, коллег и людей с улицы. Стоит кому-то причинить мне страдание, или хотя бы намекнуть на то, что страдание возможно, или и вовсе — *только навести меня на мысль о намеке на страдание*, — и тотчас начинают кружиться перед глазами, как у Пахома, скопления безобразных рыл: это уроды, искалечившие мою жизнь, — и они вопят, как кривые отражения в зеркальной комнате: «Убей себя! Бросайся под поезд! Прыгай с балкона! Застрелись!» Только я не такой добрый, как Пахом: мне не хочется спросить у человека:

«Эх, что ж вы, люди-то, делаете!», мне сразу приходит желание послать «их всех» к черту в жопу, а то и по роже съездить. Но съездить-то я не могу, и становится в моей жизни еще одним ударом без ответа больше; стресс копится, и разрушает мое тело и мозг, и лишь иногда выплескивается в формах деструктивных, но жалких и нелепых, и от этого страдают те немногие, кто еще терпит изредка мое присутствие и не может, в силу своего благородства, отвечать на мои грубости. Понятно, что таких людей все меньше и меньше, связи с миром рвутся, трясина говна готовится сомкнуться над моим теменем.

И никак не вынырнуть. Попытаешься вынырнуть — погрязнешь еще глубже. От человека в моем положении разит дерьмом, таких все избегают. Я встречал похожих на меня людей: их немало, правда, живут они скрытно, ведь это не люди в полном смысле, а всего лишь ходячие пустые места. Но благодаря им я могу представить, как выгляжу со стороны.

Столкнувшись с одиночеством, человек начинает гнить изнутри. Он варится в собственных мыслях и так далеко забредает в них, что уже и сам не в силах понять, как туда попал, — не то что объяснить другим. Как ни тужься, получится всегда что-то дикое. Да и мыслей остается все меньше и меньше, личность стирается, интересы пропадают, и спустя некоторое время человек способен думать лишь о том, как ему плохо и одиноко. Это тяжелое зрелище. С такими людьми невозможно общаться, если ты не такой, как они, а если ты такой же, то и тут общение сводится лишь к взаимным жалобам. Как будто ешь чужой «сладкий хлеб» и делишься своим. Хочешь помочь, но как такому человеку поможешь? Ты ж не мама, чтоб родить его обратно.

Нет, не буду я диссертацию по «Зеленому Словику» писать, и не потому что нет сил, не потому, что растерял все «знания», позабыл пресловутый «теоретический аппарат». Мне просто противно говорить на языке искусствоведения — языке мертвецов, языке надругательства над истиной и смыслом. Да и все равно никому ничего не объяснишь, пиши или не пиши. Главное, что я чувствую: этот фильм говорит правду, и живут где-то люди, создавшие его и знающие многое о проблемах, в коих я погряз. Они рассказали о них человечеству, а что поняли их через задницу, этого уж не исправишь. Серьезное искусство всегда элитарно.

Я чуть было не написал, что раз есть на свете люди, понимающие мои проблемы, то, быть может, и меня когда-то поймут. Но это исключено. Для такого нужно недюжинное везение, а я свой запас удачи растратил на Диму и Патрика. Не может же всю жизнь везти. Да

и не нужно мне понимание. Поймет меня кто-то — а дальше? Не говоря уж, что и понимать давно нечего: ничего хорошего во мне не осталось, только бессильная ненависть, боль и страх. А было ли во мне что-то хорошее раньше? Не знаю. Не помню. Помню, все меня всегда избегали. Догадываюсь почему. А чтоб во мне жило что-то хорошее, интересное, что достойно было бы понимания другим человеком (ведь понимание требует множества сил и полного самоотречения), — этого я сказать не могу. Вряд ли.

Если не поможет понимание — то что? Я не знаю. Знал бы — стремился бы к этому. А я чего только не перепробовал, чтоб вылезти из говна, и все тщетно, все кануло в бездну. Столько сил, столько нервных клеток, лучшее время жизни — молодость, — все было поставлено на карту и в итоге бездарно просрано. И сижу я в одиночестве, как будто лишь вчера окончил школу, не достигнув ровным счетом ничего, без сил, постаревший на много лет, один на один с под-

крадывающимся безумием. Я не знаю, почему еще не покончил с собой. Может быть, на что-то еще надеюсь, хотя и не на что. Надежда — самое иррациональное чувство в мире. Кто-то удивляется, как люди несут деньги жуликам, например в «МММ-2», зная при этом, чем кончилось «МММ-1». А я не удивляюсь. Я знаю, что ими движет надежда, бессмысленная и отупляющая. Неистребимая. Да и почему бессмысленная? Кто-то же на этих «МММах» выиграл денег. А выиграть в «МММ» в миллион раз вероятнее, чем выбраться из говна, будучи мною.

И опять я вру. Нет никакой надежды. Мое сердце пусто, а с собой я не покончил только от малодушия. Боли боюсь и *бездны*. Вот был бы пистолет — за пулей в рот дело б не стало. Это просто как выключить свет в комнате. Про другие способы так не скажешь.

Под поезд броситься — страшно. Надо ждать его. Пока ждешь — заглянешь в *бездну*. А потом, как подойдет он, пройдет несколько мгновений, пока он переру-

бит колесом шею — а ты будешь в сознании, успеешь все почувствовать. Как сминаются в шее хрящи, связки, артерии, как хрустит позвоночник. И может, потом, когда голову отрежет, умрешь не сразу. Оставшись головой без тела, испытаешь невероятные ощущения, катаясь по шпалам в *бездну*.

Рассматривал я вариант прыжка с балкона, но и эта перспектива не радует. Слишком долго лететь, а время — я его знаю — выкинет очередной фортель, и секунды полета растянутся на вечность, и в голове воцарится Геенна Огненная.

Другие варианты и того хуже.
Где мой черный пистолет?

* * *

Кто-то считает, что я сгущаю краски, излишне «загоняюсь», как нынче принято выражаться. А как тут не «загоняться», если будущего нет, а вместо него — она? Она разверзлась передо мной: ее пасть заполнила собой весь горизонт, она черная и огромная, как горный массив, и из-за невысказанных масштабов я не могу понять, близко она или далеко, проживу я еще пару дней или несколько десятков лет. Да и коли отпущены мне десятилетия, все равно пролетят они, и не успею я оглянуться, как полечу *туда*.

Мое накачивающее безумие ускорило время, я перестал замечать, как исчезают дни. Дни — они как секунды, месяцы — как дни. Пока я это пишу, прошли месяцы, то есть годы. Мне не на чем задерживать взгляд, все стремительно меняется, наступает будущее. Я ждал будущего в детстве, теперь боюсь его. Я даже не пишу, сколько мне сейчас лет, потому что через месяц это станет неправдой. Все, к чему я привык, распадается: я пытаюсь обнять самое милое мне, но оно в моих объятиях рассыпается в прах. Мама стареет, все умирают. Я перестал держаться за что бы то ни было на скользком покато обрыве, который мы называем Нашим Миром и который навис над безграничной тьмой.

Она хитра и коварна. Ей мало лишить меня будущего, отравить настоящее. Это для меня годы и дни пролетают незаметно, а ей все долго, она не хочет ждать. Она тянется ко мне, я пытаюсь отвернуться, катиться под откос спиной вперед, глядя в прошлое, но и там, оказывается, уже она. Самые светлые и теплые воспоминания, которые я храню бережно и ревностно, в которые стремлюсь убежать, — они тронуты гнилью. Когда-то у меня была отличная память. Теперь — решето. Воспоминаний в ней осталось лет на пять, и те исчезают. Под конец жизнь будет казаться мне не более чем несколькими вспышками сознания среди

непрекращающихся галлюцинаций, эдакими обрывочными кадрами в океане белого шума (или черного безмолвия).

Говорят, мужчина думает о сексе в среднем раз в минуту. А я раз в минуту думаю о боли и смерти. У меня больше нет сил с этим бороться, и идей никаких не осталось. Значительную часть суток я сплю. Когда просыпаюсь, мной овладевает бесконечная усталость, словно я не только что проснулся, а всю ночь под ведьмами скакал. Слабость такая, будто я и впрямь отравлен каким-нибудь свинцом или ядом Анчара. Иду на работу. Всегда устраиваюсь туда, где не надо работать по восемь часов. Много денег так не сделаешь, но на что мне деньги? Я все время опаздываю, потому что не могу вовремя проснуться. Никому не объяснишь, что это такое: *бесконечная* усталость. В меня плюют, называют лоботрясом. Те, кто верит в меня, разочаровываются, укоряют: я подвожу их. Еле-еле выполняю элементарные обязанности. После работы я устаю так, что засыпаю в метро или в автобусе. Иногда от безысходности и бессилия я прихожу в смятение, сравнимое по интенсивности и количеству мрачных образов лишь с мескалиновым «бэд-трипом». Еду в автобусе — и мне кажется, что за окном бездна. Отворачиваюсь от окна в салон, а вокруг — они, людишки, кровожадные, смотрящие на меня с отвращением. Стоит встретиться взглядом с кем-то из них — и он все про меня узнает, скажет что-нибудь унижительное или изобьет, зная, что ничего ему за это не будет.

Изредка напиваюсь. День, другой, третий. На четвертый алкоголь перестает приносить облегчение. Надоедает говорить с самим собой. Ненавижу это дело. Разговор с собой — это текст, который просится на бумагу, но который недостойн ее коснуться. Творческий онанизм, иначе говоря. Нет, не так. Все мое «писательство» — сплошной творческий онанизм; ну а разговаривать с самим собой спяну — это как дрочить не вставший член.

Я знаю, давно пора лечиться. Я ходил к психиатрам. Не скажу, что добился от них понимания, да и не ждал я его. Смысл ждать того, чего не существует? Они прописали мне препараты. Я исправно принимал их. Сил не прибавлялось, а безысходность стала преобразовываться в странную и плохо контролируемую ярость. Начались побочные эффекты, заставившие меня прекратить терапию. По-хорошему стоило бы врачам подобрать другие лекарства, чтобы побочки минимизировать. Но понимание — роскошь, не всем дано быть как тот великий медик из подросткового отделения, что реабилитировал меня в 2007м.

Можно было бы лечь в больницу, чтобы быть под постоянным наблюдением, чтоб корректировки в лечение вносились оперативно. Но тут работает психологический барьер. Я боюсь психушек. В психушке, как и в любой другой больнице, человек становится к бездне еще ближе. Я знаю, что когда сдамся на милость врачей, в моей жизни начнется новая эпоха (то есть новый этап угасания), когда на собственные силы полагаться будет бесполезно и без медицинской помощи дальнейшее существование окажется невыносимым. Я знаю, что сил больше нет, не на что полагаться, кроме как на добрых дядей в белых халатах, однако до последнего пытаюсь тешиться иллюзией, будто что-то «могу».

* * *

Работал я в одной конторе, и менеджер наш строил из себя *интеллигента, строящего из себя быдло*. В действительности же он был *быдлом, строящим из себя интеллигента*. И, как и всякое быдло, он быстро раскусил меня, стал плевать в душу и «резать правду-матку». «Ты, — сказал он, — *человек, неудовлетворенный полностью*». Этой реминисценцией из романа братьев Стругацких он, во-первых, демонстрировал свою начитанность и, во-вторых, показывал, что видит меня насквозь. Я не был удивлен и отпираться не стал. Да: мне не нравится *всё*. Когда не болит спина, желудок, зубы, суставы, голова, глаза и ноги, когда во рту нет язв, я гляжу за окно. Вижу машины во дворе — и думаю, что это примитивные механизмы из позапрошлого века, давно устаревшие, загрязняющие природу; им давно пора на свалку истории, но кому-то там невыгодны водородные и электромобили, и это архаичное дерьмо продолжают выпускать, толкая планету в бездну. Я смотрю на асфальт и думаю, как он хреново уложен: только в прошлом году сделали, а уже одни трещины, колдобины, — видать, разворовали все. Смотрю на деревья на газоне — а деревья больные, половина веток засохшая, кора вся в грибок, какую-то несчастную березку придурковатые коммунальщики со всех сторон в бетон закатали, и она медленно задыхается. Где-то остался газон, но что это за газон? Полувытопанный, чахлый, заваленный собачьим говном, каждые три дня подстригаемый дворниками. Состриженная трава и опавшие древесные листья вывозятся на свалку, почва беднеет, уцелевшим растениям все сложнее и сложнее выживать на ней. Над деревьями плывут облака, а там, где небо чистое, видна коричневая дымка промышленных выбросов — это воздух, которым мы дышим. Ночью

зажигаются фонари, но и ими я недоволен: в них горят ртутные лампочки, загрязняющие окружающую среду, или дающие мерзкий оранжевый свет натриевые, а давно пора бы поставить светодиодные, практически вечные, энергоэффективные и экологически безопасные. Но нет, лучше будем пилить деньги на поставках газовых ламп. И так со всем. Очень я беспокоюсь за планету. Мне в школе вдолбили, что за планету почему-то надо беспокоиться. А почему надо? Для чего? Как будто от моего беспокойства бездна станет дальше.

Да уж. В междушный ганглий быдло-менеджера не уместится полное осознание его собственной правоты: *я человек, неудовлетворенный полностью*.

* * *

Только летом становится чуть полегче. Можно убежать на дачу. Дачу мать так и не продала: в последний момент выяснилось, что покупатели, уже въехавшие в наш дом, — это агенты ФСБ. Последние документы подписаны не были, а подписанные — расторгнуты. На нас хотели подать в суд, и матери пришлось заплатить несостоявшимся покупателями полтораста тысяч, полученных с продажи другого участка армянам.

Вот на даче я летом и сижу. Как-никак, человек — дитя природы, естественная красота проникает в душу и умиротворяет ее. Хотя и там немало дряни. Всюду свалки (под них вырубают целые рощи), улицы перегорожены заборами, мусорные контейнеры заперты на семь замков, соседи слушают шансон и Верку Сердючку, выгуливают бойцовских собак, мечтающих меня убить, плата за пользование участком год от года растет в геометрической прогрессии, эти деньги успешно разворовываются администрацией садоводческого товарищества или бессмысленно транжируются, например, на постройку трех заборов вокруг помойки или замену «морально изношенных» фонарей, в свою очередь установленных пару лет назад. Дом, построенный рукожопыми вьетнамцами, из второсортных материалов и по безграмотным чертежам, весь потрескался, фундамент размывается, крыша протекает, окна не открываются, подвал затоплен, в комнатах сырость, печка не топится, колодец не чищен, и пить оттуда невозможно, туалет покосился, душ прогнил. Что-то пытаюсь исправить сам, но, будучи рукожопее вьетнамцев, делаю только хуже.

Бабушка любила дачу: все здесь создано по ее задумке и на ее средства. Помню, она несколько лет подряд мечтала перестроить крыльцо: у нее болели ноги, и подниматься по крутым ступеням без перил ей было

тяжело. Как-то она собралась и наняла бригаду, и они сделали именно такое крыльцо, какое нужно: и с перилами, и со ступенями, и даже с козырьком. И именно в это лето она заболела и больше никогда уже не поднималась по обновленному крыльцу. Она пыталась приехать на дачу несколько раз, но сил не хватало. Я мог бы подкопить денег и вывезти ее туда на такси: она была бы счастлива, но я предпочитал покупать себе сникерсы. Да и страшно было: когда мать забирала ее, большую, с дачи на нанятой машине, их по дороге встретили «братки», пытавшиеся ту машину «подрезать», не то ради подставы, не то чтоб просто поиздеваться.

А я вот дачу не любил. Дом казался огромным и страшным, особенно по ночам. Я боялся призраков, сатаны, чудовищ. И только после того, как угроза продажи перестала висеть над домом, я приехал туда с другими чувствами. Отныне это был Мой Дом, для меня он стал лучшим на свете. И дом как будто начал отвечать мне взаимностью. Мне стало в нем уютно и спокойно; монстры отныне жили не в подвале и не под крышей, а за внешними стенами. Я чувствовал, как холодно, темно и грустно дому весной, зимой и осенью, когда он один, под ударами непогоды, холодный. А приеду я — зажгу свет во всех комнатах, музыку включу — и сидим мы вместе. То есть я сижу один в пустом доме.

Там так красиво и так грустно, на даче. Мне там почти хорошо, но я не могу насладиться красотой и умиротворением, ибо знаю всегда: они скоротечны, а говно вокруг вечно и незыблемо; вот кончится закат, пройдет дождь, забудется красивый сон — и опять воцарится на горизонте бездна, словно я пронесся на автомобиле мимо расцвеченного огнями бара на ночной дороге, ведущей в никуда.

Патрик тоже пытался задержать мгновения счастья. И тоже не мог. Как-то он выложил в Интернет стихотворение (оно вроде бы не его авторства):

За столом сидит гость.
У него во лбу гвоздь.
Это я его прибил,
Чтобы он не уходил.

Каждый вечер, ложась спать, я обещал что-то придумать, чтобы выбраться из этой задницы. И каждый год, уезжая осенью с дачи, я говорил дому: «Держись, домик, не болей. Вот приеду я в следующем году другим человеком, и все наладится. Я устроюсь на нормальную работу, будут деньги. Починю тебе и крышу, и фундамент, поправлю туалет, колодец прочищу и все оборудую по высшему классу». Так замыкаются суточные и годовые циклы ничтожной

жизнишки. И каждый новый день остается таким же бессмысленным, как вчера, и каждый новый год ничего не меняется (точнее, меняется, но только к худшему), — и я больше ничего никому не обещаю: ни себе, ни дому.

Еще я люблю путешествовать. Из пафоса я называю это «странствовать». Только редко это происходит: обычно у меня нет денег, а когда они появляются, нет попутчиков. Кому нужно шататься со мной по лесам и свалкам? Одному же ехать куда-то тошно и страшно — куда проще попить пиво на диване. И только раз-другой в год удается куда-то вырваться, и вот тогда становится по-настоящему хорошо: ведь каждое путешествие — это маленькая жизнь, отличная от этой, основной, жалкой и беспросветной, и опять неизмеримо грустно становится: ведь быстро кончается путешествие, и «так и жизнь пройдет, как прошли Азорские острова».

* * *

Я долго искал виноватых. Меня за это порицали. В школе вечно втемяшивали: «Только слабые люди винят в своих проблемах окружающих. Сильный знает, что виноват только он сам». Было дело, покупался я на эти измышления. Я видел и вижу, в чем заключалась моя вина. Я признавал свою вину перед окружающими. И что? Люди, которые что-то там рассуждали про «сильного человека», плевали в того, кто признает свои ошибки и готов возложить на себя за них ответственность. Такого человека никто не уважает, и при случае всегда пеняют: «А помнишь, как ты был неправ в тот раз?»

И сами они своих ошибок не признают. Не только из страха, что на них будут пенять. Признавать ошибки — это путь к саморазрушению. Если ты действительно поступил когда-то неправильно, этого не исправишь. А вот мозг будет терзаться сознанием собственной некомпетентности в каком-то вопросе, и совесть замучит, коли поступил ты аморально. Но, быть может, признание ошибок прошлого поможет не допускать их в будущем? Нет, и тут обломчик. Ситуации никогда не повторяются. А в другой ситуации, пусть и похожей, человек обычно совершает те же ошибки. Я причинил людям столько зла, и знаю это, и проклинаю за это себя, и все равно при каждом удобном случае продолжаю творить зло. Если нет мозгов и душонка гнилая, то никакие костыли «жизненного опыта» не заменят нравственность и логику. Вот людишки ошибок и не признают, чисто из инстинкта самосохранения. Мне это казалось отвратительным, но это правильно и разумно.

Вот, например, Снежана. Много лет спустя она мне позвонила. Для чего, спрашивается, может позвонить человек после всего, что было сделано и сказано? Снежана позвонила, чтобы я купил ей в Москве шубу. Она нашла хороший вариант на интернет-барахолке, а двадцать тысяч перечислять непонятно кому ей было боязно. Она уж хотела отправить в шопинг-тур Патрика, но тут вспомнился я. Она перечислила деньги, и спустя неделю шуба пришла к ней по почте. Я согласился не из рабского менталитета: не потому, что «отказывать плохо». Я сделал это ради Патрика. Чтобы он не приезжал в Москву, не тратил свои силы и время. Так-то.

Я бы хотел быть таким, как Снежана. Мне жилось бы гораздо легче. Основная часть проблем исчезла бы.

Я хотел бы походить на ребят-озорников из моей школы, которые пытались вбить в меня разум. Они надеялись, что я стану умнее и сильнее, социализируюсь, но их идейный посыл дошел до меня слишком поздно.

Еще я бы хотел стать риелтором. Они хорошо зарабатывают, ведь в российской экономике рынок недвижимости самый прибыльный после нефти и оружия и даже наркобизнес за пояс затыкает (с редкого нарколога сдерешь столько, сколько с ипотечника или квартиросъемщика).

Что ж я не стал таким, как хочу? Все из-за школы. В школе почему-то вдабливали мысль, что таким быть плохо. Именно вдабливали, не объясняя, почему «плохо», для кого «плохо». Нас учили по советским лекалам. Нет, не вижу ничего дурного в моральном кодексе строителя коммунизма. В СССР человек, должно быть, мог и должен был хорошо жить, руководствуясь этими законами. Но времена изменились, миром правят грязные зеленые бумажки, и учить надо совсем другому: эффективности, конкурентоспособности. Меньше чесать метлой, больше действовать. Ну а я купился на моралистику прошлого века и готов стать главным экспонатом в музее деловой импотенции и личностного банкротства. Я тот, кого называют «совок»: вечно ждал, что люди проявят честность, ждал, что кто-то обо мне позаботится.

Больше двух десятков лет нет на свете Советского Союза, а программа в школе не поменялась. Учат там какому-то товариществу, которое сроду в глаза никто не видел, пичкают критическим реализмом, Достоевщиной, опошляют понятие «выгода», «предприимчивость». Нет бы Айн Рэнд проходили. Или на обществознании изучили бы Жилищный кодекс РФ вместо проповедей, что-де наркотики принимать плохо, а служить в армии хорошо. Не могут ничему хорошему научить — так пусть хоть сучьи законы жизни не утаивают! Почему, спрашивается, всего этого не проходят,

когда давно ясно, что главное в жизни деньги и личный успех? Есть на этот счет идея. Если все дети поймут, что от них будет требоваться в жизни, уровень конкуренции в обществе многократно возрастет. Вместо волков и баранов социум станет состоять из одних волков, которые примутся грызть друг друга и бороться за более высокие места в иерархии. Волков-то не получится стричь и доить.

И хоть переустроить школу под вызовы общества было бы правильно и честно, это противоречило бы сучьим законам жизни, которая сама не честнее риелторского договора. Успеха добиваются те, кто вовремя понимает, что в училик надо плюнуть, моралистику пропускать мимо ушей и почитать вместо «Бедной Лизы» учебник по экономике, ну или по программированию. Никто к этому не подтолкнет, никто не научит. Жизнь не была бы сучьей, предупреждай она о своем существе загодя. Не можешь действовать сам с малолетства — пеняй на себя.

Хочу сказать, что в моем нынешнем дерьме виновата главным образом школа, эта фабрика по производству баранов, этот концлагерь, где меня лишили человеческого достоинства. И еще много кто виноват. Виновата природа, создавшая меня вырожденцем. Я виноват также. Но в том, что у меня отняли право на счастье, виноваты только *они*.

Ах, если бы немножечко иначе
Была моя устроена печаль...
Смотрите: я опять сижу и плачу —
Ну разве вам меня совсем не жаль?

Я с того света к вам дважды вернулся,
И вы сказали: больше — никогда!
Вы виноваты в том, что я свихнулся,
Вы виноваты в том, что навсегда.

Я потерял остатки всякой веры;
Я в этот вечер пьян до синевы,
Я в эту ночь убит из револьвера,
И виноваты в этом только вы.

И пусть людишки, которым я по скудоумию доверял свои проблемы, винят одного меня. Я знаю, почему они так делают. Вовсе не из знания жизни, не из-за своей непомерной духовности. Они всего лишь презрительны и высокомерны. Они любят обвинять, самоутверждаясь на том. Но и не только потому. Главная причина — что мое существование опровергает их представление о жизни как о горной тропе с препятствиями. Я ведь все сделал, чтобы добиться счастья. Все предпринял, пытаюсь выбраться из говна. Но никакого счастья не достиг, есть только говно, и это про-

творечит концепции, гласящей, будто всего можно достичь, если очень постараться. Из чувства самосохранения они считают, будто я все равно виноват в том, что есть: недостаточно старался, а может, «внушил себе», что я неудачник, а может, столкнулся с высшей справедливостью, и это бог, судьба лишили меня счастья по заслугам: я где-то нагрешил, подпортил карму, и ангел в небесной канцелярии подсчитал, что кредита¹ у меня на счету скопилось больше, чем дебета.

Ну ладно, я «заслужил». А как насчет Димы, который в семнадцать лет умер? Что, и он «заслужил»?

Не знают они ботаники. Есть на свете такие деревья, которые очень быстро растут. Баобаб, например. Приехал ты в какую-нибудь южную страну, оставил автомобиль подле хижины, а сам ушел в двухдневный запой. Просыпаешься — батюшки! — сквозь дрышпачок баобаб пророс. А вот сквозь мой дрышпачок личностного и социального развития пророс Анчар, и никуда я после школы на нем не поехал.

Да и перестало меня волновать с некоторых пор, кто виноват. Какая разница кто? Валентин что-то там про ответственность говорил. И не он один этим пышным словом щегольнуть горазд. А что это за «ответственность», хотелось бы услышать? Я вот знаю, что есть перед законом ответственность: совершил преступление — сел в тюрьму, к стенке встал. А перед жизнью? Тут есть только расплата. И на кого свои грехи исхитришься переложить — тот за тебя и расплатится. И вот за преступления маньяка, за развлечения мелких садистов, за убийство Димы, уплывшую из-под носа квартиру отца и отформатированные жесткие диски Патрика расплачивается не кто-то там, а я, и не когда-то там, а всю жизнь. Отвечать же никто не намерен, дураков нет, что бы там ни плели старые клуши о морали и нравственности.

* * *

Учителя в младших классах заметили его повышенную возбудимость, ему не повезло с учителем, которая была грубой, кричала на детей. И его перевели в другую школу, при педагогическом университете. Там было лучше. Но один психически нездоровый мальчик часто его просто так бил, дело доходило до милиции. Был робким, себя защитить не мог. Тот обидчик потом год лечился в ПБ. Но были другие ребята, которые просто издевались над ним, надсмехались, он терпел, боялся жаловаться, так как боялся их мести. Учителя-психологи помогли ему справиться с психотравмирующими ситуациями. Стал лучше

¹Моя бабушка всегда произносила «кредит», а она профессионал: заслуженный экономист Башкирской АССР.

учиться и серьезнее относиться к учебе, появился друг Дима по общим интересам к радиотехнике. Окончил 11-й класс и поступил в МИРЭА на вечернее отделение, проучился полгода и с января 2007 года бросил обучение, не нравилась будущая специальность. В ноябре 2005 года умерла его любимая бабушка, и в этот же день год спустя погиб его лучший друг — его зарезали хулиганы. Это сказало на его здоровье, утром было плохое настроение, считал себя неудачником, были головные боли, депрессия с вялостью и слабостью. В институте обругал педагога информатики, хлопнул дверью и ушел. Сейчас готовится самостоятельно для поступления в педагогический университет на филфак. Пишет рассказы, повести больше мистического характера. Их читали завуч, учитель литературы, видели у него способности. Не переносит над собой крики, грубое обращение, запреты, несправедливость, давал реакции протеста. А полтора месяца назад по Интернету познакомился с девушкой, даже влюбился в нее, пригласил ее к себе в Москву, не согласовав это с матерью. Мать была в ужасе, когда та приехала к ним. Эта девочка, видимо, психически больна, так как писала рассказы о самоубийствах с рисунками крестов, топоров, могил, шприцев, подробно описывала действия наркотиков, алкоголя и т. д. Она повлияла на сына, и он тоже стал писать подобное, с упаднической депрессивной символикой. Мать повела себя неправильно, грубо и своим отношением оттолкнула сына от себя, спровоцировала возбудимость, реакции протеста. В возбуждении топором разбил стул, дал матери серп и сказал «убей меня», переживая разрыв с девушкой, в знак протеста встал в проеме двери и не выпускал мать на улицу. Мать позвонила по 03 в скорую помощь, там посоветовали обратиться в милицию. Приехали из милиции и взяли в отделение милиции, оттуда вызвали скорую психиатрическую помощь и оттуда направили в недобровольном порядке в данную ПБ.

Это из моей больничной выписки, доставшейся мне обманом и хитростью. Напечатана она тогда, в 2007 году, на пишущей машинке через копирку, рукой лучшего на свете психиатра, одного из мудрейших людей, что мне встречались. Никто и никогда не писал обо мне с такой теплотой и сопереживанием. Но и он не уяснил, что это была за «девочка, рисовавшая кресты». А остальным и подавно не расскажешь.

Не докричишься ни до кого. Плюнут, посмеются. Ну, был такой неудачник, всеми чмыримый: отмахивался от гопя бумажкой с собачьим калом, бомжевал на теплотрассе с девочкой-фриком. Подох в говне, пушкая сплюни. Смешно ж, хрестоматийная история.

А так хотелось кричать. Человек животное социальное. Язык чешется, а всем до лампочки. И разубажаются топорами стулья, бьются кулаками зеркала

ла, разламываются сотовые телефоны. И все равно всем до лампочки, а расплачиваться приходится кому? Правильно. И после каждого такого случая бездна становится ближе, каждый такой раз — удар в спину собственному разуму, из последних сил цепляющемуся за скользкий обрыв. Пару раз приходило *оно*: как вспышка, выжигающая глаза и рассудок. Я больше не кричу, ничего не ломаю. Это не имеет смысла. Да и ничего не имеет.

* * *

Сначала бабушка. Я так и не успел с ней поболтать про дедушку, про мудака-брата, доброго дядю и отца. Про войну хотел я ее расспросить, про дом Брежнева, работу в КПСС. Не успел. С тех пор как мы с Патриком жили у них, я приезжал к отцу примерно раз в месяц. Отец пил со мной пиво, а бабушка очень переживала, боялась, что я стану таким же алконавтом. Она ругала нас, обещала позвать милицию. Почти до самой смерти (а умерла она в 86 лет) она сохраняла рассудок и относительное физическое здоровье. Лишь в последние недели случился с ней инсульт, лишивший ее разума. Оно и славно: когда пришла смерть, она ничего не понимала, а то бы так и умерла с горькими мыслями о пропащем отце и внуке-бухаре, дружащем с сомнительными бабцами из далеких городов.

Отец канул в бездну двумя годами позже, через два дня после моей защиты бакалаврского диплома. Я и ему многое не успел сказать. Как я уже упомянул, встречались мы раз в месяц, и отец давал мне денег, где-то тысячу рублей или чуть больше. Отец оттого считал меня чем-то вроде шлюхи, да и правильно делал. Но и без того его мнение обо мне как о неполноценном давно утвердилось. Очень его огорчало, что воспитан я женщинами и что в школе мне все пинков давали. Сам-то отец был чемпионом Москвы по борьбе за тысяча девятьсот какой-то год. Он вообще был талантливым человеком: хорошо рисовал, играл на многих инструментах, был инженером на радиозаводе, а главное, гениально вырезал по дереву. В детстве он то и дело приносил мне собственноручно изготовленные модельки машинок, выполненные очень профессионально: с окнами, вращающимися колесами. Помню, была модель «Победы», у которой даже открывался багажник, а в нем лежало деревянное запасное колесо. Но мать с бабушкой привили мне к отцу такую ненависть, что я во время своих игр ломал отцовские машинки молотком (шедевры, в которые он вкладывал душу, которые стоили бы сейчас десятки тысяч). Только «ЛуАЗ-969М» и «Победа» уцелели от маленького ублюдка по имени Я. «Победу» у меня по-

том стащили «друзья», а «ЛуАЗ» стоит у меня на столе и сейчас, когда я пишу эти строчки.

Резюмируя вышесказанное, напишу, что отец испытывал ко мне чувства противоречивые, а я его банально ненавидел. Сначала за то, что он пил (это мать с бабушкой внушили мне, что если человек пьет, то на нем крест поставить нужно), а потом за то, что он квартиру брату подарил. Вот только его мать незадолго до смерти рассказала мне свою версию случившегося. В этой альтернативной истории брат пришел к отцу с предложением квартиру ему в дар передать, а отец замялся и позвонил моей матери. Спросил, не нужна ли мне комнатка. Мои мать с бабушкой настолько его ненавидели, что отказались. «Нам от тебя, алкаш такой, ничего не надо». Печально, что я узнал это лишь по прошествии стольких лет, когда все оскорбительные слова были сказаны, все машинки разломаны молотком, и встала между нами стена долгих лет разлуки, тотального непонимания...

Общаясь с отцом, я увидел, что у нас с ним куда больше общего, чем могло бы показаться. У нас и руки одинаковые, и одинаково мы моргаем, и в двери одинаково стоим, когда болтаем с кем-то, одинаковый поручик Ржевский является к нам с перепою.

Стал я с отцом дружить, принес видак с кассетами, компьютер, начал учить его с ПК обращаться. Да только не мог он этого принять и предпочитал напаивать меня пивком и «Тремя топорами» вместо того, чтоб основами компьютерной грамотности овладевать. Так и умер он, не поглазев в «ВКонтакте» на симпатичных барышень и не поболтав со мной по душам. Он улетел с обрыва, запомнив меня как шлюху, приезжавшую к нему ради сраного косаря.

Засосала бездна зюгановских старушек и престарелых учительниц. Я не злюсь на них: в основном это были хорошие люди. Только слишком доверчивые. Верили в коммунизм и школьное образование, в КПРФ и разумное/доброе/вечное, моей маме верили. А мне нет. Мы ж *ельциноиды*, пропащее поколение рыночных реформ, что нам доверять? Общаемся со шлюхами, пьем, лжем, думаем о себе только. С этими мыслями они нас покинули.

У Вадима начался рак горла. Вот уже несколько лет он борется с бездной. Я надеюсь, что хоть он выздоровеет, но с тех пор как погиб Дима, он как будто проклят, случаются с ним вещи абсурдные и фантастические в своем ужасе, и рак — лишь одна из них¹. Анчар опутал его ядовитыми ветвями сильнее, чем всех нас.

О Патрике я знаю мало. Знаю, что покончить с собой он больше не пытался. Он пошел дальше (ока-

¹ Пока я несколько лет писал это, Вадим тоже умер. Покойся с миром, добрый друг, спасибо, что всегда помогал.

залось, что это возможно, хоть я раньше говорил обратное). Он перестал писать. По крайней мере, прозу. Его стихи иногда появляются в Сети, но сомневаюсь, что они кому-то, кроме него, понятны. Он работает (работал?) на заводике, производящем вентиляционное оборудование: режет металл на плазменном станке с ЧПУ. Он сделал то, что от него хотели другие, и это стало наивысшей формой саморазрушения, хуже смерти. Он превратил себя в «нормального человека», осуществив мечту своего окружения и плюнув тем самым всем им в лицо. Вот так взять — и закопать в могилу свой талант — это больше всего. Но никто этого не поймет. Чтобы это понять, нужно *иметь талант*, а людей, способных этим похвастаться, практически нет. Их мало настолько, что это число можно списать на статистическую погрешность.

Ну, Снежана с Валентином довольны. Моя мать тоже счастлива (насколько может быть счастлив человек, которого преследует ФСБ и чью жизнь разрушил мой отказ уехать в КНДР). Они желали нам добра — и донесли его до нас. Они старше и умнее, повидали многое, и теперь, когда мы живем по их правилам, с нами ничего плохого не случится.

* * *

Патрика я потом видел, много времени спустя. Это случилось под Новый год, когда настает время чудес. Вечером 30 декабря я купил втридорога билет на странный автобус, где вместо сидений стояли деревянные топчаны. Свой топчан я разделил с толстым ростовчанином и негром с Гаити. По телевизору шел тупейший фильм про то, как по всей планете начинаются землетрясения и наступает конец света. Помню, негра он особенно раздражал, а через неделю на Гаити случилось мощнейшее землетрясение, фактически стершее это государство с лица Земли. Бывает же.

Мой мир тоже разрушит землетрясение. Собаки уже воют, предчувствуя его.

Автобус был дряхленький, всю дорогу ломался. Я уж и не чаял попасть в Ростов к Новому году: святой Петр опять взялся за старое, не желал пускать меня к себе. И все же к восьми вечера я доехал (путь занял больше суток). Я был в толстом круглом пуховике, шерстяных носках, а в Ростове стояло плюс пять по Цельсию, и выглядел я несуразно даже по меркам собственной нелепости. Гопники на улице смеялись, но в ту ночь им было не до меня.

Люблю, когда никому до меня нет дела.

Мы встретили праздник в квартире у одного друга Патрика (в смысле, подруги, но тоже говорившей о себе в мужском роде). Несложно догадаться, *что* я загадал на двенадцатый удар курантов. И как потом мое желание «сбылось».

Денег не было, не удалось даже выпить. Да и зачем напиваться, когда рядом Патрик? Он был очень красивым.

Я спал под столом.

Следующий день был странным, совсем не похожим на 1 января. Снега не было — только грязь, разваливающиеся дома и низкие тучи. С Дона на полз туманище, да такой, что за метр ничего разглядишь. В этом тумане мы совсем потерялись. Только под вечер нашлась какая-то дорога: она привела нас в то место, где стояло страшное, древнее разрушение, в заброшенный цех с Мыслящей Лужей. Только Лужа ушла оттуда, унеслась в иные измерения. Изломанный кувалдами пол остался сухим, если не считать густых химических отходов, вытекших из окончательно прогнивших бочек.

Мы хотели сказать друг другу нечто важное, но незримая стена встала между нами, и как будто кто-то темный находился в соседнем помещении, какой-то маньяк или хуже маньяка. И поняли мы, что все нами пережитое, нами прочувствованное — не более чем фантазии Мыслящей Лужи, а теперь ее нет и некому больше мечтать о нас.

Обратно я уехал в том же тумане. В нем точно был временной разлом: до Москвы домчали за тринадцать часов, метла стражей рая поработала на славу.

В Москве 1 января чувствовалось хорошо, хотя уже наступило 2-е. Тут был и снег по пояс, и оглушительная музыка, огни, блевотина в метро. Москва — это сплошной карнавал, но я на нем без приглашения.

Я смотрел на блевотину на полу вагона, вспоминал счастье и думал, что вот подохну, и это будет единственное, что я сделаю в жизни хорошего: исполнится мечта полчищ нелюдей, желавших мне смерти. Они, конечно, не порадуются, но косвенно удовлетворение получат, ведь инстинкт уничтожения слабых на мгновение успокоится: чуть меньше будет мучить их проблема перенаселения планеты, не надо будет транжирить средства налогоплательщиков на мое бесплодное лечение, улучшатся статистические показатели, вырастет конкурентоспособность России на мировой арене в частности и эффективность человечества в целом; небо надо мной очистится от копоты, пространство освободится, и на этом месте можно было б соорудить что-нибудь полезное: например, на нем могла бы быть ваша реклама.

2016 год

ДМИТРИЙ РЯБУШКИН

Дмитрий Рябушкин родился в 1957 году в г. Старый Крым Крымской области УССР в семье военнослужащего и учительницы. Окончил среднюю школу в Феодосии, в 1974 году поступил на физический факультет Симферопольского госуниверситета имени М. В. Фрунзе. Окончил вуз с отличием.

В 1979—1981 годах проходил срочную службу в рядах Советской армии.

С 1981 года по настоящее время работает в Физико-техническом институте Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Кандидат физико-математических наук, доцент.

Сфера научных интересов: ядерный магнитный резонанс, история. Автор около семидесяти научных и методических публикаций, включая три монографии по физике.

Автор историко-детективных романов «Хакер для спецназа» (1998), «Русское оружие» (1999), «Хакеры» (2003), «Изумруды для стервы» (2004), «Октябрьские иды» (2004), «Третье пророчество» (2005), «Отомщенные» (2008).

Автор исторических исследований «Мифы Даманского» (2004), «Остров Даманский. Пограничный конфликт. Март 1969 года» (2015).

СТРАНА САМУРАЕВ ГЛАЗАМИ РУССКОГО

По стечению обстоятельств последние десять лет я регулярно посещаю Японию, и за это время у меня накопилось немало наблюдений об особенностях тамошней жизни. Конечно, по нынешним временам побывать практически в любой точке мира — это вопрос наличия всего лишь необходимой суммы денег. Однако впечатления туристов часто поверхностны и отражают лишь глянцевою сторону жизни страны. В этих заметках мне хотелось бы рассказать любознательным читателям о тех особенностях повседневного быта японцев, которые часто ускользают от внимания гостей, ограниченных временем пребывания и замотанных нескончаемыми экскурсиями. Возможно, некоторые утверждения этой статьи могут оказаться спорными

и с ними не согласятся специалисты, профессионально занимающиеся японской проблематикой. Однако в любом случае меня оправдывает искреннее желание показать Японию такой, какой я ее увидел.

ГДЕ ЯПОНИЯ НАЧИНАЕТСЯ?

На этот вопрос можно дать различные ответы — в зависимости от того, какой способ выбран для прибытия на территорию страны. Для тех, кто решил воспользоваться услугами японской авиакомпании «ДЖАЛ» (JAL), Япония начинается уже в Домодедово.

Как и в других авиакомпаниях мира, количество стюардесс-женщин в «ДЖАЛе» намного больше, чем количество стюардов-мужчин. Возраст обслуживающего персонала колеблется от совсем юного до... Скажем по возможности аккуратно — весьма зрелого. Говорят на приличном английском. В полете два раза плотно кормят и несколько раз угощают сладостями и разнообразными напитками (спиртным и пивом — в том числе).

Непременный атрибут японской стюардессы — заботливая улыбка, которая не сходит с ее лица при общении с пассажирами. При этом не имеет никакого значения, чем она в данный момент занята — предлагает попить или закрывает крышку вещевого отсека вместо нерадивого пассажира, просто идет по проходу или проверяет, все ли пристегнули ремни безопасности.

Но что же стоит за этой улыбкой — искреннее радушие или специфическое лицемерие, свойственное многим представителям сферы услуг? Меня, по правде говоря, этот вопрос заинтересовал, а дать ответ на него помог случай — оставленная полуоткрытой занавеска между пассажирским салоном и рабочим отсеком стюардесс. Я увидел, как резко изменилось лицо девушки, еще секунду назад с видимым наслаждением толкавшей тележку с напитками и сладостями, едва она зашла за занавес: теперь это была сосредоточенная и даже напряженная молодая женщина, возможно, не вполне отдохнувшая после предыдущего полета или просто замотанная этой непростой работой. Но вот занавес отдернут — и происходит чудесное перевоплощение: перед нами опять сверкающая улыбка, будто ее обладательница испытывает ни с чем не сравнимое удовольствие от общения с пассажирами боинга.

Так, значит, все-таки лицемерие? Нет, не думаю. Скорее, это тот самый профессионализм, без которого нельзя работать в «ДЖАЛе». Кстати, стюарды ведут себя иначе: они малоулыбчивы, но зато спокойны и предупредительны. Возможно, именно такие члены экипажа своим видом должны демонстрировать надежность всего того, что связано с авиакомпанией «ДЖАЛ».

И еще одно забавное наблюдение: судя по всему, требования к физическому состоянию персонала авиакомпании не являются формально-строгими. Например, у одной из стюардесс моего рейса непроизвольно подергивался глаз — не иначе, из-за нервного тика. И ничего, летает. Что касается пилотирования, то техника управления самолетами в «ДЖАЛе» безукоризненна — плавный взлет, затем многочасовой равномерный полет по прямой линии и мягкая посадка. И никакой болтанки!

Официальный представитель авиакомпании в России встречает каждый прилетающий борт лично. При этом не считает для себя зазорным лично же и растаскивать вещи пассажиров, если они застревают на транспортере выдачи багажа.

Если «ДЖАЛ» по большей части выполняет полеты за рубеж, то авиакомпания «АНА» (ANA) более ориентирована на внутренние рейсы. Впрочем, какую-либо разницу в уровне обслуживания внутри и вне страны обнаружить не удастся.

Обе авиакомпании используют, как правило, самые последние модели самолетов. Японцы давно определились в выборе производителя авиалайнеров и традиционно закупают американские боинги. При этом, однако, вопросы безопасности полетов являются здесь главными: например, когда в начале 2013 года с «лайнером мечты» (как называли сами создатели «Боинг-787») случилось несколько происшествий, японские перевозчики тут же поставили все эти самолеты на прикол и занялись их тщательной проверкой.

Летать с японцами — одно удовольствие: тихо и спокойно, без песен, плясок и выяснения отношений. К сожалению, не все гости Японии принимают этот стиль поведения и своей глупой разнузданностью вызывают молчаливое осуждение окружающих. Помню, как один из пассажиров токийского рейса после употребления спиртного сначала уселся, а потом и улегся на пол в проходе между креслами. Японские стюардессы заботливо обходили его, но мне впервые в жизни было стыдно не за себя, а за другого...

Самолеты из Москвы прибывают в столичный аэропорт Нарита, расположенный в 75 километрах от центра Токио. Здесь сразу обращаешь внимание на продуманность всего, что имеет отношение к организации полетов, — и особенно это видно на контрасте.

Например, в прошлом году, вернувшись из отпуска, я простоял два часа (!) в очереди на паспортный контроль в Домодедово. Собственно, назвать это очередь язык не поворачивается: тесный пятачок, по периметру которого находятся окна, плотная толпа (где начало, а где конец, понять невозможно), духота, полиция с наручниками и дубинками, сотрудницы аэропорта, озабоченные лишь тем, чтобы пассажиры не переступали какую-то запретную черту, и т. д. и т. п.

А вот как это организовано в Нарите. Сначала попадаем в просторный зал, где все становятся в одну длинную, змейкой, очередь. Очередь непрерывно движется, поскольку у ее основания находится работник аэропорта, который энергично распределяет пассажиров по окнам (окон, кстати, ровно столько же, что и в Домодедово) и при этом по-орлиному следит,

чтобы нигде не было никакого затора. Ни толчеи, ни споров, ни полиции, все спокойно, быстро, деловито.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЖИВАНИЯ

Туристы, пребывающие в Японии, живут, как правило, в гостиницах. Кое-кому удастся побывать в частных домах и квартирах. Мне же в этом отношении повезло вдвойне: я жил в отелях Токио и Саппоро, Нагои и Осаки, Йокогамы и Киото, а также был гостем типичной японской семьи из так называемого среднего класса.

Номер японской гостиницы туристического уровня содержит все необходимое, что требуется человеку, временно оставившему родные края. Естественно, здесь есть и телевизор, и телефон, и бесплатный доступ к Интернету, и ванная комната со всеми принадлежностями — в общем, брать в поездку мыло и бритву совсем не обязательно. Непременным атрибутом является электрический чайник и пакетики зеленого чая — запас последних ежедневно пополняется обслуживающим персоналом. Та же обслуга постоянно выстраивает предметы на столе именно таким образом, как это было до поселения нового клиента.

Окна номера герметично защищают постояльцев от городского шума: даже если гостиница расположена на самой оживленной улице города, едва ли звуки ночной жизни будут вас беспокоить.

Одним из важных предметов гостиницы по-японски является фонарь, который сам зажигается, едва поднимаешь его с подставки. Такой фонарь может понадобиться в случае землетрясения.

Вообще надо отметить, что номера японских гостиниц имеют вполне европейский вид, и потому нет

Такие улицы типичны для японских городов.
А ведь это Токио!

Другое дело — жилища японцев. Если вам будет оказано почтение и вы станете гостем японской семьи, многое покажется странным и непривычным.

Начать с того, что японские дома располагаются очень близко друг к другу — порой в промежутке между стенами можно войти лишь боком. На токийской станции Асакуса я видел квартиру, окно которой находилось на расстоянии не более двух метров (!) от движущихся вагонов. Нередко дома стоят в неудобных местах — рядом с железными и шоссейными дорогами, около кладбищ. Участки земли маленькие, только для цветов и небольших декоративных деревьев.

Централизованное газоснабжение не типично для Японии. Обычно у наружной стены дома устанавливаются баллоны с газом, здесь же размещается счетчик. Служащие газовой компании регулярно записывают его показания и столь же регулярно меняют баллоны. Последнее, как правило, происходит без участия хозяев: им остается лишь оплачивать представляемые счета.

Быт японцев весьма скромен: полы устланы татами, серые стены и деревянные потолки создают мрачную атмосферу, мебели немного (да и та очень часто унаследована от родителей). Телевизоры, компьюте-

Токио. В тесноте, да не в обиде
необходимости прикладывать особые усилия, дабы привыкнуть к местному гостиничному сервису.

Газоснабжение по-японски

ры и прочая электроника практически не отличается от того, чем пользуемся мы. В японских жилищах обязательно имеются специальные аппараты для варки риса: достаточно нажать кнопку — и такой прибор приготовит рис по специальной программе, заложенной в его память. Столь же обязательны электрические чайники, поддерживающие температуру воды, необходимую для заварки чая.

Для освещения используются, как правило, лампы дневного света: так экономнее.

Лампы дневного света наиболее экономны

Однако скромность японского быта не должна вводить в заблуждение: деньги у японцев есть, но распоряжаются они ими совсем не так, как мы. Скажем, японцы вполне довольствуются простой традиционной пищей, основу которой составляет рис, но при этом могут всей семьей регулярно посещать китайские и корейские рестораны, выкладывая всякий раз по несколько сотен долларов. Японец может отправиться на работу в мятых штанах и рубашке (да еще и с дыркой от сигареты), но зато в персональном мерседесе или лексусе ценою в десятки тысяч зеленых: дорогая машина должна свидетельствовать о процветании компании. А еще японцы тратят деньги на образование детей, на покупку жилья, развитие бизнеса, много откладывают на старость. Источник благосостояния типичного японца — небольшая семейная фирма (магазин, ресторан, мастерская, цех и т. п.).

Поскольку японские жилища в большинстве своем не имеют центрального и автономного отопления, в них до-

Япония — это не только суперсовременная индустрия.

В этой семейной фирме производят соевый творог тофу вольно зябко большую часть года. Поэтому здесь очень любят купание в горячих источниках — онсэнах. Типичный онсэн представляет собой бассейн (внутри помещения либо на открытом воздухе), к которому по трубам подводится вода из источника. Если онсэн оборудован при гостинице, то его посетители могут пользоваться душем, фенами, одеколонами и проч. В некоторых онсэнах висят предупреждающие картинки, на которых изображен испещренный татуировками человек, перечеркнутый красным крестом. Понимать надо так: вход членам якудза (организованного преступного сообщества) запрещен.

ТРАНСПОРТ

Нормой для японской авиации является задержка с вылетом минут на пятнадцать-двадцать: очевидно, пилоты имеют возможность компенсировать отставание от графика уже в воздухе.

Такие машинки японцы производят не на экспорт, а для себя

Билеты на поезда обычно покупаются не в кассах, а с помощью автоматов: достаточно опустить в них деньги и нажать кнопку — и немедленно получите билет и сдачу.

Сиденья в японских электричках покрыты плотной тканью, следов вандализма — порезов, надписей и проч. — нет. В вагонах электричек обязательны туалеты.

Все надписи на вокзалах дублируются на английском языке, поэтому главное для иностранца — внимательно смотреть по сторонам.

Опусти деньги, нажми клавишу и получи билет на поезд и сдачу

В японских скоростных поездах можно повернуть ряд кресел на сто восемьдесят градусов: это позволяет при необходимости создать компанейскую обстановку. После прибытия поезда на конечную станцию обслуживающий персонал поворачивает все ряды кресел, чтобы в следующей поездке пассажиры сидели лицом в направлении движения.

Метро в японских городах имеет ряд особенностей, которые надо иметь в виду любому иностранцу, чтобы не попасть в неудобное положение. Прежде всего, необходимо выяснить стоимость проезда до нужной станции, поскольку здесь цена проезда зависит от расстояния. Сделать это легко, так как у турникетов располагаются схемы всех линий подземки. Рядом с названием каждой станции написаны два числа: то, что побольше, — стоимость проезда взрослого, а то, что поменьше, — ребенка. После этого надо опустить в автомат нужную сумму (или превышающую таковую) и нажать светящуюся клавишу с ценой проезда. В итоге получите билет и сдачу. Хитрить с покупкой не стоит: билет будет проверен не только на входе, но и на выходе, а потому несоответствие денег и расстояния сразу обнаружится. Мне довелось попасть в подобную ситуацию, когда на одной из станций токийской подземки турникет захлопнулся прямо перед моим носом (хотя до сих пор не могу вспомнить, где же я недоплатил). На станциях для подобных случаев имеются специальные устройства, которые считывают информацию с билета и сообщают, сколько надо доплатить, чтобы миновать турникет. Двери в поездах закрываются в два этапа: сначала движутся навстречу друг другу, потом останавливаются, оставляя промежуток сантиметров в пятнадцать (чтобы зазевавшийся пассажир мог убрать руку или сумку), а уже потом захлопываются окончательно.

Железнодорожный вокзал в Киото. Именно такой представляют Японию те, кто в ней не бывал

Железнодорожные вокзалы в Японии являются одновременно и центрами торговли. Как правило, крупнейшие универмаги занимают верхние этажи многоэтажных зданий, возвышающихся над залами ожидания и кассами, здесь же располагаются рестораны и закусочные.

Японские таксисты всегда в форменном мундире, перчатках и фуражке. Обязательно пристегнуты ремнем безопасности. Перед каждым водителем — навигационное табло, позволяющее лучше ориентироваться в городе.

ВЕЩИ

Почти все взрослые японцы имеют автомобили — как правило, японских марок. При этом надо заметить, что используемые модели машин сильно отличаются от тех, что отправляются на экспорт. Японцы предпочитают маленькие машины, не требующие много места для парковки и потребляющие минимум горючего. Последнее обстоятельство очень важно для страны, полностью зависящей от поставок нефти из-за границы. Из импортных машин пользуются уважением немецкие и шведские образцы, малопопулярны французские и итальянские автомобили. Грузовики обращают на себя внимание обилием наружных рычажков, датчиков, лампочек, кнопок и т. п. — видимо, все это нужно для большей универсальности машины и удобства управления ею. Автомобиль для японца — всего лишь средство передвижения, пусть и дорогостоящее. Купив машину, японец использует ее, как любую другую вещь, не слишком переживая по поводу царапин и других незначительных повреждений. Номера машин из категории «мини» пишутся черным цветом на желтом фоне, у остальных — черным на белом. Это делается потому, что налоги с владельцев желтых и белых номеров идут в разные бюджеты.

На таких велосипедах ездит вся Япония

Весьма популярны здесь велосипеды. Практически все они — «дамского» типа (без горизонтальной перекладины). Над передним колесом располагается корзинка для продуктов, на заднем крепится подставка, удерживающая велосипед в вертикальном положении. В целях безопасности на стоянке заднее колесо блокируется специальным замком.

Японские гантели немного подточены: это придает им устойчивость и не позволяет кататься по полу.

В Японии очень приятно бриться: станки служат долго, а кожа лица становится исключительно гладкой. Вероятное объяснение — влажность воздуха, препятствующая высушиванию кожи и потому сохраняющая ее упругость. По этой же причине здесь в отличное состояние приходят пятки ног — даже у тех людей, которые безуспешно пытаются справиться с сухостью кожи с помощью всевозможных кремов. Но есть у японской влажности и недостаток: летом постоянно испытываешь ощущение, что лицо смазано тонким слоем жира.

Японская компания «Панасоник» является одной из трех фирм (вместе с немецким «Брауном» и голландским «Филипсом»), фактически поделивших мировой рынок электробритв. Именно ее инженеры изобрели бритву с сеткой, изогнутой в двух направлениях, которая по качеству бритья не уступает столь распространенным станкам. Свои новейшие изделия компания производит только на территории Японии, а уже известные модели — в Китае.

Очень популярны многоцветные шариковые ручки: ими пишут практически все — полицейские, клерки, врачи, бизнесмены, школьники и др. Главный цвет — черный (а не синий, как в Европе и Америке), поскольку черный цвет является традиционно принятым при оформлении различных документов. Второй цвет — красный, а уже потом идут синий и зеленый. По моему мнению, японские шариковые ручки — лучшие в мире: пишут тонко, ровно и исключительно мягко. Предполагаю, что дело здесь в чистоте обработки шарика и качествах пасты. Некоторые модели ручек содержат еще и простой карандаш с резинкой. Основными производителями шариковых ручек являются местные компании «Зebra», «Пилот», «Мицубиси», «Сейлор» и «Томбоу». Импортные ручки в Японии не пользуются особым спросом — в том числе и очень дешевые китайские изделия.

В Японии не принято расписываться под документами. Для этих целей существует личная печать (инкан). Такую печать, как правило, заказывают в специальных мастерских. Для того чтобы печать имела законную силу, ее перед использованием регистрируют в местных органах власти. Цвет

чернил может быть любым — черным, красным, зеленым и т. п.

Японцы носят на руках внешне весьма скромные часы. Да, это всемирно известные «Сейко» или «Касио», однако модели весьма простые. Японская часовая промышленность изготавливает часы отдельно на экспорт и отдельно — для внутреннего рынка. Многие модели имеют функцию установки точного времени по радиосигналу. Станций, передающих эти сигналы, в мире всего четыре, и две из них — в Японии.

Уличные часы могут быть покрыты ржавчиной, но всегда показывают правильное время

Уличные часы в Японии всегда показывают правильное время — даже если они покрыты ржавчиной.

Лезвия японских ножей, купленных в любом магазине, уже остро наточены (наши производители почему-то считают, что это обязанность владельцев ножей).

Японские подушки очень удобны — они плотные, голова не проваливается. В качестве наполнителя используются различные материалы, один из наиболее популярных — шелуха гречихи (сама гречиха идет на приготовление лапши под названием соба).

Японская одежда и обувь невыразительны и чем-то напоминают советские изделия времен застоя. Даже летом японцы носят темные брюки и осенние башмаки. Здесь редко кто чистит обувь щеткой: для этих целей имеются специальные салфетки, которыми туфли всего лишь протирают.

Кимоно очень дороги: порой цена доходит до нескольких тысяч долларов. Поэтому далеко не каждая женщина имеет этот наряд в своем гардеробе.

Полотенца в Японии используются не только при умывании. В жару их носят на шее и вытирают ими пот. Многие рабочие повязывают полотенца на голову — и от солнца, и от пыли.

В книжных магазинах есть специальные отсеки с эротической литературой и фильмами. Они отгорожены шторками и имеют надпись «Только для взрослых» (то есть для лиц старше 18 лет).

Японцы очень внимательны ко всему, что имеет отношение к экологии. Например, здесь поощряется отказ покупателя от использования пластиковых пакетов. Для этого достаточно положить специальную карточку в корзинку поверх выбранных продуктов: для продавца это будет сигналом, что пакет не нужен и клиент заберет товар в своей сумке.

Знаменитый японский напиток саке не является разновидностью рисовой водки, как считают многие иностранцы. В действительности это вино с содержанием алкоголя от 15 до 20 процентов, причем нижняя граница наиболее типична. Так что японские камикадзе пили саке отнюдь не для храбрости, а только ради соблюдения самурайского ритуала. Вообще надо заметить, что японцы почти не употребляют крепких напитков типа коньяка или водки. Врачи объясняют это иной, чем у нас, наследственностью и, как результат, плохой восприимчивостью этих напитков.

Автоматы прохладительных напитков — на каждом углу

Традиционный напиток японцев — зеленый чай. Его заваривают по три-четыре раза, причем, в отличие от черного чая, каждая последующая заварка прида-

ет чаю все более яркий зеленый цвет. Пьют зеленый чай без сахара и иных сладостей. Что касается кофе, то предпочтение здесь отдается ямайскому сорту Blue Mountain («Голубая гора»): 80 процентов этого кофе, выращиваемого в особой зоне Ямайки, экспортируется именно в Японию.

Японская еда — безвкусная (за редким исключением типа суши, сасими или рамена). Основа питания — рис без всяких приправ, суп мисо (на основе соевой пасты), зеленый чай. Рыбу здесь едят регулярно, но часто готовят ее не так, как мы. Например, употребляют лосося в жареном виде, отчего эта благородная рыба теряет большую часть своих вкусовых качеств. Японцы сами признают, что европейские блюда намного вкуснее (при этом, правда, обязательно отмечают, что японская еда здоровее).

Кажется, это первая японка, вырастившая свеклу на крыше своего дома

По непонятной причине японцы почти ничего не знают о свекле. Ее выращивают в очень ограниченном количестве, и потому надо изрядно побегать даже в столице, чтобы купить этот немудреный корнеплод. И стоит это удовольствие недешево: за одну свеколину приходится выкладывать несколько долларов. Моя знакомая из Никко попробовала вырастить свеклу на крыше своего дома. Результат превзошел ожидания, но главным впечатлением стал вкус настоящего украинского борща, который отныне готовится там на регулярной основе.

Японская жевательная резинка бывает только в обертке. Если резинка упаковывается в пластиковые банки, то в эту же банку обязательно кладется небольшой «блокнотик»: его страницы используются как обертка для использованной резинки. Таким образом, изжеванная резинка не приклеится к обуви или стенкам мусорного ящика.

Пакеты для мокрых зонтов перед входом в магазин. Здесь же урна для использованных пакетов

Японцы предпочитают простые и дешевые зонтики с длинными ручками. Такие зонтики удобно ставить в подставки, которые есть перед каждым магазином и учреждением. Входить с мокрым зонтом в помещение не принято. Если же хотите взять зонт с собой, то надо положить его в специальный полиэтиленовый пакет. Этот пакет на выходе выбрасывается в особую урну.

В почтовых отделениях для удобства клиентов лежат шариковые ручки, клей, краска для личных печатей, очки.

Для каждого вида отходов — свой ящик. Пробки — отдельно

Мусорные урны строго специализированы: одни — только для бумаги, другие — для жестяных банок, третьи — для пластиковых бутылок.

Телефонные будки непременно обеспечены толстенными справочниками (естественно, никому и в голову не приходит выдирать из них страницы).

На улицах городов, на вокзалах и в аэропортах выложены ребристые дорожки: ориентируясь по ним, слепые люди не потеряются. Зеленый свет на пешеходных переходах сопровождается звуковым сигналом — специально для слепых.

Улицы японских городов освещаются в ночное время, причем именно жители этих улиц платят за освещение.

Ориентируясь по этим ребристым дорожкам, слепые люди не потеряются

«Зебра» на перекрестках может быть и по диагонали: это позволяет достичь противоположной стороны за один переход.

Некоторые эскалаторы (например, на Токийской фондовой бирже) работают по экономичной схеме: пока нет людей, они движутся медленно, но стоит хотя бы одному человеку ступить на них, как движение ускорится.

Во всех крупных городах есть высотные смотровые площадки. За обозрение окрестностей надо заплатить от 4 до 7 долларов.

В последнее время на улицах появились павильоны для курения, поскольку курить на открытом воздухе запрещено.

Власти городов постоянно заботятся об оптимизации движения транспорта. В частности, периодически производится подсчет машин, проезжающих за день по определенным улицам. Исходя из полученных данных, городские власти организуют движение так, чтобы не было пробок и перегруженных магистралей. К этому делу обычно привлекают пенсионеров и платят 60–70 долларов за день работы.

Во всех крупных городах Японии есть смотровые площадки, с которых открываются замечательные виды. В данном случае — Осака

На японских кладбищах нет оградок. Надгробия изготовлены из гранита и мрамора, на них нет портретов умерших, указаны лишь имена и даты. Хоронят только урны с пеплом — из-за дефицита земли.

На могиле Рихарда Зорге всегда свежие цветы

Знаменитый разведчик Рихард Зорге похоронен на токийском кладбище Тама (участок № 17, захоронение 17-1-21-16). Надпись на надгробной плите, исполненная по-русски, очень коротка — «Герой Советского Союза Рихард Зорге». Ниже добавлено на японском — «жена Исии Ханакко». Справа и слева — еще две вертикальные плиты с иероглифами. На одной из них, серого цвета, выбит текст:

Здесь покоится герой, сражавшийся против войны и пожертвовавший своей жизнью ради мира.

Краткая биография Зорге

Гражданство Германии

Родился в Баку 4.10.1895

Прибыл в Японию в сентябре 1933 года

Арестован 18.10.1941

Казнен 7.11.1944

Присвоено звание Героя Советского Союза в ноябре 1964 года

На другой плите изнутри приведен список группы Зорге.

Зорге и его соратники

Рихард Зорге 7.11.1944 казнен в тюрьме Сугамо

Кавамура Есио 15.12.1942 умер в тюрьме Сугамо

Мияги Етоку 2.8.1943 умер в тюрьме Сугамо

Одзак Ходзуми 7.11.1944 казнен в тюрьме Сугамо

Бранко Вукелич 13.1.1945 умер в тюрьме Абасири

Китабаяси Томо 9.2.1945 умерла через 2 дня после

освобождения из тюрьмы

Фунагоси Нагао 27.2.1945 умер в тюрьме

Мидзуно Нару 22.3.1945 умер в тюрьме Сэндай

Тагути Юэнда 4.4.1970 умер

Кудзу Михоко 15.7.1980 умерла

Каваи Садаеси 31.7.1991 умер

С обратной стороны — трогательное четверостишие, которое отец Етоку Мияги посвятил своему сыну:

Давным-давно прошло то время,
Когда цвел мой Етоку.
На равнине Тама
Уже, наверное, его не встречу...

Детский сад в окружении кладбища — это нормально

На том же кладбище покоится прах адмиралов Ямамото и Того: первый прославился нападением на Перл-Харбор, второй — победой в Цусимском сражении.

Японская малышня очень трогательна

ЛЮДИ

Невозможно без умиления смотреть на японских ребятишек — в одинаковой форме, с огромными ранцами за спиной и термосами на боку. Однако уже к подростковому возрасту этот специфический шарм у мальчиков куда-то исчезает, и среди взрослых мужчин симпатичные лица встречаются нечасто. Напротив, женщины сохраняют особое обаяние вплоть до преклонного возраста.

От японцев — даже в сорокаградусную жару — совершенно не пахнет потом. Скорее всего, причиной этого является отсутствие в рационе жирной и сладкой пищи. В то же время японские города имеют свой неподражаемый запах, основной компонент которого — ароматы многочисленных ресторанчиков. Привычные нам продукты пахнут здесь несколько иначе.

Японцы очень чистоплотны. Ежедневно принимают ванну. Душ здесь менее популярен.

Среди взрослых японцев мало полных людей. Особенно это касается женщин: вес большинства из них колеблется от 45 до 49 кг (хотя молодое поколение и ростом повыше, и формами ближе к европейцам).

Лица японцев спокойны или улыбчивы. Кричать и ругаться здесь не принято: сорвешься — и потеряешь уважение окружающих навсегда. Потерять же лицо — для японца почти трагедия. Например, известны случаи, когда университетские преподаватели

ли накладывали на себя руки только по той причине, что не смогли ответить на какой-то вопрос студентов. Даже дома, в кругу семьи, японцы демонстрируют удивительную выдержку. Помню, как пожилой человек, вставая из-за стола, случайно попал ногой в пластиковую корзину для бумаг: нога застряла и старик сделал несколько шагов, волоча за собой корзинку. Наверное, у нас это забавное происшествие стало бы предметом шуток или добродушного чертыханья. Но у японцев все иначе: старик внимательно осмотрел застрявшую ногу, снял корзину и с совершенно непроницаемым лицом поставил ее на место.

На улице Кавабата в городе Киото я стал невольным свидетелем дорожно-транспортного происшествия: один из водителей слишком поздно среагировал на красный свет и в результате задел бампером впереди идущую машину. Можно только представить, каким был бы накал страстей, случись такое у нас! Но японские водители отнеслись к происшествию абсолютно хладнокровно: выйдя из машин, они исследовали место удара с видом врачей, обсуждающих заболевание пациента.

У японцев не принято ставить собеседника в неловкое положение. Если же такое ненароком случается, то большее смущение испытывает как раз тот, кто создал неудобную ситуацию.

Японские чиновники считают своим первым долгом помочь всякому, кто к ним обращается. Если помочь не могут, то дадут совет, как наилучшим образом решить возникшую проблему.

Хотя японские женщины добились больших успехов в деле достижения полного равноправия с мужчинами, все же на бытовом уровне мужья стоят выше жен. Жена не может перечить мужу, когда он высказывает ей недовольство, жена должна находиться дома, если

муж тоже дома, и т. д. — эти и другие правила поведения из далекого прошлого сохраняются и поныне. В то же время многие японки ненавязчиво и умело добиваются своего, при этом внешне совсем не покушаясь на главенство супругов.

Так выглядят цветы на японских улицах

Отношение японцев ко всему живому можно назвать трепетным. Однажды во время утренней трапезы, в которой я принимал участие, в комнату залетел жук и сел прямо на стол. Хозяин дома осторожно взял жука и отправил его в окно (признаюсь, что моим первым желанием было прихлопнуть насекомое прямо на месте приземления). Через минуту жук прилетел опять, и теперь уже хозяйка взяла салфетку и перенесла его подальше, к кустам. При этом еще и нашептывала что-то укоризненно-ласковое: мол, больше прилетать не надо, занимайся своими делами. (Кстати, о жуках, бабочках и прочих насекомых: в Японии они зачастую имеют пугающие размеры и окраску. Например, рогатые жуки размером с палец и черные бабочки с ладонь вполне привычны и никого не удивляют.)

Японские старики большую часть времени проводят дома за чтением газет и просмотром телевизора. Как правило, активно участвуют в жизни местной общины, занимаются спортом (типа гольфа), ездят на экскурсии.

В летнюю жару многие японки носят широкополюе шляпы и длинные, выше локтя, матерчатые перчатки. От солнечного света — даже рассеянного — закрываются зонтиками. Еще одно простое средство от духоты — пиво. Его подают очень холодным и пьют все — и мужчины, и женщины. Основных производителей пива (то есть тех, чья продукция продается по всей стране) всего четыре — «Асахи», «Сантори», «Саппоро» и «Кирин».

Местная община в дни фестиваля. Женщинам присутствовать не положено

Спортивные площадки средней школы

На улицах страны постоянно встречаются люди в марлевых масках. Причины могут быть разные — аллергия на цветущие растения, эпидемия гриппа, собственное простудное заболевание и т. п. Никто из окружающих не обращает на это никакого внимания.

Японцы не занимаются самолечением: при малейшем же недомогании они звонят своему врачу и договариваются о приеме. Каждый год служащие всех компаний и учреждений проходят серьезный, то есть не формальный, медицинский осмотр. Национальным, если так можно выразиться, заболеванием японцев являются проблемы с желудком, а в качестве его причины порой называют шлифованный рис, в большом количестве употребляемый в пищу. Ранняя диагностика и высокий уровень медицинского обслуживания обеспечивают Японии одно из первых мест по средней продолжительности жизни — более 82 лет.

В Японии мало бродячих собак и кошек (а те, что имеются, достаточно умны и потому появляются на улице лишь в темное время суток). Подкармливать уличных животных не принято: тот, кто это делает, рискует испортить отношения с соседями. В то же время многие японцы содержат домашних животных. Для того чтобы ветеринарные службы случайно не приняли семейных любимцев за бродячих животных, кошкам повязывают на шею колокольчик. Здесь принято убирать за собаками: каждый, кто выгуливает четвероногого друга, обязательно берет с собой пакет. Наиболее популярная порода собак — шиба. У этих собак густая шерсть и весьма забавная мордашка: кажется, что они все время улыбаются.

Подражание звукам животных в Японии свое, отличное от нашего. Собака — ван-ван, кошка — ня-ня, свинья — бу-бу, петух — кокекоку (ударение на второе «о»), курица — пье-пье, обезьяна — кики-ки-

ки (ударение на первое «и»), лягушка — геко-геко, лиса — кон-кон, тигр — гау-гау, лошадь — хиин-хиин, мышь — тю-тю.

Японцы любят дарить друг другу всевозможные подарки — из числа тех, что можно поставить на стол или повесить на стену, но никак не использовать в повседневной жизни. Здесь существует целая индустрия, производящая всевозможные безделицы. Часто посылают родственникам фрукты, получая в ответ посылки с похожим содержимым.

При работе с различными документами японцы не слишком заботятся о том, чтобы бумаги оставались в идеальном состоянии: часть текста запросто пишут от руки, а листы сгибают столько раз, сколько потребуется, чтобы уложить их в папку или конверт. Главное — наличие всех необходимых подписей и печатей.

Поскольку Японские острова находятся в сейсмоопасной зоне, в стране создана исключительно быстрая и информативная система оповещения о землетрясениях. Буквально через несколько секунд после очередного из них на экранах телеканалов появляется бегущая строка с указанием мощности толчков, расположении эпицентра, угрозе цунами и проч. Другая главная новость на любом японском телеканале — это очередной тайфун. Подробно рассказывают, в каком направлении он движется, где располагается центр, какова скорость перемещения и т. д. Все это многократно повторяется в течение дня. Такое впечатление, что, случись мировая война, информация о ней все же будет новостью номер два, а новостью номер один — приближающийся тайфун.

По японскому ТВ часто показывают исторические фильмы о самураях. По выражению лиц актеров и тональности их речи сразу можно определить, кто тут герой, а кто злодей. Стервозные особы женского пола всегда красивы и хорошо одеты, склонны к отравлению чем-то не угодивших им мужчин. Подсыпав отраву в чай или sake, с наслаждением смотрят, как из отравленного уходит жизнь.

Мне приходилось пользоваться японскими пригородными поездами, и всякий раз я удивлялся, как ведут себя дети. Дело в том, что многие школьники старших классов ежедневно ездят в другие города на учебу, поскольку соответствующие учебные заведения есть не в каждом населенном пункте. И вот представьте, что толпа школьников входит в вагон — шум, гам, крики, толкотня? Ничуть не бывало! Японские подростки ведут себя как взрослые: спокойно рассаживаются на свободные места, кто-то сразу достает учебники, кто-то устраивается подремать, остальные вполголоса беседуют друг с другом.

Теледебаты японских политиков напоминают уроки хорошего тона: сначала вежливый поклон, потом спокойная речь (оппоненты внимательно слушают без всяких эмоций), опять поклон. Может последовать учтивый вопрос и такой же учтивый ответ. Ни споров, ни криков, ни взаимных обвинений.

Любимое слово японского сервиса — «Хай?» («Да?»). Открываете дверь такси — «Хай?». Садитесь за столик в ресторане — «Хай?». Лишь только открываете рот, чтобы спросить о чем-то, — «Хай?». В одном из гостиничных кафе я попытался выяснить, где тут можно налить чаю. Молодой парень в фирменном белом скюртуке явно не знал английского, но зато продемонстрировал желание угодить клиенту: «Хай?», «Хай?!», «Хай!!!» — и так далее по нарастающей (да еще с трагической нотой в голосе), пока его более опытный коллега не показал стол с чашками и горячей водой. Вообще надо сказать, что японцы стараются выполнять свои служебные обязанности наилучшим образом. Как-то, приехав на станцию Асакуса, я уже на выходе из здания обнаружил, что забыл в вагоне зонт. Вернулся назад, надеясь, что поезд еще на месте, но... увы! На всякий случай решил обратиться к дежурному.

Очередь на посадку в поезд стоит строго на линии

Тот провел меня в специальную комнату, где предъявил два зонтика — мой в том числе. В этой истории удивительна даже не честность той уборщицы, что обнаружила зонт. Поразительно другое: от момента прибытия поезда до моего появления в дежурной комнате прошло не более 5 минут! Впрочем, можно объяснить и это: при подходе поезда его уже встречает длинная цепочка уборщиц и рабочих — на каждый вагон по два-три человека. Один производит осмотр, другой вытирает пыль и т. д. — у каждого свое дело. Что же касается честности, то вот довольно типичный пример. В августе 2017 года массмедиа сообщили о

том, что некая старушка нашла в мусорнике коробку с 20 миллионами иен (примерно 180 тысяч долларов). Что сделала? Естественно, отнесла в полицию! А там сразу проинформировали прессу и кинулись искать потерявшего деньги.

Кассирши в супермаркетах часто работают стоя: так больше уважения покупателям.

Японцы — большие мастера по части организации всевозможных развлечений, связанных с выживанием денег из кошельков сограждан. Например, не так давно между небольшими городками Имайти и Кинугава (префектура Тотиги) был запущен ретропоезд с паровозом выпуска 1941 года. От желающих прокатиться на таком поезде нет отбою. При проверке билетов каждый пассажир получает в подарок шариковую ручку с соответствующей надписью. Кроме того, пассажирам предлагают (уже за деньги) попробовать фирменное мороженое темно-серого цвета — точно как дым паровоза. Ну кто же откажется?! На всем пути следования поезда из Имайти в Кинугаву и обратно пассажиры и местные жители приветствуют друг друга, размахивая руками, — и это не какая-то самодеятельность, а строгое выполнение указаний железнодорожного ведомства: на станциях через громкоговорители разъясняют, что взаимные приветствия создают особо приподнятую атмосферу путешествия. Наконец, на уже упоминавшейся станции Асакуса в Токио прямо на ступеньках изображен этот самый паровоз — чтобы как можно больше потенциальных пассажиров было в курсе насчет такого нового развлечения.

Японские бомжи (а такие имеются) — люди с философским отношением к жизни. Сам видел в токийском районе Синдзюку, как они неспешно готовятся к ночному отдыху — тащат картонные ящики, сооружают нечто похожее на собачью конуру. При этом лица их вполне осмысленны и добродушны. А в городе Тотиги я был свидетелем того, как бомжи оборудовали себе лежбище прямо на задворках полицейского участка — и при явном попустительстве служивых.

Уличной преступности (в нашем понимании) в Японии практически нет. Однако в последнее время совершаются такие преступления, которые были немыслимы еще несколько лет назад, — убивают школьников младших классов, есть случаи убийства родной матери, отмечаются групповые самоубийства. Политики и ученые пытаются найти причину этого явления, но пока общее мнение не сформировано. Возможно, ключ к разгадке надо искать в столкновении японских традиций и западной (американской) культуры, приводящем к смятению и дискомфорту в молодых душах.

В Японии не отменена смертная казнь. Казнят через повешение, и делают это регулярно — ежегодно

лишают жизни примерно десяток преступников. Местные правозащитники требуют отмены смертной казни, однако большинство населения считает, что этот вид наказания должен быть сохранен.

Тема так называемых северных территорий воспринимается японцами спокойно. Они абсолютно уверены в принадлежности четырех Курильских островов Японии и потому на всех картах закрашивают их цветом своей страны. Что касается событий Второй мировой войны (особенно в Китае и Корее), то многие японцы считают несправедливо преувеличенными обвинения в адрес императорской армии. В токийском храме Ясукуни хранится поминальный список тех 28 руководителей страны и армии, которые решением международного суда были признаны преступниками. Тем не менее в храме регулярно совершается процедура поминовения, в которой может принять участие любой желающий (иностранцы граждане — в том числе). Экспозиции японских музеев преподносят участие страны в вой-

Золотой павильон Кинкакудзи. К своей истории японцы относятся с безграничным уважением

нах и конфликтах как превентивное или вынужденное действие. Например, нападение на русскую эскадру в Порт-Артуре объясняется агрессивным распространением российского влияния в Корее, а атака на Тихоокеанский флот США в Перл-Харборе — нефтяным эмбарго, введенным американцами в отношении Японии. Многие японцы до сих пор хранят обиду на Советский Союз за то, что СССР вступил в войну против Японии, хотя между двумя странами действовал заключенный в 1941 году пакт о нейтралитете.

В портовом городе Йокосука бережно сохраняется броненосец «Микаса» — единственный доживший до наших дней участник Цусимского боя. Внутри корабля находится музей. Экспонаты музея, посвященные Цусиме, подаются весьма уважительно по отношению к морякам эскадры адмирала Рожественского.

Руководство страны и сил самообороны считают Китай главным военным противником. Похоже, что и рядовые граждане в массе своей придерживаются того же мнения.

Нынешний премьер-министр Синдзо Абэ в значительной степени утратил поддержку в обществе, поскольку его экономические инициативы (так называемая абэномика) не дали ожидаемого эффекта. Суть политики Абэ состояла в накачке деньгами крупных компаний — в надежде, что вливания придут к малым и средним предприятиям, каковых в Японии очень много. Однако в выигрыше оказались лишь токийские корпорации, дальше деньги не пошли.

Почти не видно полиции. Но когда надо, полицейские появляются будто из-под земли, потом так же незаметно исчезают. По-видимому, наблюдение за порядком ведется с помощью скрытых камер.

Людей в военной форме, такое впечатление, что нет вообще (говорят, что военных можно встретить главным образом на Хоккайдо и Окинаве). Единственным местом, где мне довелось увидеть представителей сил самообороны Японии, оказался аэропорт Каназавы: его взлетно-посадочная полоса использовалась не только гражданскими самолетами, но и истребителями F-15 здешних ВВС. Профессия военного не пользуется особым почетом — в отличие, скажем, от профессий врача или учителя. Трудно сказать, есть ли тут общая причина, но от одного из японцев я слышал такое объяснение: «А они проиграли все войны».

При довольно высокой плотности населения страна выглядит малолюдной: японцы большую часть времени проводят на работе, поэтому улицы пустынные. И лишь в дни всевозможных фестивалей, когда на улицу выходят и стар и млад, можно представить, сколь плотно заселена Япония.

Японцы очень много трудятся. Как они сами утверждают, трудолюбие считается неперемнным признаком добропорядочности человека. Японские рабочие выполняют свои обязанности не спеша, «с чувством, толком и расстановкой», без криков и брани, перекуривают по ходу дела. Если надо отремонтировать дорогу, расчистить площадку под строительство и т. п., то первым делом является установка ограждения, прокладка объезда или обхода, то есть вначале минимизируют все возможные неудобства сограждан, а уже потом приступают к основной работе. Японский рабочий всегда одет в спецовку, на голове — каска, на поясе — сумки с инструментами.

В Японии любят устраивать фейерверки, сопровождаемые торговлей пивом, всякими закусками, мелочами. На следующее утро (очень рано, пока все еще спят) устроители мероприятия и добровольцы выходят

на улицы с мешками для мусора, чтобы еще до общего подъема привести место действия в идеальный порядок.

Многие имеют хобби, позволяющие хоть немного вздохнуть в насыщенной работой повседневной жизни. Например, знакомый мне владелец чайного магазина увлекается фотографией и регулярно организует выставки своих произведений, сотрудница полиграфической компании играет на гитаре, пенсионер все свободное время отдает выращиванию карликовых деревьев, и т. п.

Ко всякого рода житейским проблемам японцы относятся очень спокойно и рассудительно, не поддаются панике. Возникающие препятствия нередко стараются устранить, если так можно выразиться, подручными средствами. Скажем, однажды меня попросили прочитать небольшую лекцию об Украине представителям местной общины (дело было до известных событий 2014 года). Понадобилась карта страны, но таковой в магазинах не оказалось. Вместо карты мне вручили большой лист ватмана, набор фломастеров и атлас: тебе нужна карта? Так нарисуй!

Банкротство семейной фирмы, как правило, не является катастрофой. Если уж такая неприятность случилась, то японец может открыть новый бизнес или вообще прекратить всякую деятельность, живя на накопленные средства. В то же время известны случаи, когда руководители обанкротившихся компаний сводили счеты с жизнью, поскольку не могли вынести позора.

Поражает непринужденность японцев. Здесь никто не пытается произвести впечатление на собеседника, никто не играет чужую и оттого еще более нелепую роль. Японцы не научены вранью и лицемерию. Вот тому маленький, но характерный пример.

Мои гостеприимные хозяева попросили приготовить какое-либо блюдо. Поразмыслив, изготовил плов — и вроде бы весьма удачно. Однако главе семейства — старику возрастом под восемьдесят — плов не понравился. Нет, он не сказал ни одного дурного слова относительно моих кулинарных способностей, а

Японский хлеб очень мягок, но наш вкуснее. Стоит такая буханка два с половиной доллара

только поковырял блюдо, потом зачем-то добавил соевый соус и, наконец, оставил в сторону. Не понравилось — и не стал есть.

Уязвленный столь низкой оценкой моего труда, я приготовил типичное российское блюдо — щи (и тоже, на мой взгляд, весьма успешно). Старик осторожно попробовал одну ложку... Потом другую... У меня отлегло от сердца: он ел с видимым удовольствием, без спешки и молча. Почти завершив трапезу, взял миску обеими руками и допил остатки щей через край. После чего разразился длинной речью о том, что когда-то давно был в Китае, где путешествовал по Великому шелковому пути. И вот там, вот в этом самом месте — тут он достал старую карту и показал пальцем — их кормили в китайском ресторане русскими щами. И у тех щей был «точно такой же вкус, как у щей, приготовленных нашим другом Дмитрием!».

Вылетая из аэропорта Нарита, любопытно посмотреть на аэродромную команду, готовившую ваш самолет к вылету. Выстроившись по-солдатски в шеренгу, они вначале отвешивают коллективный поклон, а затем машут руками: до свидания!.. И до новых встреч!

Полдень в Японии может быть и таким

ШМЕЛЕВСКИЙ КОНКУРС

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогой читатель! В этом номере мы завершаем публикацию работ победителей Шмелевского

конкурса. Перед вами — старшекласники. А станут ли они писателями — судите сами.

СРЕДНЯЯ ВОЗРАСТНАЯ ГРУППА, 8–9-Е КЛАССЫ

Иветта МЕЛИКЯН

ПОСВЯЩАЕТСЯ БАБУШКИНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

ВСТУПЛЕНИЕ, ГДЕ Я ОБЪЯСНЯЮ ФАБУЛУ ПРОИСХОДЯЩЕГО

Мне было девять лет. Из окна бабушкиного деревянного дома, который сейчас в моих воспоминаниях похож на калейдоскоп морщинистых рук в сероватой муке, неказистых кактусов, жуков, живущих под половицей, пузатых банок с булькающими помидорами, улыбок многочисленных родственников, чьи лица и имена я давно позабыла, был виден лес.

Я очень любила этот дом, и он отвечал мне взаимностью, приоткрывая тайны домашней библиотеки, где было так много книг, и каждая была интересна мне, девятилетнему ребенку.

Тогда я жила в этом домике на окраине леса каждое лето, и каждое лето дарило мне что-то новое: будь то осознание, что ходить среди чащ и болот одной не совсем благоразумно, или же понимание того, как часто что-то важное человек узнает от случайной книги, странного происшествия, а порой того и другого вместе.

Увы, но не существует на свете школьного предмета, который точно расскажет тебе, что на свете важно, а что не очень, почему в мире так много песен про любовь, но мало про серых влажноглазых лошадей, почему сегодня

ня тебе грустно как никогда, а завтра ты будешь считать себя самым счастливым человеком на свете, отчего у тебя на завтрак есть каша и булка с чаем, а у других детей только вечное чувство голода. Все это можно лишь почувствовать, осознать благодаря хорошей книжке, помощи ближнему, мудрым словам учителя... Это все не входит в систему, не поддается чередованию и мо-

жет настигнуть тебя даже на уроке алгебры. И все это кажется таким же сумбурным и интересным, как книжная полка в доме у моей бабушки. Поэтому все мои короткие истории, которые здесь описаны, совершенно не связаны друг с другом, но вместе они — синтез случая и прочитанной литературы. Вместе они что-то да значат, такой вот парадокс.

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Я стояла на клиросе и слушала, как откуда-то из сердца хора доносятся чудные молитвы, сама же я пела плохо, но очень умело это скрывала. Для меня это была особенная служба, ведь впервые за много лет мне удалось уговорить маму пойти на всенощное пасхальное богослужение. И вот я стою в полумраке храма, смотрю на горящие свечи, прислушиваюсь к тишине и вспоминаю, как каждый год на Пасху лежала в своей кровати и плакала от того, что, когда воскреснет Христос, я об этом не узнаю, а потом сама же себя упрекала, говоря, что в такой праздник плакать нельзя. Одним словом, мне было не до сна, а когда лежать становилось совсем невмоготу, я бежала к окну и распахивала его как можно сильнее.

Каждая такая ночь была похожа на раннее утро, на небе неясными очертаниями горели белые звезды, а легкий ветерок щекотал мне нос. Было так беззвучно, что я слышала накаляющуюся в воздухе тишину, и когда она доходила до предела, то неизвестно откуда раздавался радостный колокольный звон, который своим «динь-ди-ри-дон» разгонял ночь, и я начинала очень неумело петь пасхальный тропарь. И этих глупых слез на моем лице уже не было видно, а вместо всепоглощающей жалости к себе я чувствовала небывалый покой.

Но вот я в храме, и из алтаря уже выносят хоругви. Все спешат к выходу, оставляя одиноко догорать свечи. После крестного хода, где даже я осмеливаюсь петь во все горло, люди снова возвращаются в храм и целуют друг друга, обнимают, и только и слышишь кругом, как эхо от эха «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!»». В это время я, от кончиков пальцев до самой макушки, — вся радость и счастье, и когда оглядываюсь по сторонам, то вижу многочисленные улыбки.

Мне вдруг становится интересно, а улыбался ли Спаситель мира, радовался ли, был ли хоть раз весел? Ведь Священное Писание повествует нам, что Сыну Божьему было свойственно все людское, кроме греха. Как часто в молитвах звучит «Радуйся!». Если и улыбался Христос, то, пожалуй, это было похоже на самую весну, на что-то очень светлое и искрящееся, на горную реку, которая переливается под лучами рыжего солнца, словно алмаз.

Может, мы представляем Бога серьезным и хмурым только потому, что совершенно не даем Отцу Небесному повода для радости. Наверное, прав был Дмитрий Мережковский в своем стихотворении «“Христос Воскрес” — поют во храме...», когда писал:

Пусть на земле не будет, братья?
Ни властелинов, ни рабов,
Умолкнут стоны и проклятья
И стук мечей, и звон оков, —
О лишь тогда, как гимн свободы,
Пусть загремит: «Христос воскрес».
И нам ответят все народы:
«Христос воистину воскрес!»

Но пасхальная литургия почти подходит к концу, и на улице, как будто стесняясь, восходит солнце. Всю оставшуюся службу я только и молилась, неумело, по-детски, сбиваясь и путаясь, но стараясь изо всех сил, молилась о Божьей радости за нас, все повторяя эти последние строки стихотворения Дмитрия Мережковского.

ОДИНОКИЙ ЧЕЛОВЕК

— «Если нет на Земле надежды, то все прах...» — Зинаида Гиппиус написала, стихотворение «Христу» называется, прочти...

Был урок английского, и прежде чем мой собеседник ответил на этот трагический полусшепот, мы услышали следующее:

— Коля! Это не Past Simple! Ты ничего не учишь, Коля! Если ты не объяснишь следующее предложение, я влеплю тебе двойку!

По какому-то странному стечению обстоятельств уроки выучили только два человека — моя соседка по парте Соня и я. И теперя на другом конце класса сидел

полуживой Коля, безрезультатно пытающийся различить времена в предложении. Я подумала, что если бы рисовала картину по мотивам этого урока, назвала бы ее «Апофеоз лени», мне стало стыдно за Колю, и я отвернулась своим постным лицом к моей подруге и сказала первое, что пришло в голову, процитировала стихотворение.

Она оценивающе глянула на меня и с жутко умным видом, не предвещающим ничего хорошего, произнесла:

- У тебя экзистенциальный кризис.
- Все, Коля! Два!
- Глупости, мне всего шестнадцать...
- А можно исправить, Анна Владимировна?
- Ну, так самое время...
- Поздно!

Ответ Сони мне пришлось переспрашивать. Когда «экзакуция» над Николаем прекратилась, мы все-таки пришли к выводу, что никакого кризиса у меня нет. Тем временем очередь отвечать дошла до следующего человека, а в это время мы с Соней единогласно решили, что в нашем мире Кого-то явно не хватает...

Но вот уроки закончились, и я пришла домой, но мысль о человеческой неполноценности не давала мне покоя. За ответом на мучивший меня вопрос я обратилась к Евангелию, а именно к самому напряженному моменту — Распятию Иисуса Христа. Читая, я обратила внимание на слова, которые произнес Сын Человеческий на кресте: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?»

Святые Отцы пишут, что в этот момент Господь говорил от лица всего человечества. Человечества по-

кинутого, одинокого, беспомощного, похожего на ребенка, потерявшегося в супермаркете, которому все окружающее непонятно и все пугает, и единственное, чего он хочет, — вернуться обратно к своему Отцу. Но как только ребенок начнет свой путь, он обязательно станет отвлекаться на цветные витрины с игрушками и блестящими фантиками конфет, рискуя заблудиться еще больше.

Когда я думаю об этом, мне на ум приходит поразившее меня когда-то произведение Константина Бальмонта «Звезда пустыни».

О, Господи, молю Тебя, приди!
Уж тридцать лет в пустыне я блуждаю,
Уж тридцать лет ношу огонь в груди,
Уж тридцать лет Тебя я ожидаю.
О, Господи, молю Тебя, приди!
Мне разум говорит, что нет Тебя,
Но слепо я безумным сердцем верю,
И падаю, и мучаюсь, любя.
Ты видишь, я душой не лицемерю,
Хоть разум мне кричит, что нет Тебя!..

Это чувство неясного одиночества, чувство, что все вокруг бессмысленно, хоть раз в жизни посещало каждого человека. Как бы наивно это ни звучало, но мне думается, что людям очень не хватает Бога. И если кто-то скажет, что Его нет, я не буду вдаваться в споры, а спрошу лишь: «Тогда откуда в нашем несовершенном мире мы узнали об Идеале и почему так отчаянно к нему стремимся?»

«ПУСТЬ БЕРУТ МЕНЯ ЗЛЫЕ РУКИ, ТОЛЬКО НАУЧИ, ЧТО БУДЕТ ПОСЛЕ»

Люблю рисовать. Черточка неровная, можно стереть и нарисовать новую, прямее, если и она не получилась, постараться заново. А вдруг след останется? Не беда, нарисую что-то поверх. Учительница вообще говорит, что «стеркой можно рисовать».

«Рисование как наша жизнь, — думаю я, пока мои глаза и правая рука работают над натюрмортом. — А люди только и делают, что рисуют стеркой, подтирают свои ошибки и чертят свои новые поступки». В этом деле главное не отчаиваться, ведь любую картину можно исправить, как и любую жизнь.

Самым ярким примером надежды, причем надежды, по меркам современного человека какой-то безумной, непонятной простым обывателям, может

служить история о покающемся на кресте разбойнике. Когда, казалось бы, уже нет другого выхода, как, страдая, распрощаться со своей плохо прожитой жизнью.

Что касается моего мнения, я стараюсь искренне верить, что любой конец — это новое начало, а поэтому не стоит опускать руки даже в самых безвыходных ситуациях. Относительно недавно, в 2004 году, скончался поэт Сергей Аверинцев, чей «Стих о Благоразумном разбойнике» при каждом прочтении восхищает меня своей глубиной. Произведение написано белым стихом, и эта безрифменность удивительным образом приводит к простоте и возвышенности слов. При каждом прочтении меня будто бы переносит в те далекие времена, где разбойник, возможно, вспоминает «песнь песней соломоновых», и всеми силами,

израненный, в крови и поту, в предсмертной агонии, стремится к покаянию, и для этого он пронзающим сердце голосом просит «вразумить, что будет после».

Эти слова исходят из глубины души, которая только на кресте смогла взять вверх над грешной плотью:

...ибо любовь крепче смерти —
пусть удары проникают в недра,
только вразуми, что будет после —
и ревность глубже преисподней
пусть в муке мешается разум,
только не забыть, что будет после —
положи меня, как печать на сердце...

ЭПИЛОГ, ГДЕ Я ЧИТАЮ СТИХИ ВИНОГРАДУ

На часах почти полночь, и капилляры в моих глазах лопаются чуть ли не с треском. Мой стол заставлен разнообразными книжками, в основном маленькими библиотечными томиком поэзии, не люблю отдавать книги обратно, всегда кажется, что я расстаюсь со своими друзьями. Еще я отчего-то улыбаюсь, и мой кот, сверкая глазами, смотрит с укоризной. Ну и пусть.

Смотрю на написанное и думаю: «Кажется, что просто слова, а на самом деле — часть меня». Уж не знаю, что меня ждет в будущем, но мне приятно оглядываться назад и понимать, что за прожитое мной время я успела

много узнать и многое почувствовать. Приятно смотреть назад и сравнивать мои старые работы и, улыбаясь, замечать, что в этот раз намного лучше. Люблю соревноваться с прошлой собой. Но одно из моих главных пониманий за мою короткую жизнь заключается в ценности книг и знаний, помогающих за отведенное на Земле время понять и осознать самое главное. И пусть будущее скрыто от меня занавесом, я надеюсь и верю, что в моей жизни всегда будет место Богу, хорошим книжкам и слушающим, как я читаю стихи, гроздьям винограда.

г. Кисловодск, Ставропольский край

Мария МАЛАКЕВА

«БЕСКОРЫСТНАЯ, ЗАСТЕНЧИВАЯ, ВЕЛИКОДУШНАЯ, ЩЕДРАЯ, ЕДИНСТВЕННАЯ — ПЕРВАЯ...»

*Ее, наверно, можно миновать,
Влюбившись сразу вдумчиво и зрело,
И навсегда утратить благодать,
К ней возвращаться —
К первой, неумелой,
Загадочной, неистойвой, слепой,
Чтоб, испытав, как счастье убывает,
И вспомнив молодое — «Есть любовь!» —
По-взрослому поправиться: «Бывает!»*

Юрий Поляков

Сегодня со всех сторон слышится: «Молодежь ничего не читает. Вот раньше...» Но это не совсем так, и сейчас читающих подростков много. Весь вопрос в том, что читать. Сегодня многое печатается на потребу дня, активно эксплуатируются самые низменные вкусы публики. А ведь так важно, чтобы писатели в своих произведениях несли идеалы добра, истинной любви, правды, свободы, милосердия, справедливости и честности. Но где искать таких авторов?

Совершенно неожиданно конкурс «Лето Господне» стал для меня открытием, ведь именно благодаря ему я узнала о Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. А ведь эта премия уникальна! Она вручается писателям не только за художественные достоинства литературных произведений, но и за те идеалы, которые они несут. Теперь на моей книжной полке появились повести Владимира Чугунова, русского писателя, драматурга, протоиерея Русской православной церкви, номинанта Патриаршей литературной пре-

мии 2011 года. Его повести «Деревенька», «Забавная история», «Русские мальчики» очень живые, настоящие, жизненные. В их героях многие могут узнать себя и своих окружающих.

Есть такое разговорное слово — «цепануло». Маленькая повесть «Тонька» меня именно цепанула: пробежав глазами первые строки, я уже не могла оторваться. Мне давно хотелось прочитать что-то такое живое, светлое, увлекательное. Героям этой книги по семнадцать лет, и на все происходящие в повести события я смотрю глазами подростка, почти моего ровесника. В юности все воспринимается чрезвычайно ярко, ощущение этого мира обостренное, тонкое. Мир состоит из контрастов: черное и белое, любовь и ненависть, добро и зло... Полутонув не существует. Эти ощущения такие сложные, запутанные, так много еще неиспытанного, неизвестного. Только в этом возрасте можно мечтать — смело, открыто, без боязни и сомнений. Так воспринимают жизнь юные герои этой повести.

Действие ее происходит в советские времена. Мы видим приметы той жизни: скромный уклад однообразных будней рабочих, бытовые детали, характерные для того времени, традиционный рубль на обед, который родители выдавали своим детям, верующие, которые молятся, прячась от посторонних глаз... Но так ли важны эти приметы? Когда читаешь «Тоньку», не обращаешь на них внимания. Ведь первая любовь, о которой рассказывает книга, — понятие вневременное, переживания молодого человека, влюбившегося впервые, одинаковы во все времена.

Герою, от лица которого идет повествование, всего семнадцать лет. Он простой паренек с окраины небольшого, похожего на деревню города, из самой обычной советской небогатой семьи. Про любовь он знает пока только из фильмов и книг. Но вдруг в театральной студии встречает он не просто девочку, а «доисторический хаос». И ее имя соответствует характеру — Тонька.

Как объяснить, почему вдруг вспыхивает любовь? Почему невозможно оторвать взгляд от еще недавно чужого человека? Почему он готов терпеть многочисленные насмешки девочки? Мальчишка сам этого не понимает, но все так необычно в этой Тоньке: и ее порывистость, и жуткое упрямство, и даже взгляд — «цыганские бесстыжие глаза». И первая любовь возникает просто и безоговорочно! Она появляется без причины: достаточно одного взгляда, одного случайного прикосновения, чтобы вспыхнуло первое чувство и перевернуло всю твою жизнь. Еще час назад наш герой чуть не дрался с Тонькой, а вот теперь он согласен поехать за ней в другой район города, чтобы проводить ее. И вот он — самый первый поцелуй, нечаянный, робкий, волнующий. Молодой герой и сам не понимает, что с ним происходит: «Я стоял раздавленный, я стоял пристыженный, я был совершенно убит и не мог произнести ни слова, но никогда еще я не был так счастлив». Можно ли лучше передать всю противоречивость первого чувства?

Обоих героев переполняют эмоции, с которыми им трудно справиться. Порой юноше хочется нарочно уколоть, задеть свою Тоньку. Его просто выводит из себя ее самолюбие, самоуверенность и упрямство. А через минуту он уже готов на коленях просить у нее прощения. И Тонька, рассердившись на глупую детскую шутку — переделанную песенку, прогоняет своего юного друга в метель, а потом три дня сидит, не выходя из дома, запустив пальцы в волосы и переживая за него.

Отношения юных героев — это череда горячих споров и ссор и таких же горячих примирений. Порой их отношения по-настоящему драматичны. После ссоры герой в пугу уходит от Тоньки, пробираясь по снежным завалам, и никак не находя дороги. Пусть потом

оказывается, что дорога-то была совсем рядом, и пусть вызывают улыбку мысли героя о том, как Тонька будет в слезах сидеть у его кровати, а он, весь забинтованный, станет укорять ее в жестокости. Но ведь молодой человек действительно чуть не погиб! И так понятны все его переживания, мысли, мечтания. Удивительно, с каким тонким психологизмом сумел автор передать сложный, противоречивый внутренний мир юного влюбленного.

Как радовались наши герои, отмечая старый Новый год только вдвоем, тому, что могут просто поговорить друг с другом, побыть рядом. День празднования описывается очень подробно, ведь для юноши это самый важный, самый трепетный день в жизни. Даже незначительные детали значимы: как он моет пол в доме бабушки перед приходом Тоньки, как готовит простенькое угощение, как чистит картошку, как покупает шампанское, что Тонька приносит к праздничному столу. Они и мечтают о свидании, и в то же время как будто боятся остаться наедине, поэтому даже в дом входят тайком, по отдельности, и тщательно занавешивают окна, чтобы с улицы никто не увидел, что в квартире кто-то есть.

Виктор Гюго сказал: «При первой любви душу берут раньше тела». Вот она, первая для юных героев ночь наедине, но в этом эпизоде нет ни малейшего намека на пошлость, чего, к сожалению, так много на страницах современной прозы. Наоборот, эта сцена удивительно целомудренна: есть долгие разговоры, волнующее прикосновение рук и первые нежные поцелуи, после каждого из которых юные влюбленные стесняются смотреть друг другу в глаза. Тонька из верующей семьи, и за ее внешней порывистостью скрывается чистая душа. Может быть, с другой девочкой все было бы по-другому, но рядом с Тонькой и наш герой становится чище и благороднее. Для Тоньки понятие девичьей чести не пустой звук, и потому на все разговоры о физической близости она говорит: «Нет, и не будем об этом». А юноша просто счастлив быть с ней рядом, мечтать о будущей жизни, чувствовать прикосновение ее пальцев к своим волосам.

После этого свидания мир для молодых людей преобразился. Все вокруг казалось прекрасным, праздничным: «Хорошо было идти рядом! Снег аппетитно хрум-кал под ногами. И на сердце легко».

Все дальнейшие события в повести лишь намечены пунктиром: и премьера спектакля театральной студии, в которой занимались герои, и первый подаренный девушке букет подснежников, и проводы в армию. И это не случайно, ведь самое важное для них уже произошло: они обручились, и близость душ для них важнее всего.

Повесть прочитана, но после нее остается послевкусие — какое-то удивительно радостное и светлое, теплое чувство. Я счастлива вместе с героями и вме-

сте с ними уверена, что они проживут вместе долгую и счастливую жизнь. Может быть, потому, что мне почти столько же лет, сколько героям, я прекрасно понимаю все их чувства, сомнения, душевные порывы. Мне очень симпатична главная героиня повести — Тонька. В ней непостижимым образом сочетаются боевой упрямый характер и тонкая, нежная душа. Меня удивляет порой недетская мудрость Тоньки: у нее, совсем еще девчонки, есть на все собственное мнение, и отказываться от него она не собирается. В ней чувствуется надежный внутренний нравственный стержень, который не позволяет ей опуститься до пошлости и цинизма. Я думаю, что этот стержень дает ей вера, хотя открыто она об этом и не говорит, только однажды, войдя в дом бабушки героя, замечает, что в нем «как-то пусто без икон и страшно, наверное, одному».

При всей глубине своего содержания повесть читается легко, на одном дыхании. Может, это потому, что автор написал ее просто, живо. История рассказана семнадцатилетним героем, и мы слышим его голос в этих жаргонных «сгонял», «пиннанул», «лахундра».

Но и здесь автор не выходит за определенные рамки. Он пишет о высоких и чистых отношениях, и поэтому в языке было важно избежать сниженной лексики.

Конечно, нельзя не отметить светлый юмор этой повести, то, с какой самоиронией рассказывает героиня о себе, о взаимоотношениях с младшей сестрой и родителями. Ему, как и каждому подростку, кажется, что никто ничего подобного не испытывал, что никто не поймет его переживаний, — отсюда такой снисходительный тон, когда он говорит о родителях.

Я бы всем советовала прочитать эту необыкновенно живую, добрую, мудрую книгу! Подросткам она даст возможность посмотреть на себя со стороны, понять себя, свои переживания, а взрослым — вспомнить свои юношеские ощущения. Пусть эта повесть поможет родителям понять своих взрослеющих детей, даже как-то оправдать их поведение и поступки в глазах взрослых. И пусть в жизни каждого будет такая первая любовь — чистая, искренняя, неумелая, неповторимая.

г. Муром, Владимирская область

Григорий ВОЛКОВ

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

В сумрачной церкви гудящая тишина. От земли тянет сырой прохладой. Ветер шумит в листве березок на провалившейся кровле, а сквозь окна льется полуденный свет, смешиваясь с пылью внутри и преображаясь — будто и не покидал он вовсе этих стен, а осел на облупленной росписи восемьдесят лет назад и сохранился до наших дней.

Под ногой металлически отдается одинокий обломок чугунной плиты, и эхом доносится шорох чьих-то легких крыльев — через оконную решетку в церковь влетает голубь в радужной оболочке перьев и скрывается за одиноким изображением херувима. Вскоре уже два голубя устремляются к светящемуся прямоугольнику окна. Холсты с размашистой деревенской росписью портятся от сырости и местами отходят от стен, образуя большие карманы. В одном из таких карманов, надежно защищенное от многочисленных врагов, и вывелось голубиное потомство.

Последний настоятель прихода церкви в честь Казанской иконы Божией Матери трагически погиб в 1938 году, в годы большого террора, а сама церковь закрыта и разграблена. Этому предшествовала череда страшных событий, узнать подробности которых было непросто — история дела долго была похоронена в архивах, скрытая ото всех. Однако с помощью родственников отца Павла мне удалось получить копию уголовного дела и восстановить множество давно порванных нитей.

Следственное дело № 15359 по обвинению Зверева Павла Петровича. На зеленоватой бумаге — штамп: «Хранить вечно». Дело открывается допросом свидетелей. Начинаешь читать — и сразу понимаешь, как все это мутно. Якобы в марте 1937 года кто-то расклеил контрреволюционные листовки на стене сельского магазина. Кто-то эти листовки видел, кто-то нет, их сняли и сожгли, виновного искать не стали — казалось бы, инцидент исчерпан.

Однако спустя полгода эту историю внезапно вновь подняли на поверхность. Собрали свидетелей, прослушали еще раз, что случилось. Задали несколько наводящих вопросов об отце Павле. И оформили ордер на арест и обыск.

Дом Павла Петровича обыскали, его владельца арестовали. При обыске не нашли ничего, кроме серебряного священнического креста и двух советских журналов 1925 года с речами Троцкого. В тот же день арестованного священника допросили. Согласно протоколу, на допросе от отца Павла требовали признания вины, подтверждения контрреволюционной деятельности. Такие показания он давать отказался. Никто не знает, о чем еще говорилось на допросе. Многие вопросы могли не занести в протокол.

Однако в числе вопросов, которые нам известны, был один, весьма важный для этой истории. Отца Павла спросили об отце Вячеславе Святицком. Отец Вячеслав тоже был священником. Внучка отца Павла вспоминала, что кто-то говорил, будто у Павла Петровича был сосед, священник, с которым у отца Павла случались словесные перепалки.

Говорили, что на отца Павла мог донести именно этот священник.

Реальность оказалась сложнее. Отец Вячеслав также был расстрелян в 1938 году. Мы не сумели найти ни одного родственника, чтобы добыть его дело. Протокол допрос Святицкого из дела отца Павла был изъят. Поэтому точно утверждать ничего нельзя. Однако, судя по допросу Павла Петровича, отец Вячеслав был также задержан за контрреволюционную пропаганду. Просто в частном разговоре оба священника позволили себе неосторожные высказывания о советской власти и конституции — и обоим это стоило жизни.

Павла Петровича признали виновным. На другой день после допроса на отца Павла была составлена характеристика, гласившая:

«Зверев является служителем религиозного культа, б/лишенец, привлекался к обложению налогами в твердом порядке, в настоящий момент Зверев, проживая в с. Богородское, ведет открытую агитацию среди единоличников о невступлении их в члены колхоза в результате чего % коллективизации в настоящий период не повышается.

Зам. пред. Рыжов».

После того как я прочитал эту характеристику, мне многое стало понятно. Коллективизация в нашем районе проходила тяжело (северо-восток Нижегородской области — места глухие, староверческие). А от председателя колхоза требовали перевыполнения плана — то есть требовали, чтобы с каждым годом колхозников становилось все больше и больше. А больше их не становилось... И когда он понял, что не справляется, то испугался. Испугался так сильно, что был готов подставить другого человека, лишь бы избежать ответственности. Поэтому отец Павел, будучи священником и бывшим лишенцем, был выбран им на роль козла отпущения. Осталось доказать его вину, для чего вспомнили давний случай с листовками.

31 декабря 1937 года отца Павла приговорили к смертной казни, а уже 8 января приговор был приведен в исполнение. Отец Павел был похоронен в общей могиле на Бугровском кладбище города Горький. Семья его подверглась преследованиям и дискриминации. Храм был частично разрушен и использован в качестве

зернохранилища. Со временем стены и кровля обветшали, колокольня сверху донизу заросла березками, купола покосились, высокий портик обрушился, оставив в штукатурке треугольный красный след, почти все фрески осыпались... В таком виде храм, последний молчаливый свидетель тех событий, дожил до наших дней.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов» отец Павел считается реабилитированным.

Казалось бы, историческая справедливость восстановлена. Зачем после этого нужны были кропотливые поиски, расследования? Затем, чтобы люди помнили отца Павла не просто как очередную жертву беспощадных и бессмысленных репрессий, а как новомученика, не бросившего служение ради собственной безопасности и принявшего за это смерть. И чтобы память о мужестве и честности этого человека вечно хранилась в памяти церкви.

Железные двери подвалов, холодные стены камер могли бы рассказать больше, чем я, чем любой ныне живущий человек. Но металл и камень немые, поэтому память о загубленных жизнях должны хранить мы — новое поколение. Теперь, спустя столько лет, много бесценной информации о тех страшных годах утеряно навсегда. Однако то, что сохранилось, возможно, поможет людям в будущем избежать тяжелых ошибок прошлого.

с. Богородское, Воскресенский район,
Нижегородская область

Анастасия ОВЧАРЕНКО

ПРАВОСЛАВИЕ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Роман Льва Толстого — не только о войне и мире, взаимоотношениях отцов и детей, он затрагивает и другие важные во все времена проблемы. Вечная тема православия также не минула героев. Многие из них хоть раз на протяжении романа задают себе вопрос: «А с Богом ли я?» И не все делают правильный выбор. Прежде всего, я хочу проанализировать моральный выбор некоторых героев, тех, перед которыми вопрос о вере стоит особенно остро.

Самый, так сказать, «православный» образ в «Войне и мире» — княжна Марья Болконская. Уже в самом начале романа мы видим ее глубоко верующей в Бога: провожая Андрея на войну, она надевает на него старинный «образок Спасителя с черным ликом», чтобы Господь сохранил князя от гибели в бою.

Княжна Марья принимает у себя «божьих людей» — паломников, странников, юродивых, деля с ними хлеб и соль. Однажды она даже собралась бежать из родного дома и тоже стать странницей, но в последний момент передумала, решив остаться с отцом, братом и недавно рожденным племянником Николаем. Марья любит слушать рассказы «божьих людей» о святых местах, сама мечтает там побывать. Девушка дает паломникам милостыню, принимает их с черного хода, зачастую даже против воли своего отца.

Марья сделала свой выбор: она — с Богом, с православной верой, но иногда княжну одолевают «нечистые помыслы».

По Толстому, это естественно, и не надо с такими мыслями бороться, однако Марья считает, что это большой грех. И в этом я с ней согласна. Тяжело противостоять искушениям девушке и тогда, когда умирает ее любимый отец. Она жила с ним самоотверженно,

прощая его и стойко перенося все зло, которое старый князь ей причинял, и не переставала его горячо любить. Однако теперь Марью начали одолевать «бесовские искушения». Она почувствовала, что не может даже смотреть на отца без помыслов о скорой его смерти и о том, что ей после этого станет легче, никто не будет мешать жить собственной жизнью и выйти замуж за того, за кого захочется. Но, к счастью, княжна побеждает их, и сцена прощания с отцом преисполнена христианской любви, сострадания и печали. Тут есть место и искреннему раскаянию Марьи за все, что плохого она когда-либо сделала старому князю; автор уточняет: «Она не могла ничего понимать, ни о чем думать и ничего чувствовать, кроме своей страстной любви к отцу, любви, которой, ей казалось, она не знала до этой минуты».

И после замужества с Николаем Ростовым Марья не оставляет своей одухотворенности. Отношения в семье выстроены на любви и вере. И поэтому это крепкий, прочный брак.

А что насчет князя Андрея? Каково его отношение к Богу? Марья не единожды говорит брату: «Я знаю, что ты не веруешь...», и в основном права. Андрея не заботит ничего, кроме славы и жажды любви. В трудные минуты, во время духовного кризиса, он не прибегает к молитве ко Христу, как это часто делает Марья. Андрей, как и его отец (о котором речь пойдет далее), практически атеист. Вспомним хотя бы, как он поцеловал образок сестры: при этом «лицо его в одно и то же время было нежно (он был тронут) и насмешливо». Трогает его то, что Марья за него волнуется. Однако он не задумывается всерьез о вере своей сестры, а, наоборот, почти цинично улыбается, прикладываясь к образ-

ку (опять же, по просьбе Марьи!), что еще раз подчеркивает его неверие.

Эту иконочку затем у него отняли французы, когда князь Андрей лежал смертельно раненный, под Аустерлицем, но Наполеон приказал ее вернуть. И Андрей выжил, вылечился! Бог спас его...

При лицезрении «глубокого неба» на месте ранения к нему пришло понимание того, что суета, в которой он существовал, «не есть настоящая жизнь». Пока еще веры в Бога Андрей не обретает, но начинает подсознательно понимать правоту своей верующей сестры.

Глубокое понимание «суетности» жизни, интуитивный выход на правильный, христианский путь появляется у князя только после второго ранения, причинившего ему столько страданий. Он обретает возможность всепрощения, веру в Бога и держит ее глубоко в себе. Это и помогает Андрею спокойно умереть. Болконский считает, что «смерть — это пробуждение от жизни», и во многом прав: смерть — переход от временной жизни в вечную. С этим новым для него миропониманием Андрей не хочет (а по Толстому и не может) дальше жить. Поэтому он и умирает, оставив память о себе в сердцах любящих его христианской любовью девушек — Наташи и Марьи.

Старый князь Болконский — неверующий старик: дочери тяжел «образ мыслей отца в религиозном отношении». Однако и он еще способен к духовному возрождению: «в последнее время его насмешки не так язвительны, и есть один монах, которого он принимал и долго говорил с ним». В конце жизни старый князь с теплотой душевной прощается с Марьей, страдает. Конечно же, он осознает, что был во многом неправ (и в вопросах веры, и по отношению к родной дочери, над которой ему иногда хотелось поиздеваться).

Но обратимся и к другим героям романа.

Пьер Безухов — один из центральных образов «Войны и мира» — имеет самую странную «религиозную» историю. Вначале он, как и многие другие персонажи, был абсолютным атеистом. Затем, после того как разъехался с женой, он вступает в масонскую ложу. Здесь ему «мерещится» «правда жизни», он не замечает неестественности масонских обрядов и ему кажется, что вот она, настоящая вера в Бога. Но его надежды не оправдываются. Постепенно, глядя на искусственность «свободных каменщиков», Пьер понимает, что это «не то», разочаровывается в этом лжеучении полностью. Но, заметьте, он не покидает ложу масонов даже до конца романа.

После того как Пьер попадает в плен, он разочаровывается в вере в Бога вообще (может, отчасти потому, что находится какое-то время в «разоренной, загаженной» французами церкви). И только Платон Каратаев,

простой пленный крестьянин, вера которого не лишена заблуждений, возвращает Безухова к жизни и упованию на милость Божию. Однако православным Пьер не становится, не выходит из масонской ложи, несмотря на разочарование в ней. А ведь из него тут продолжают выжимать деньги! Это свидетельствует о его духовной «незрелости», о том, что он не все понял, в отличие от Марьи и князя Андрея. И в этом его беда: «внутренний судья», который в нем появился, не решает таких серьезных проблем, как вера и рациональность в ведении хозяйства (хотя Толстой доказывает это). Зато к концу романа Пьер уже занимает нейтральную по отношению к православию позицию (вот оно, влияние Платона Каратаева!).

Наташа Ростова, вторая после Пьера главная героиня, «некрасивая, с большим ртом... но живая», именно посредством своей «живости» многое понимает, именно из-за естественности мыслей горячо и от чистого сердца молится Богу. Ее сложная судьба не мешает ей, однако, после многих испытаний наконец обратиться к Нему с молитвой, «поговорить» в конце Петровского поста. Православная вера, а не только «инстинктивное умение жить», спасает Наташу и направляет ее на путь истинный. Бог, которому она горячо молится (после периода забвения, когда Ростова полюбила Анатоля Курагина — тогда она жила этим чувством и не думала больше ни о чем на свете) и приносит свое раскаяние, счастливо устраивает ее судьбу с Пьером.

О жизненном пути Наташи было сказано в русской (да и не только) критике достаточно много, она, как я уже упоминала, металась от Андрея к Курагину и, мучаясь, забывала попросить помощи у Бога, чтобы остаться верной своему жениху. Чувствуя, что не в силах справиться с внутренним конфликтом, Наташа... отравилась мышьяком! Хорошо, что в конце концов Ростова после продолжительной болезни вспомнила о Боге, и, я думаю, как и княжна Марья, на всю жизнь останется истинно православной девушкой.

Можно обсуждать и других персонажей «Войны и мира», ведь их более шестисот, и о каждом обязательно нашлось бы что сказать, но давайте лучше обратимся к одному эпизоду, который, мне кажется, имеет большое значение. Это молебен перед Смоленской иконой Божией Матери на Бородинском поле, перед сражением. Здесь присутствуют простые солдаты, Пьер и главнокомандующий Кутузов.

Молебен показан Толстым некрасочно, однообразно и тягостно для народа, хотя все на самом деле происходило иначе, наоборот: люди ждали чудотворную икону и молились перед ней с верой, надеждой и любовью, многие — со своими личными, отчасти эгоистичными просьбами, другие — о благе народа, но уж точно вряд

ли большинство, устраивая давку, лицемерило бы перед оголтелым народом.

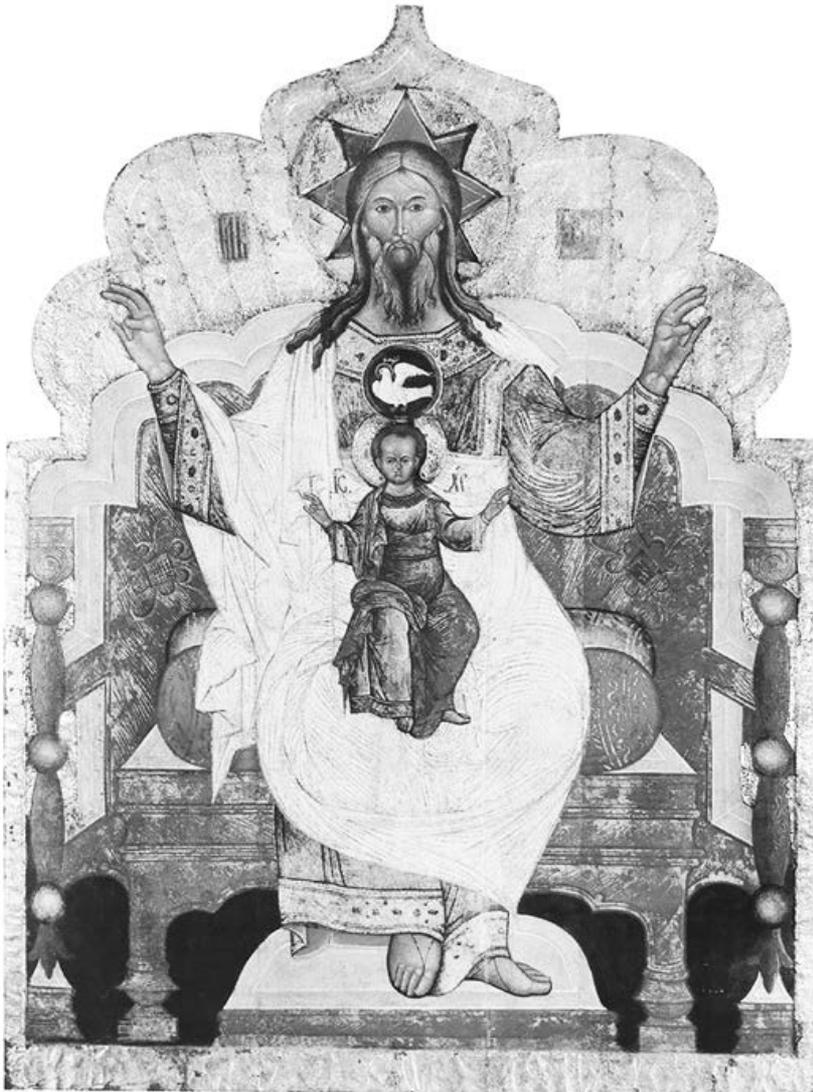
Даже молитва Кутузова, который, по словам очевидцев, был глубоко верующим, и та показана так, будто великий полководец лишь наивно «вытягивает губы», прикладываясь к святыне, и затем «долго не может встать» после земного поклона «от тяжести и слабости». Нет! На самом деле Кутузов молится искренне. Просто Толстой во время написания «Войны и мира» уже довольно скептически относился к иконам и вере вообще, вот и решил показать свои сомнения и подчеркнуть, что вера на дух народа (который, по мнению писателя, делает историю и с помощью которого мы побеждаем неприятеля) не влияет. Но ему это не удалось. Все равно между строк можно увидеть великую веру

народа, веру православную, которая помогает, наряду с любовью к Родине, победить в войне.

Одним словом, можно очень долго рассуждать на тему православия в «Войне и мире», и все равно она остается неисчерпаемой. Ясно одно — как ни хотел Толстой умалить благотворное влияние веры во Единого Бога на русский народ, он так и не смог этого сделать. Поэтому это произведение можно назвать поистине великим: даже то, что не договорил (или не захотел договорить) автор, все равно присутствует в романе, но до этого еще нужно дойти.

А между тем это многогранно-разностороннее произведение еще долго будет возбуждать споры и служить материалом для исследований.

г. Донецк, ДНР

Валентина ЛАЮРОВА

СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ И СОЛОВЕЦКИЙ ЛАГЕРЬ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Моя родина — Казахстан — славится невероятным разнообразием природы: в сердце страны простираются огромные степи, на севере она чередует красоты пустынных просторов с хвойными и березовыми лесами, на юге и востоке располагаются впечатляющие своим величием горы. Я побывала в различных городах и областях своей страны, стран ближнего и дальнего зарубежья, но никогда не видела моря и с детства грезилась путешествием к нему. Я представляла себе палящее солнце, корабли и теплый песчаный пляж с пальмами, и в этом году мне удалось побывать в местах, о которых я мечтала лет с пяти. И это оказалась отнюдь не «тропическая сказка»: я совершила поездку на Соловецкие острова, что находятся в Белом море. Я не привезла домой летний загар и ракушки, но это путешествие за 165 километров от Полярного круга оставило в моем сознании намного более яркий след, чем я могла себе представить.

Соловецкий монастырь, в годы репрессий известный как СЛОН, то есть Соловецкий лагерь особого назначения, — точка на окраине России, подробности о которой мало кто знает, и в то же время величайшая святыня, которая стоит того, чтобы каждый ребенок, взрослый и пожилой человек был знаком хотя бы с малой частью ее истории. Основанный в первой половине XV века святыми Зосимой, Савватием и Германом на далеких островах Белого моря, монастырь со временем стал одним из самых известных и почитаемых в России.

Промыслом Божиим я попала сюда, и, как каждое мое путешествие, это паломничество стало одной

из самых запоминающихся историй, которые даже через долгое время имеют особенность отчетливо отзываться в памяти огромным количеством воспоминаний. Я писала о своих чувствах и впечатлениях в дневнике, фотографировала практически каждую мелочь, и сейчас, перечитывая свои заметки и пересматривая фотографии, я продолжаю осмысливать детали и видеть в каждой из них нечто особенное, отчасти нравоучительное, но одновременно теплое и чудесное.

«За этот день мы сменили четыре вида транспорта и три места нахождения. Я впервые совершила такой длинный переезд на корабле. Всех укачивало, кружилась голова, но открывающиеся виды на море, небо и стаи чаек, которые сопровождали нас (или все-таки наши сушки и булочки?), однозначно стоили этого трехчасового пути.

И вот мы здесь, в нашем главном пункте назначения. За сегодняшний день успели посетить ботанический сад, Секирную гору... Приложились к мощам Зосимы, Германа и Савватия.

Сейчас почти полночь, но сна ни в одном глазу, несмотря на невероятную усталость. Белая ночь, светло как днем. На горизонте замер самый красивый закат, который я когда-либо видела. Завершается первый день на Соловках, а впечатлений уже целое море. Здесь все какое-то особенное, вдохновляющее, что никогда ранее мне не приходилось наблюдать» (запись от 29.06.2017).

На протяжении всей поездки меня не покидало чувство трепета: все, с чем я сталкивалась, несло глубокий духовный смысл. Все вокруг — высокое

чистое небо, леса с величавыми столетними соснами, сказочные панорамы, небольшие озера, отражающие холодный солнечный свет мелкой рябью, каменистые берега, пристани с судами, деревянные кресты самых различных размеров, бескрайнее ледяное синее море с отдаленными от берегов лодками и кораблями и, наконец, монастырь, обнесенный массивной каменной стеной, его темные купола, блестящие кресты и потрясающей красоты древнейшие постройки — будто было живым, дышало и было пропитано духом подвигов, которые совершали на этой земле великие Святые земли Русской.

Параллельно с восхищением святостью монастыря не покидало чувство страха и тревоги: здесь убивали. И убивали без разбора. Именно в этом месте, которое было предназначено для служения Господу, происходили события, противоречащие Его заповедям. В начале XX столетия на недоступном архипелаге Соловецких островов функционировал СЛОН. Он был первым и одновременно самым известным лагерем в Советском Союзе. Он приобрел дурную славу уже в самом начале своего существования, а название «Соловки» очень быстро стало символом репрессивной системы. Здесь проводили практику наказания непосильным и зачастую абсолютно бесполезным трудом, например, заставляли переносить воду из одной проруби в другую, подвергали смертельным пыткам за малейшие провинности. В этих условиях мало кому удавалось выжить. В числе узников исправительного лагеря были политические заключенные, члены антисоветских партий, простые люди и служители церкви: митрополиты, архиепископы и священники. Вместо люб-

ви взрастили ненависть, и вместо жизни посеяли смерть через убийство невинных людей, в том числе и тех, кто посвящал свои жизни служению Богу.

Перед предстоящей поездкой я читала о Соловецком монастыре, просматривала фотографии его окрестностей, церквей и кусочков природы, окружающей их. Все это казалось чем-то недостижимым, но спустя полгода мне удалось воочию наблюдать за удивительными красотами Соловецких островов и молиться на местах, прославленных тысячами подвигов святых людей, по сей день являющихся для нас примерами праведной жизни, в которой главной целью становилось следование за Христом.

Неисповедимыми Господними путями до нашего столетия сохранился этот памятник русской святости, и сегодня из многих стран мира приезжают сюда паломники и путешественники со своими просьбами и молитвами. И я надеюсь, что мне удастся вновь попасть сюда, окунуться в эту поражающую воображение природу, молитвенную атмосферу и вновь испытать пронизывающие ощущения радости, трепета и счастья.

Святые места, в какой бы точке земного шара они ни находились, дарят непередаваемые эмоции. И, начиная с моего первого паломничества в осознанном возрасте на благодатную землю Караганды, землю, на которой жил и совершал молитвенные подвиги старец Севастиан, я бережно храню воспоминания о каждом из них как о пронизывающих историях приближения к Богу, к познанию Его закона и, несмотря на препятствия и искушения, к исполнению главной заповеди: «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

г. Алма-Ата, Республика Казахстан

ОТ РЕДАКЦИИ

Для участников конкурса были и особые призы.

МЛАДШАЯ ВОЗРАСТНАЯ ГРУППА, 6–7-Е КЛАССЫ

Особый приз за творческую самобытность

Анастасия ЧАРКИНА

УВИДЕТЬ В ЧЕЛОВЕКЕ ЧЕЛОВЕКА

Темнеет. Хочется читать. Сегодня был трудный день: много уроков, факультатив, репетиция — почти что-нибудь веселое и легкое. Пробегаю глазами по оглавлению сборника. Вот то, что нужно, — «Баргамот и Гараська». Кто автор? Леонид Андреев. Знаю такого писателя, его настоящее имя Леонид Николаевич Андреев — это русский писатель, драматург, очеркист, он еще «Кусаку» написал, там о людской жестокости идет речь и о безответственности по отношению к животным. Наверное, Баргамот и Гараська тоже какие-нибудь животные. С этими мыслями я укутываюсь в пушистый плед, и все — меня ни для кого нет.

Страница, вторая, третья... и вот уже последняя реплика Гараськи: «По отчеству... Как родился, никто по отчеству... не называл...» Я долго сижу неподвижно, боюсь, что с разговорами пристанет бабушка, а я не хочу говорить. Хочется думать не знаю конкретно о чем, но о чем-то важном, и не только для меня, а для всех нас, для людей.

Рассказ не отпускает. Баргамот, Гараська — никакие это не животные. Это люди. И жили они очень давно, больше ста лет назад. А может, и не жили они вовсе — их автор выдумал. Но почему же тогда не отпускает?

Вот Баргамот — «высокий, толстый, сильный громогласный» городской по имени Иван Акиндинович. И кажется мне вначале, что он, как Дядя Степа, защитник слабых, помощник нуждающихся, словом, добрый волшебник. А выходит наоборот: «степенным, серьезным и солидным человеком, достойным всякого почета и уважения» он был лишь в глазах заинтересованных пушкарей, а люди с «возвышенными требованиями» считали его куском мяса и величали дубиной. И правда, Баргамот был «дубиной», то есть грубым, бесчувственным человеком, автор называет его «городовой бляха № 20». Леонид Андреев пишет, что душа его героя была погружена в богатырский сон, то есть его очень трудно было расшевелить, взволновать чьими-то проблемами, горестями или радостями. «Маленькие, заплывшие глазки» делают героя похожим на поросенка — животное без души. Этим автор подчеркивает убогость внутреннего мира героя. Главным достоинством Баргамота была непомерная сила и исполнительность, а кругозор ограничивался знанием инструкции для городских. И все было бы про него понятно: не человек, а бездушная машина. Но дальше автор рассказывает о том, какая у городского семья, чем он занимается помимо службы. Оказывает-

ся, он живет в маленькой хибарке с двумя детишками, любит копаться на огороде, не пьет, и жена легко им руководит. И читатель понимает, что Баргамот, в отличие от большинства проживающих на Пушкарной улице, ведет трезвый образ жизни, он хозяйственный, по-своему любит жену и детей. Выходит, не такой уж плохой. Да, недалекий, без фантазии, без возвышенных чувств, но и не хуже остальных. Скажем так: обыкновенный человек.

А Гараська? Вечно пьяный, без дома, без семьи, без определенных занятий — одним словом, бомж. Его существование покрыто тайной: никто не знал, откуда он появлялся и куда исчезал, чем жил. Нетрудно догадаться, как относились люди к такому человеку: с презрением, даже, может, с брезгливостью. Никто так не досаждал городовому на Пушкарной, как Гараська, потому что был он «скандалист первый на всей окраине». «Не человек, а язва», — с досадой отзывался о нем Баргамот. И гадости Гараська делал людям исподтишка, с язвительностью. Ни побои, ни «аресты» — ничто не помогало. «Дрянь человек», — подумает читатель и, может быть, даже плюнет с презрением в его сторону. То же чувствовал и городской Баргамот, когда встретил Гараську на своем участке в ночь светлой Пасхи.

У русского человека к празднику Пасхи особое отношение. Леонид Андреев создает настроение праздничности, приподнятости через отдельные детали. Улица, всегда шумная, была необычайно тиха, а ее жители: сапожники, пенькотрепальщики, кустари-портные — направлялись в церковь «чистые, благообразные, в пиджаках и жилетах поверх красных и синих шерстяных рубаш, в длинных, с бесконечным количеством сборок, сапогах на высоких и острых каблучках». «Каждый из них бережно нес узелок с пасхой и куличами», — пишет Андреев, будто любуясь преображением людей, их душевным просветлением, христианским смирением. И тут же с горечью отмечает, что благообразия пушкарям хватит ненадолго. Завтра же начнутся попойки и драки. И так изо дня в день. А сегодня праздник, радостным переливчатым звоном разносится по миру благодатная весть о воскресении Христа. После всенощной службы пойдут пушкари по домам разговляться, сядут всей семьей за накрытый белой скатертью стол, где будут куличи и яйца, и будут целоваться, и слов плохих говорить не станут. Престольный праздник, светлые лица.

И только Гараське некуда идти, никто его не ждет, никто ему не рад. В отрешках, едва прикрывавших его тощее грязное тело, с большим отвислым красным носом, с царапиной вдоль всей щеки, Гараська стоял на улице в обнимку с фонарным столбом. А дальше происходит встреча пьяницы с городовым, и собы-

тия приобретают неожиданный поворот. Городовой Баргамот вдруг проникается сочувствием к упавшему и разбившему пасхальное яичко пьянчужке Гараське. «Похристосоваться хотел... Тоже душа живая...» — бормочет он, «чувствуя, что жалок ему этот человек, как брат родной, кровно своим же братом обиженный». И дальше происходит то, чего Гараська никак не ожидал: городской совершенно неожиданно для себя приглашает в свой дом его, нищего Гараську, которого в остальные дни он потащил бы в участок.

Что же случилось с Баргамотом? В нем, в этом толстокожем человеке, проснулась «не то жалость, не то совесть». Мне кажется, что Баргамот вдруг вспомнил, что он не только городской, но еще и человек. И перед собой он увидел не пьяницу, а тоже человека, почувствовал его обиду, боль, одиночество. «Ведь сегодня светлая Пасха, нужно поступать по-христиански», — думал, наверное, он.

А что же Гараська? Вот совершенно ошалевший и притихший, сидит он за убранном столом, ест щи и проливает на скатерть, конфузится еще больше и опять проливает. Вот он впервые обращает внимание на свои пальцы «с большими грязными ногтями», и к нему возвращаются давно забытые чувства. Гараське стыдно, он стесняется своих отрешков, грязных рук, стесняется себя пьяного, скверного. И вот с того момента, когда Гараська начал испытывать стыд за себя, читатель увидел в нем человека. И сам герой, наверное, вдруг вспомнил, что он человек, хотя давно и утратил человеческий облик. Последней каплей становится обращение к нищему жены городничего: «Кушайте, Герасим Андрееч». И совершенно неожиданная реакция: гость бросает ложку, падает головой на стол, и из его груди вырывается жалобный и грубый вой.

Рассказ заканчивается словами: «По отчеству... Как родился, никто по отчеству... не называл...» Как понять поведение Гараськи? Ведь его не оскорбили, а совсем наоборот, проявили к нему уважение. А он как будто обиделся. Но на что?

Не все так просто. Да, герой, конечно, растроган тем, что ему напомнили его настоящее имя. Но здесь есть еще что-то другое. Может быть, именно в этот момент герой понимает всю свою ничтожность, всю низость своего положения. «Они люди, а я? Кто я? Никто», — возможно, так думает о себе Гараська.

Рассказ прочитан, а мне хочется, чтобы он имел продолжение. Мне кажется, если бы был написан эпилог, то из него мы бы узнали, что Гараська изменился: он перестал пить и занялся делом — к примеру, чисткой обуви на углу Пушкарной и 3-й Посадской улиц. А еще он перестал ругаться и привел в порядок свою одежду. Каждое утро к нему заглядывает Барга-

мот, ведь сапоги городского должны быть начищены до блеска. Городовой улыбается, со всеми добр. И все чаще слышны слова пушкарей: «Наше вам! Герасим Андреич!»

О чем же рассказ Леонида Андреева? О нравственных христианских ценностях, о том, что нужно нести в мир добро всегда, а не только раз в году, о том, что делающий добро и получающий добро становится выше, мудрее, счастливее. Рассказ «Баргамот и Гараська» побудил меня к раздумьям о наших жизненных реалиях. Разве такие, как Гараська, редкость в нашей жизни? Увы, нет! Да и баргамотов немало. Автор с нескрываемой иронией описывает персонажей, чтобы читатель задумался: «А не похож ли я на Баргамота или Гараську?»

Я часто видела бездомных в метро и переходах, но испытывала не сострадание, а брезгливость и пре-

зрение, я смотрела лишь на то, какими они стали. Но ведь они же не всегда были такими? Правда ведь? После чтения рассказа я осознала, что они тоже люди, не удержавшиеся на плаву жизни, опустившиеся, но люди, а каким бы человек ни был, у него все равно есть самое дорогое — душа. Ведь стоит только протянуть руку помощи, и, возможно, удастся пробудить душу этого человека, изменить его жизнь, и мир станет чуточку лучше. Для нас с вами это мелочь, так почему бы не попытаться?

Я рада, что прочитала этот рассказ. Уверена: буду еще много раз перечитывать его, открывая новое в себе и окружающем меня мире. Писатель дал мне толчок для моих размышлений и помог многое осознать. Впечатления от прочитанного останутся на долгое время. Леонид Андреев учит нас доброте, любви, человечности, учит жить по Христовым заповедям.

г. Людиново, Людиновский район,

Калужская область

Продолжение следует.

Флюр ГАЛИМОВ

Продолжение. Начало в № 6, 7, 8 за 2018 год

ПОКАЯНИЕ НАД ПРОПАСТЬЮ

Рисунок Марины Медведевой

ТРИЛОГИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

ВКУС ЗАПРЕТНОГО ПЛОДА

После того как на сеансе у Назиры все раскрылось, между Салаватом и Зульфией состоялся серьезный разговор. Он дал ей понять, что между ними все кончено. Но она и не думала оставлять его в покое. Вот и сегодня позвонила:

— Алло, здравствуй, дорогой...

— Сколько тебе повторять: не звони больше, не ищи встреч, отношения между нами окончены, — поспешил прервать ее Салават.

— Милый, выслушай меня хоть раз, пожалуйста, я тебя очень люблю! Жить без тебя не могу...

— Потому и сделала мне приворот, а на Лилию порчу навела?

— Салават, ты опять об этом? Это все неправда, Лилия наговаривает!

— Хватит, устал я уже от твоей лжи.

— Любимый, я не обманываю: ни тебя, ни Лилию я не околдовывала! Это пустая болтовня твоей жены! Я тебя... не знаю даже, почему... люблю очень! Тебя больше никто не полюбит так, как я, запомни мои слова. Я так по тебе соскучилась! Пожалуйста, подари мне всего одну, самую последнюю встречу! Потом можешь навсегда бросить. Понимаю, тебе нужно выбрать одну из нас. Ведь мы с Лилией никогда не уживемся вместе. Я не соглашусь делить тебя с ней. Сам подумай,

как я смогу отдать тебя ей, если люблю без памяти? Это невозможно. Понимаю, ты выбрал Лилию. Все-таки у вас трое детей, долгие годы жизни. Умоляю тебя, Салават, одно-единственное свидание, последняя встреча... потом можешь бросить, — заклинала Зульфия.

На какой-то краткий миг сердце Салавата, камнем отвердевшее к Зульфие, чуть смягчилось: сколько мольбы в ее голосе, как она страдает... Может быть, не виновата она? Но тут же, вспомнив об увиденном Лилией, он вздрогнул, сердце похолодело: врет змея, нельзя ей верить.

— Ну почему же ты молчишь? Любимый, подари мне всего одну встречу, последнее свидание! Неужто забыл, как соединялись наши тела и души? Как нам было хорошо... Уже не помнишь волшебные ночи, когда мы уносились с тобой высоко-высоко? Ни с кем ты больше не испытываешь такого наслаждения. Ведь мы с тобой созданы друг для друга! Нынче твои глаза слепы, на них завесу обмана накинута. Но ты вспомнишь еще меня, затоскуешь, будешь мечтать хоть разок увидеть. Только не будет уже меня...

Салават не выдержал, сам себя не помня, воскликнул:

— Хватит тебе! Не рви мне душу!

— Салават, душа моя, умоляю тебя: подари мне одну-единственную встречу, последнее свидание, последнюю ночь! Если я проведу еще одну ночь в твоих жарких объятиях, то согласна даже умереть, ни о чем не пожалею. Слышишь, всего одну ночь...

Сердце Салавата трепетало в груди, словно птица, попавшая в сети. За что так терзает его душу Зульфия? Неужели не понимает, насколько он истосковался по ее горячим губам, роскошному телу? Может быть, махнуть на все рукой и провести с ней всего одну ночь? В последний раз...

Имеет ли право мужчина лишать любящую и умоляющую женщину счастья последней ночи?

Однако в самый решающий момент Салават осознал: после такой «единственной» ночи он уже никогда не сможет вырваться из пылких объятий Зульфии, и «последнее свидание» обрушится на их едва восстающий из руин мирок разрушительной стихией из «Последнего дня Помпеи» — шквалом кипящей лавы. С трудом взяв себя в руки, он перебил Зульфию:

— Прекрати! Пойми же ты, в конце концов, между нами все кончено! Перегорело, пеплом по ветру разлетелось!

— Салават, я беременна от тебя...

Его как обухом по голове ударило. В оглушенном сознании возникли вопросы: что это? Очередная уловка или вправду ждет ребенка?

— Салават, почему молчишь? Я говорю, забеременела от тебя. Что мне делать? Рожать или нет?

Наступила тягостная тишина. Сердце Салавата уже не трепетало, оно отчаянно билось, как птица в кошачьих когтях. Что делать? Наконец он проговорил:

— Нет у меня права запретить тебе: рожай! Без помощи вас не оставлю.

* * *

Через несколько месяцев позвонила сестра Зульфии. Оказывается, во время той потасовки Лилия пинала ее в живот ногами и повредила плоду шею. Младенец родился раньше положенного срока. Зульфия положила мальчика на подоконник и больше не взяла в руки, ни разу не дала грудь. Мучаясь от боли и голода, младенец весь день надрывно проплакал и затих... Никто не оказал ему помощи. А Зульфия стояла рядом, будто окаменевшая.

Сестра Зульфии сказала: «Чтобы похоронить ребенка как полагается, надо провести обряд и дать имя. Как назвать его?» Салават упавшим голосом ответил: «Урал». Когда она добавила, что нужно заказать памятник и ограду, отправил деньги.

После услышанного Лилия несколько дней ходила в подавленном настроении: «Не знала я, что она в положении. Кабы знала, не стала бы пинать в живот», — сказала с сожалением. Видя, что Салават почернел от горя, с привычной уверенностью заявила: «А ты не убивайся, ребенок не от тебя». Но ее слова не утешили его...

Если зачатый в запретной любви, но невинный младенец был избит уже в утробе и покинул этот мир в страшных муках, жаждая спасения и утешения в материнских руках, но так и не получив их, насколько же мы погрязли во грехах мерзостных? Чем же смыть мученические слезы ребенка, чистые, как утренняя роса? Как искупить тяжкую вину за убийство младенца? Возможно ли это? О Всевышний, наставь на путь истинный, спаси наши души!

* * *

Дар ясновидения и целительское мастерство Лилии с каждым днем раскрывались ярче. Увеличился и поток посетителей. Простые люди, едва выбравшиеся из болота безденежья и нищеты начала девяностых, но по пояс увязшие в черной топи кризиса девяностых, приходят к Лилии в надежде получить подсказку для облегчения своей тяжелой жизни. В последнее время к ней тянулись и люди, занимающие более высокое положение в обществе. Судьи, нотариусы, врачи, журналисты, преподаватели вузов и учителя, чиновники и начальники — кто только не стучался в дверь их квартиры! Можно уточнить: две женщины-врачи лелеяли надежду, что Лилия поможет им выйти замуж. Стыдливо скреблись к ней и одинокие женщины, к которым повадились каждую ночь навещать пярети — сексуально озабоченные демоны. Зачастили и предприниматели, терпящие убытки от экономического кризиса. Они спрашивали Лилию о способах избавления от угрозы банкротства, просили помочь привлечь удачу, ухватить птицу счастья за хвост.

Судьбы некоторых посетителей были весьма поучительны. История одной женщины остерегает от нарушения данного слова.

...Молодую девушку после окончания медучилища направили работать в глубинку, в дальний аул, где она подружилась со славным парнем. Договорились пожениться. Когда был назначен день никаха, она позвонила сестре и пригласила на бракосочетание. А та строго-настрого потребовала: «Даже не думай выходить замуж в этой глухомани! Вернешься домой, будешь ухаживать за престарелой матерью». Девушка не смогла перечить старшей сестре.

Когда она отказала парню, тот устыдился идти домой, где уже собралась вся родня на празднество. Весь день бродил по лесу. Не дождавшиеся жениха с невестой удивленные гости разошлись по домам. А всерьез оскорбившиеся старухи из рода несостоявшегося жениха не смирились с этим: накинули платки на седые головы изнанкой вверх, прочли баддуа — заклинание-проклятье — со словами: «Пусть не познает нарушившая

обещание девушка женского счастья!», воздели руки тыльной стороной к небу и провели затем ими по сморщенным лицам.

Проклятье старух исполнилось — не довелось той девушке испытать семейного счастья. Единственной ее дочери тоже не повезло с мужем. А четырехлетний внук все еще не говорил. Лилия посоветовала женщине поехать в тот аул, найти мужчину, с которым она была помолвлена в молодости, и попросить прощения за несдержанное обещание.

Спустя несколько недель женщина вновь наведалась к Лилии и поделилась радостью: съездила, увиделась с бывшим возлюбленным, попросила прощения. Они объяснились друг с другом и, испытав огромное облегчение, попрощались. Она вернулась домой — а там внук заговорил...

Следующая история учит серьезно относиться к родительскому благословию. Есть в ней, впрочем, и курьезный момент.

В одном ауле собрались пожениться парень с девушкой. Однако мать невесты категорически воспротивилась их свадьбе. Причина была — курам на смех. В общем-то, неплохой парень несколько лет назад совершил большую глупость. Хоть и не алкоголик, но, напившись в стельку, забрался ночью в сельсовет и справил там нужду. Аул есть аул, начальство быстро выяснило, чья это проделка, и парню вlepили пятнадцать суток ареста. Учтывая, что несуразное событие случилось в начале восьмидесятых, он легко отделался. Хорошо еще, что совершенной спяну выходке не придали политической окраски и не посадили...

Воспитанная на советских устоях, мать девушки не смогла простить будущему зятю его вину. И твердо заявила дочери: «Не получит тебя враг народа, посмевший нагадить на советскую власть, построенную Ленин-бабаем и Сталин-бабаем! Не жди от меня благословения...»

Дочь не послушалась матери, молодые поженились. Да только... хоть и прожили вместе около двадцати лет, вырастили двоих детей, а никак не обживутся. Больше десяти лет проработали на Севере, но до сих пор не имеют собственного жилья. Сколько бы ни зарабатывали — нет бараката¹, деньги будто сквозь пальцы утекают неведомо куда.

Лилия взглянула на них и сразу дала совет: «Купите красивое платье, платок, гостинцы и поезжайте в аул просить у матери фатиху²».

¹ Баракат (араб.) — божественное благословение, благополучие, достаток.

² Фатиха (араб.) — благословение.

После получения материнского благословения, как по волшебству, к ним пришла удача: купили по ипотеке трехкомнатную квартиру, обновили машину, зажили в благополучии...

Открывшийся дар Лилии доставлял семье немало бытовых неудобств. Их и прежде часто посещала многочисленная родня из аула, но теперь дом вообще превратился в проходной двор. По вечерам было не протолкнуться. Вернувшемуся с работы Салавату иногда даже не находилось местечка прилечь и отдохнуть. Но он терпел, понимая, что они на верном пути и творят людям добро. Не только терпел, но еще и возил Лилию к безнадежным больным, которым врачи уже не могли помочь.

Вот и сегодня поехали к тяжелобольным, находящимся при смерти.

На страшно исхудавшую молодую женщину было тяжело смотреть: в почти потухших глазах ни искры надежды, даже говорить не может.

— Кушает хоть немного? — спросила Лилия у ее матери, беспомощно суетящейся возле постели больной.

— Больше недели ни крошки в рот не брала, только воду пьет по глотку-другому в день. — Она горестно вздохнула.

— А врача вызывали?

— Да, много раз. И в больнице лежала — только распознать не могут хворь...

Лилия уставилась на больную тяжелым, осуждающим взглядом:

— Вижу: пила, курила, водилась с женатыми мужиками, семья разрушала... — В глазах Лилии блеснул гнев. — За грехи твои послана болезнь!

Мать испуганно поддакнула:

— Ох, сколько я ей говорила, не слушалась. Что ж нам теперь делать-то? Пожалуйста, помогите, помирает ведь...

— Это зависит не только от меня. Хочет выжить — должна покаяться и исправиться.

— Она исправится, вы только помогите, умоляю!

Лилия повернулась к женщине:

— Помогу, если дашь слово в корне изменить свою жизнь. Согласна?

У больной не было даже сил кивнуть, она лишь чуть шевельнула ресницами в знак согласия.

— Мысленно повторяй за мной: о Всевышний, искренне каюсь! Пожалуйста, прости мои прегрешения! Навсегда бросаю греховный образ жизни и дурные привычки. Избавь меня от болезни, Всемилостивый! Повторила?

Женщина снова с трудом подняла и опустила веки.

Прищурившись, Лилия вонзила в нее острый взгляд и принялась своим способом вытаскивать хворь. Упорно поработав больше часа, спросила:

— Полегчало немножко?

Глаза больной чуть оживились. Она, хоть и через силу, легонько кивнула.

— Хорошо, значит, надежда есть. А вы, апай, купите на базаре деревенскую курицу, сварите суп. Сегодня помаленьку поите ее бульоном. Но не больше двухсот грамм! Завтра дадите чуть побольше...

Двинулись по второму адресу. Недавно позвонила подруга юности Лилии, просила посмотреть ее двоюродного брата. Этот человек — бывший офицер милиции. После десяти лет безупречной службы капитана уволили с должности. Причина была пустяковая: получил от торговца микрорынка взятку — два кило сливочного масла. Лилия сначала просто поразилась, что такой, по ее словам, непомерно горделивый человек, мнящий себя в молодости чуть ли не аристократом, не погнушался мизерной подачкой. Салават же нисколько не удивился: знал он и лейтенанта, в девяностые годы собиравшего с продавцов того же микрорынка по пятирублевой монете.

Капитан очень тяжело пережил увольнение: поддался какой-то незначительной болезни и свалился с ног. По словам его жены, и не помирает, и не выздоравливает, не встает с постели уже несколько лет. Говорит, и врачи не помогли.

Лилия попросила у Салавата разрешения осмотреть больного. Оказалось, несколько месяцев она дружила с ним в далекой юности.

— Ты меня не ревнуешь к нему? — спросила Лилия у мужа.

— Ну что ты говоришь, он же при смерти. Да и дружили вы, сама рассказывала, вполне невинно.

Мужчина тоже был отощавший — кожа да кости. Точь-в-точь узник Освенцима, каких показывают в документальных фильмах про зверства фашистов. Впрочем, хоть и с натугой, но разговаривать он мог. Посмотрев на него, Лилия сделала вывод:

— Причина твоей болезни — в гордыне. Если покаешься и попросишь у Всевышнего прощения за свое высокомерие — встанешь на ноги.

В померкших глазах больного на миг блеснула надежда и потухла. А на пожелтевшем, иссохшем лице отразилось упрямство:

— Гордость... штука нужная... — прошептал он через силу, но с настойчивостью.

Лилия занималась с ним около часа. Затем поехали дальше.

— Не поправится, — сказала она в машине.

— А не рановато йыназа¹ читать?

— Гордыня помешает ему выздороветь.

— Да разве гордый будет пачкаться парой кило масла? — с некоторой брезгливостью возразил Салават.

— Видимо, таким образом и принижает Всевышний надменных... — задумчиво ответила Лилия.

Как в воду глядела Лилия: хоть и возил он ее к больному раз пять-шесть — толку не было.

А та молодая женщина через месяц встала на ноги. Она сдержала слово: бросила разгульный образ жизни, нашла работу.

* * *

Слава Лилии как знахарки с каждым днем ширилась. К ней уже начали приезжать из соседних районов и городов. Вконец утомившись от такого наплыва посетителей, Салават предложил:

— Устал я... Давай арендуем квартиру, будешь принимать людей там.

Немного подумав, Лилия отрицательно покачала головой:

— Потерпи еще чуток, их станет меньше. Скоро начнется совсем новый, очень важный для нас обоих этап духовного развития.

Салават согласился. Он понимал: если не они, так кто же будет спасать тяжелобольных и страдающих от ворожбы и колдовства людей?

Несмотря на утомление от посетителей, Салават все равно ощущал в душе большую радость, даже эйфорию. Будто наконец постиг огромную истину, даже смысл жизни. Оказывается, смысл жизни человека — в неустанном творении добра! Притом без ожидания в ответ вознаграждения. Это и есть лучший способ противодействия злу.

С какой целью мы пришли в этот мир? Для чего живем на белом свете? Сколько же можно барахтаться, преодолевать бесконечные препятствия и невзгоды в погоне за призрачным счастьем? «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой...» Прав ли Гете? Имеется ли какой-то резон в непрерывной борьбе? Важнейшие вопросы бытия одолевали его давно. Салават всю жизнь искал смысл жизни. Вначале полагал, что он нащупал свой путь. Начав писать картины, решил, окрыленный, что смысл жизни кроется в творчестве. Лишившись же радости творить, утешал себя, что суть существования — в счастливой семье. Потом метался, думая, что он таится в любви. А смысл жизни... вот, получается, в чем он...

К Лилии тоже пришло чувство удовлетворенности. Прежде она была вечно недовольна собой, часто сетовала: «Хоть я и самая способная дочь своих родителей, ничего путного из меня не вышло — не смогла даже окончить библиотечный техникум. Все потому,

¹ Йыназа — заупокойная молитва в исламе.

что полностью растворилась в тебе. Живу только ради тебя и детей. А ты выбился в люди: получил высшее образование, известен как художник, стал предпринимателем». В такие моменты Салават утешал ее: «Забиться о муже, ухаживать за детьми и беречь семейный очаг — самое большое счастье и достижение для женщины. Подумай сама: разве счастливы Маймуна и Дилляра из нашего аула, вышедшие не замуж, а в начальницы? Ни семьи, ни детей...»

Спустя несколько недель и впрямь народу поубавилось, а с Лилией произошли удивительные перемены. После очередного приема людей прилегла она было малость отдохнуть, но вдруг сильно застонала. Салават подошел к ней:

— Что случилось, ты заболела?

Лилия не спала, но глаза ее были закрыты, лицо исказило страдание.

— Что с тобой? Где болит? — не на шутку встревожился Салават.

— Вижу бегущих оленей, непрерывно бьют в бубен. Меня окружили страшные существа. Самый большой из них замахнулся огромным, с короткую саблю, ножом, отрезал мне голову, достал мозг и с наслаждением начал пожирать... Уф-ф...

Салават распростер руки и наклонился над ней, желая оградить от невидимых злодеев. А Лилия продолжала:

— Второй выковырял мои глаза ножом и проглотил. Третий отрезал уши, торопливо жует их. Тот великан вспорол мне живот, остальные бросились растаскивать мои внутренности. Отрезают сердце, почки, желудок, легкие, смачно пожирают... Все время слышен бубен.

Тут он понял кое-что и вздохнул спокойно. Вспомнил, что где-то читал о ритуале разрезания, который энергетически проходят шаманы.

— Успокойся, тебя наделяют даром шаманства. Духи в разном обличье энергетически пожирают твои органы. Потом они тебе за это заплатят: кто что съел, тот именно те человеческие органы и поможет исцелять...

— Уф-ф... Но жутко-то как — заживо едят, чавкают смачно, глотают...

— Лежи спокойно, терпи. Раз уж тебе решили даровать шаманские способности — надо, наверное, принять.

— А что же мне остается... Ну когда же кончится этот ужас? — Лилия замолчала.

Салават просидел с Лилией довольно долго. Наконец она заговорила:

— Доели, ничего от меня не оставили. Снова вижу бегущих оленей. Непрерывно бьют в бубен. Ужасные существа заарканили одного оленя, привели и толпой накинулись на него. Бедное животное, с полными

слез глазами, жалобно смотрит на меня. Будто хочет что-то мне сказать. Но его повалили, зарезали, ловко ободрали. Из части шкуры быстренько сделали бубен. Из остатков сшили зилян¹, украсили по краям тесьмой, кистями и позументом, расшили плечи и грудь узорами разными, приладили золотую пряжку с блестящими камнями и торжественно накинули на меня. А в руки вложили тот бубен. Взнуздали еще одного оленя, посадили меня на него и с гиком погнались. Мой олень на скаку поднялся ввысь, и полетели мы по ночному небосводу.

Вот я облетела наш город. Извергая сильный огонь из глаз, много накопившейся грязи сожгла. Теперь велят пролететь над всей страной, сжечь темную и грязную энергию... — Чуть помолчав, вспотевшая Лилия продолжила: — Пламя из моих глаз усилилось — мигом сжигаю всю черную нечисть, что встает на пути, оставляю от них только черный дым. Пролетела семь слоев неба, поднялась в космос. Как здесь прекрасно! Удивительный простор, невозможно окинуть взглядом эти дали! А краски такие яркие, необычные... Эту красоту невозможно описать словами: невиданные мной доселе удивительные цвета, ослепительно яркие звезды, мерцающие, как драгоценные камни! Их не счесть, и формы их неопишут... Слышу чудесную космическую музыку. Неслышанно притягательная мелодия будоражит мое сердце. — Она умолкла, но спустя несколько минут добавила: — Велят вернуться обратно на землю. Лечу в бездонную черную пропасть. — Лилия застонала, стала дергаться, лицо ее покрылось испариной.

Встревоженный муж отер полотенцем ее лицо и руки. Подумал, что жена в бреду и хотел разбудить, но она продолжала тяжело ворочаться.

В конце концов Лилия пришла в себя и открыла глаза.

— Что с тобой было? — обеспокоенно спросил у нее Салават.

— Заново родилась. — Лилия облегченно вздохнула.

А Салават непонимающе переспросил:

— Как? Откуда?

— Из материнской утробы... С большим трудом появилась на свет.

Салават задумался. Потом предположил:

— Похоже, какие-то высшие силы заново родили тебя как знахарку, целителя и шаманку.

— Может, и так... — Лилия встала с места. — Вся пропахла вонючим, липким потом. Пойду в душ.

* * *

На другой день случилось странное событие: вдруг появилась Науфиля. На лице ее блуждала таинственная

¹Зилян (этн.) — верхняя легкая одежда на подкладке.

улыбка. Последнее время она, пребывая в восторге от неожиданно открывшихся способностей Лилии, очень сблизилась с двоюродной сестрой. Пройдя в квартиру, Науфиля с радостным предвкушением достала из пакета нечто, завернутое в тряпку:

— Вот, апай, тебе передали.

Это был бубен. Салават с Лилией переглянулись и усмехнулись.

— Кто передал? — спросила Лилия.

— Иду я по базару — вдруг передо мной возникла смуглая женщина с длинными черными волосами. Сказала, мол, это передали твоей сестре Лилии издалека, и всучила сверток. Не успела я даже расспросить, от кого, она уже исчезла, словно растворилась в воздухе. — Науфиля протянула музыкальный инструмент сестре.

Та аккуратно взяла его и легонько гладила пальцами.

— Этот бубен — мой... — Лицо ее осветила довольная улыбка.

А в голове Салавата молнией пронеслась догадка: так вот почему Лилия всю жизнь хворала — у нее была шаманская болезнь¹!

* * *

После получения шаманских способностей Лилия начала применять в обрядах бубен, и ее знахарская сила

¹ Будущие шаманы, до того как получить свою «должность», частенько болеют по непонятным на первый взгляд причинам.

умножилась, работа стала гораздо плодотворнее. При всем том сама она была собой недовольна. После долгих раздумий она обратилась к Салавату:

— Чтобы развиваться дальше, мне нужно выбрать школу и учителя.

— Ты и так набрала силу, да и твое лечение стало эффективнее, — постарался приободрить ее Салават.

— Так-то оно так... Но сколько же приходится мне отлеживаться после приемов, чтоб восстановиться! Значит, я уязвима. Надо научиться способам защиты себя, тебя и детей от мести темных сил.

— Думаешь, они злятся?

— Конечно. Получается так, что мы делами своими ведем с ними жестокую борьбу. На меня у них сил не хватит... Потому обязательно будут мстить, подталкивая тебя и детей к дурному, постараются разрушить нашу семью.

Салавату стало не по себе:

— Что ты предлагаешь?

Лилия положила перед ним журнал «Оракул»:

— Вот, я выбрала школу и учителя по душе: школа космоэнергетики Джамилы Базарова, город Москва, улица Рязанская, дом 17. Занятия начнутся через три дня.

Салават растерялся:

— А сколько они продлятся?

— Начальный курс — неделя.

Немного поразмыслив, Салават решил:

— Одну тебя в Москву не отпущу, повезу сам.
 Лилия посветлела лицом:
 — Ладно, поедем вместе.

* * *

Убаюканные покачиванием купейного вагона скорого поезда, они за сутки доехали до Москвы.

Школа космоэнергетики находилась недалеко от Казанского вокзала. Без труда отыскав ее, заполнили в приемной необходимые бумаги, заплатили за учебу пятьсот долларов, и Лилию тут же пригласили пройти в аудиторию.

У Салавата промелькнула мысль: не поучиться ли заодно и самому? Но он тут же отказался от этой идеи, потому как к подобному ничуть не лежала душа. Кроме того, он видел свое предназначение совершенно в ином.

Чтобы понять суть космоэнергетики, а заодно и убить время, Салават придирчиво рассмотрел фотографии на стене, различные дипломы, сертификаты, благодарственные письма, врученные Базарову и его школе, внимательно прочел посвященные им статьи в газетных вырезках, на застекленных стендах.

Фотографии свидетельствовали об общении Джамиля Базарова, а также его жены и помощницы Индиры Хусу с далай-ламой, буддийскими монахами Индии и Тибета, надо полагать, духовными учителями, о получении от них знаний и благословения. Оказалось, Джамиль Базаров — бывший инженер-конструктор, а Индира Хусу — врач, даже кандидат медицинских наук.

В приемной не иссякал поток людей. Сидевшая на месте секретаря полноватая молодая женщина по имени Светлана одновременно исполняла обязанности и бухгалтера, и кассира: делала отметки в журнале, пересчитывала и складывала в ящик стола доллары.

Как узнал Салават, в школу Базарова приезжали учиться не только со всей России, но и из стран бывшего Советского Союза.

Судя по лицам, здесь учатся разные люди... Внимательно рассмотрев их, Салават испытал легкое разочарование: личностей с отблеском высокой души, большого ума или некой харизмы на лице практически не наблюдалось. У всех была вполне заурядная, даже серенькая внешность. Салават предполагал, что в известную на всю страну школу космоэнергетики поступают учиться исключительно способные, как Лилия, люди, и наверняка попадают сюда лишь после серьезного экзамена. Оказалось, для обучения здесь не нужно никакого таланта, у кого есть желание и деньги — тот и приходит.

Если бы случайный прохожий забрел сюда и прислушался к разговорам здешних учеников, непременно бы решил, что очутился в сумасшедшем доме.

Вот о чем беседовали вышедшие на перемену курсисты.

— Сначала я пробурила колодец до самого центра Земли. Потом открыла Фарун-Будду, вскрыла грудную клетку больного, поставила туда дренаж, включила моторчик и выкачала всю грязь туда, — с жаром рассказывала заурядной внешности толстуха средних лет.

Длинный и болезненно худой мужчина с сальными волосами серьезно полюбопытствовал:

— А сама-то ты не забыла надеть панцирь?

— Нет, как же я забуду...

К странной беседе присоединилась молодая женщина несколько изможденного вида:

— Было бы надежнее, если б вошла в золотую пирамиду...

— Но ведь золотая пирамида охраняет от зла из космоса, — с умным видом перебил ее длинный.

— ...А потом открыла Фираст и обдала целебным душем, — закончила рассказывать толстая женщина.

— У тебя и Фираст есть? — поинтересовался мужчина, почесав затылок.

— Да, я его еще весной оплатила.

— А почему весной давали Фираст? — заинтересовалась усталая женщина.

— По триста долларов.

— Нынче немного скинули цену: двести пятьдесят стоит, — заметил мужчина.

— Если берешь сразу три-четыре канала, получаешь хорошую скидку, — сказала толстуха.

Наконец из дверей аудитории показалась и Лилия.

— Все давно уже вышли на перемену, а ты куда запропастилась? — с тенью недовольства спросил подошедший к ней Салават.

— Были вопросы к учителю, поэтому задержалась.

— Какие вопросы?

— Потом скажу.

Учеников снова позвали в аудиторию.

— Ладно, осталось последнее занятие, подожди еще немного. — Лилия снова оставила мужа.

Из аудитории вышел сам Джамиль Базаров. Это был человек среднего роста, лет сорока пяти, с длинными волосами, собранными в конский хвост на резинке. Усталое бледноватое лицо, синеватые губы. Видно, что доллары тоже нелегко ему достаются...

— Здравствуйте, Джамиль Петрович! — Салават встал с места, улыбнувшись, поздоровался с ним за руку.

— Здравствуйте. — Базаров вопросительно взгляделся в него. — Вы приехали учиться?

— Нет, привез жену.

— Понятно. А откуда приехали?

— Из Башкортостана.

— Из Башкортостана? Кажется, оттуда еще к нам никто не приезжал. — Базаров посмотрел на секретаря Светлану.

Она тут же затараторила:

— Да, Джамиль Петрович, из этой республики еще никто не приезжал учиться, жена этого господина записалась первой.

— Хорошо, хорошо...

— А вы, Джамиль Петрович, бывали у нас? — поинтересовался Салават.

— К сожалению, нет.

— Вам обязательно нужно увидеть наши края! Знаете, какие уникальные достопримечательности имеются в Башкортостане? Чего стоит только знаменитый древний городок Аркаим! А известная на весь мир пещера Шульганташ?! В пещере сохранились рисунки, выполненные тридцать шесть тысяч лет назад. Я думаю, тайна этой пещеры до сих пор не раскрыта. Чтобы хоть немного понять ее чудеса, нужно внимательно несколько раз прочесть великий эпос башкир «Урал-батыр». У входа в Шульганташ — загадочное бездонное озеро. Туда пробовали нырять водолазы, но дна не достигли, погибли... Полагают, в пещере имеются пока еще неоткрытые залы... Возможно, те самые сомат¹, которых описал Эрнст Мулдашев в книге «От кого мы произошли?», тоже сидят там в скрытых залах, — коротко рассказал Салават.

Услышав имя Мулдашева, Базаров воодушевился.

— В пещере Шульганташ есть сомат? — спросил он с живым интересом.

Салават смутился от неожиданности:

— Я не утверждаю, лишь предполагаю, что они могут находиться в неоткрытых пока залах пещеры.

— А-а-а, — разочарованно протянул Базаров. — А я было подумал, что в пещере Шульганташ и вправду сидят сомат из книги Мулдашева.

Салават испытал неловкость, будто его уличили во лжи:

— Могу лишь предположить такую вероятность. Если бы вы смогли поехать в Шульганташ, то с помощью своих способностей выяснили бы это.

— Хорошо, мы подумаем о поездке. Спасибо за интересное предложение, — ответил Базаров, немного подумав, и направился в аудиторию.

* * *

После окончания занятий поехали в Наро-Фоминский район Подмосковья, в гости к бывшей однокласснице Лилии. Всю дорогу говорили о космоэнергетике.

— Что это такое? Как она появилась в России? Ваши учителя не похожи на шарлатанов? — выведывал у жены Салават.

— Космоэнергетика — способ лечения болезней и очистки от энергетического загрязнения с помощью энергий из космоса.

— Кем же посланы на Землю эти энергии?

— Это чистые энергии, ниспосланные Всевышним для оздоровления человечества.

— Но ведь Он ниспослал человечеству религии, разве этого мало?

— Видимо, в эпоху Армагеддона этого недостаточно...

— А что представляет собой космоэнергетика? Когда она возникла?

— Тибетские монахи десятки, даже сотни лет проводили в групповой медитации, после чего Всевышний ниспослал человечеству космоэнергетические каналы в виде целительных лучей. Во время Великой Отечественной войны с одной стороны — Гитлер, с другой — Сталин снарядили в Тибет экспедиции для получения этих каналов.

— Гитлер и Сталин? Оба они были тиранами. А что если эти каналы посланы темными силами, чтобы ввести человечество в заблуждение?

На лице Лилии отразилось недовольство:

— Да нет же! Космоэнергетические каналы несут миру только добро: исцеляют почти от всех болезней, очищают от всякой грязи, избавляют людей от дурных, даже смертельных привычек — пьянства, наркомании. Как можно подумать, что эти каналы от темных сил?

— А в Россию...

— В нашей стране метод космоэнергетики распространил Петров, он получил эти знания в Тибете.

— Значит, Петров. Базарова этому методу тоже он научил?

— Да, Петров — учитель Базарова, — подтвердила Лилия.

— А где сейчас сам Петров? — продолжал допытываться Салават.

— Говорят, Петров сейчас не занимается космоэнергетикой, прекратил свою деятельность.

Салават глубоко задумался. А мысленно предположил: «Может, Петров разочаровался в космоэнергетике?» Честно говоря, Салават пытался понять, верно ли утверждение Лилии и ее учителей, что эти энергии

¹ Сомат — избранные люди, на протяжении тысячелетий пребывающие в скрытых пещерах в состоянии анабиоза, способные после каких-либо глобальных катаклизмов возобновить человеческую жизнь на Земле.

ниспосланы человечеству Богом? Сомнения одолевали его.

После недельного обучения Лилия получила диплом и положенный каждому выпускнику лечебный канал под названием Фарун-Будда. Вдобавок она приобрела за отдельную плату каналы Миди, Гектас и Фираст.

Оказалось, у космоэнергетов существует своя иерархия. Чтобы стать мастером, нужно получить сорок каналов. Для этого необходимо десять тысяч долларов. Магистр же обязан владеть двумястами каналами. Есть и высшая степень постижения космоэнергетических знаний — прогрессор.

Разумеется, нельзя сразу получить степень мастера, с ходу выложив учителям десять тысяч долларов. Надо еще научиться работать с принятыми каналами с помощью разных упражнений. С этой целью следует заниматься несколько раз в день. Кроме того, даже за неделю невозможно усвоить все каналы мастера. Если такой поток энергии ворвется в сознание неподготовленного человека, он может сойти с ума.

Таким образом, Лилия вернулась из Москвы, как она сама выразилась, став самым первым космоэнергетом в республике. К тому же сменила имя: теперь ее следовало звать не Лилия, а Лилит. «Так велели свыше», — кратко объяснила она.

Кстати, в столице она в корне поменяла отношение к оплате своих услуг. Учителя Лилит объяснили просто: дескать, бесплатно — значит, «бес платит». Потому что за все и за любой труд необходимо платить. Даром ничего делать не надо, да и нельзя. По их мнению, в таком случае платит шайтан, а уж он потом потребует за это непомерно высокую цену...

* * *

По приезде из Москвы Салават занялся своими магазинами. Конечно, назначив в свое отсутствие ответственного человека, он каждый день звонил и справлялся о состоянии дел. Однако, как говорится, за глазами — что за горами: никто не будет стараться так, как если бы работал на себя.

Вечером, вернувшись домой, Салават увидел: опять Лилит лежит вся в поту и стонет. Сердце едва не выскочило из груди. Он подбежал к ней:

— Что с тобой?

— Ох-х, внутри меня... война идет... — Лилия облизнула пересохшие губы и расширенными от боли и страха глазами уставилась на Салавата.

Он испугался, как бы жена с ума не сошла.

— Что ты говоришь? Какая война? — В голове перепуганного не на шутку мужчины уже который раз пронеслась мысль: «Какой же я глупец! И зачем только

связался с этой Зульфией? Жил себе, горя не знал. Не было печали — черти накачали. Что теперь поделаешь, сам виноват. Остается только терпеть».

— Ох-х, во мне, правда, идет война настоящая...

— Объясни, что за война такая? Кто с кем воюет?

— Ох-х, свои энергии, шаманство борются с каналами космоэнергетики!

Оторопевший Салават не знал, что и ответить. Наконец пришел в чувство:

— Но почему они не схватились еще там, в Москве?

— Ох-х, наверное, решили схитрить — выжидали тихонько. Ведь в Москве рядом были сильные учителя, видимо, остерегались их.

Противоборство энергий в Лилит продолжалось три дня и три ночи. Потом резко прекратилось. Жена не могла сказать точно, кто кого одолел в этой войне. Салават полагал, что победили каналы космоэнергетики. Хотя как знать... Может быть, две разные энергии пришли к перемирию, приняли решение как-то ужиться, вести совместную деятельность. Однако Лилит после трехдневной войны перестала в обрядах использовать бубен. Взяла в руки столь дорогой ее сердцу музыкальный инструмент, с тоской, словно в утешение, погладила. Затем, бережно завернув в шелковое покрывало, спрятала в кладовку. Бывает, в некоторых трудных случаях с сожалением вздыхает: «Эх, как силен был мой бубен, мои методы! Все хвори как рукой снимала. А с каналами приходится работать дольше. Зато безопаснее...»

После учебы в Москве Лилит стала работать так: выстраивает посетителей в ряд, выключает свет и включает специальную музыку. Затем, прошептав секретные коды, открывает каналы космоэнергетики. Потом подходит к каждому — не прикасаясь, держит ладони на нужных местах. Сеанс под каналами длится около часа.

А то, что эти каналы реальны, Салават каждый вечер видит своими глазами. Когда они ложатся спать, Лилит открывает канал Фираст — и он начинает ниспадать сверху в виде розовато-фиолетового потока, заполняя всю спальню. До открытия канала Салават из любопытства лежит, подняв обе руки ладонями вверх. Прошепчет Лилит код — отчетливо видимые руки в течение нескольких секунд исчезают в розово-фиолетовом тумане...

Они не засыпают сразу, подолгу лежат, беседуя. Вот и сегодня Салават завел разговор:

— Как ты думаешь, почему Всевышний так жестко запретил прелюбодеяние, внес в ряд смертных грехов, даже приравняв к убийству?

— В школе космоэнергетики нам рассказывали, что в момент соития мужчины и женщины никах невидимой завесой прикрывает и оберегает их. Если же они не в браке, то остаются без защиты и сильнейшую энергию,

возникающую во время соития, забирают себе темные силы.

Салавату стало не по себе: если это предположение верно, то сколько же энергии высосали из него темные силы за всю жизнь? Помолчав, он продолжил:

— Может быть... А я понял так: измена приводит к оскудению любви. Супруги остывают друг к другу, от их ссор и скандалов страдают дети. От этой напасти мучается не только семья, но и близкие родственники.

— Я как вспомню время, когда ты путался с Зульфией, душа стынет. Как я смогла пережить такое, как с ума не сошла?

— Не дай бог...

— Да, пусть нас убережет Аллах. А наши девочки до сих пор не могут простить тебя за Зульфию.

— Простят ли когда-нибудь?

— Не знаю.

— Я ведь осознал свои ошибки, оставил прелюбодеяние, ступил на верный, прямой путь. И не забывай: те страдания стали для тебя толчком к раскрытию целебных способностей. В борьбе с Зульфией ты обрела себя. А теперь своим даром исцеляешь людей, очищаешь их от колдовства и порчи, делаешь добро. В твоём случае подтвердилась теория диалектики Гегеля: борьба противоположностей — источник развития. Да, сложная штука жизнь! Получается, иногда даже греховные действия могут подтолкнуть на верный путь?

— Выходит, что так, наш случай тому подтверждение. А знаешь, в чем состоит мой священный долг? — с воодушевлением спросила Лилит.

— Нет.

— Я должна спасти наш род от влияния колдовского приворота деда Кинзягула. Мне нужно разорвать цепь наказаний. Хватит, мы уже достаточно натерпелись за дедов грех.

— А это дело дозволенное?

— Вчера мне как раз Кинзягул-олатай¹ приснился. Сказал, что только я смогу избавить нашу родню от бесчисленных наказаний.

— Пусть будет к добру твой сон...

— Аминь. И еще сегодня мне ниспослана очень важная информация: решено дать тебе посвящение².

— Что за посвящение? — растерялся Салават.

— Высокое посвящение! За то, что ты смог обуздать свои пагубные страсти, перешел на сторону добра и борешься против зла, тебе решено дать очень высокое посвящение.

— Что это значит?

¹ Олатай (башк.) — дедушка.

² Речь идет о даровании достойному, избранному человеку каких-то знаний, духовных сил, способностей свыше.

— Я еще и сама полностью не вникла. Что велели, то и передаю тебе. Смысл этого посвящения рано или поздно поймешь сам. А сейчас ты просто должен с благодарностью принять его.

— Каким образом?

— Нужно стоять под каналами космоэнергетики для очищения. Пока полностью не очистишься духовно, высокое посвящение принять не сможешь.

Вспомнив о своих бизнес-планах, Салават снова спросил:

— И долго мне придется чиститься?

— Каждый день по полтора часа на протяжении двух недель.

— Хорошо, я согласен. Когда начнем?

— Завтра же.

С началом знахарской деятельности тело Лилии почему-то стало холоднее. Салават хорошо помнит: прежде она была гораздо теплее. А отношения между ними, напротив, потеплели. Чувства друг к другу, казалось, спугнутые бесконечными скандалами и залегшие на самое дно их душ, всплыли вновь, перешли на новый уровень.

Салават переживал, что после такого кризиса они уже не смогут поладить меж собой. Оказалось, сердце и разум могут проложить мостик между супругами. Лишь дочери никак до сих пор не могут простить отца: на помирившихся после разлада родителей смотрят искоса. Недовольны тем, что мать простила его после всего пережитого.

А с Рустамом происходит что-то непонятное. Салават помог сыну поступить в университет, но он не занимался, приходил домой подвыпивший, грубил матери. Мало того, начал подворовывать из дома деньги: если отец не успевал убрать их в сейф, вытягивал из каждой пачки по одной-две купюры. Из-за сына Салават несколько раз уже попадал в неловкое положение перед давними деловыми партнерами. Те звонили и говорили, что, мол, в вашей пачке недостает купюр. Ведь чтобы избежать непосильных налогов, нынче в основном приходится иметь дело с наличными. Салават был в смятении, не знал, как повлиять на сына, увещевания и нотации ничуть не помогали.

Жена винила в этом только мужа: «Сколько семейных денег ты извел на любовниц! Вот сын и повторяет тебя». Когда Салават в отчаянии возражал: «Но я же остепенился, встал на прямой путь! Сколько можно расплачиваться за прошлые ошибки?!», Лилит лишь пожимала плечами.

Позже вскрылась еще одна выходка Рустама: оказывается, он повидался с Зульфией и вместе с ней пил пиво. Еще когда отец путался с ней, она позвонила Рустаму и предложила встретиться, и тот тотчас побежал. Похоже, Зульфия хотела найти в его лице союзника. А Лилит утверждает: она добавила в пиво зелье,

чтобы Рустам пристрастился к выпивке и полностью сбился с пути. Узнав об их встрече, мать продержала сына несколько часов под каналами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хорошо помня, что сегодня первый день подготовки к посвящению, Салават пришел домой пораньше. Тщательно умывшись, встал в центре гостиной и зажмурился. Под каналами обязательно нужно стоять с закрытыми глазами. Он был взволнован.

Лилит включила эзотерическую музыку. Прошептала коды, открыла каналы и приблизила ладони к его груди. Почти сразу из ладоней пошло тепло. Активизировав, как она объяснила потом, одну за другой все чакры, отошла от мужа и села на диван.

Салават начал медленно покачиваться в такт приятной мелодии, будто в ласковых волнах моря...

И накатили думы, словно безудержные волны, набегающая друг на друга... «Верчусь как белка в колесе. Ни на миг не останавливается колесо жизни. День бежит за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем. Аргамак по имени Время мчится так быстро, что не угонишься за ним, не настigneшь, не вернешь. В силах ли кто-нибудь обуздать этого аргмака, который, будто испугавшись чего-то, несет колесницу бытия в неведомые дали?

Скоро семь лет, как мы перебрались жить в город. Все эти годы, гоняясь за деньгами, все больше отдаляюсь от чудесного мира творчества. Вначале мучился, чувствуя себя виноватым. Позже привык утешать себя: мол, завершу очередную сделку и возьмусь за картину. А пламя в сердце все слабеет. А какие удивительные, дивные сны мне снились! В тех снах я лил слезы радости. Сколько фантазии, скрытого смысла в них было! Как часто моя муза приходили ко мне во сне, призывая к творчеству...

Утром Лилит сказала: свыше передали — не вернешься к картинам, Всевышний лишит тебя таланта. Слова жены обожгли мое сердце. О, Господь, прошу, отсрочи свое решение! Я вернусь к живописи. Оправдаю надежды, исполню возложенный на меня долг, напишу произведения, которые могу создать только я.

О Всемилостивый! Безгранично благодарю Тебя за то, что сотворил меня, спасибо за жену и детей моих.

Я всегда знал: отход от своего призвания — это большая трагедия. Ведь оно всегда было первичным для меня. Даже семью я ставил лишь на второе место после творчества. Если семья — цель насущная, первоцель, то любимое дело — цель основная, истинная. Однако золотой телец, погоня за ним, перевернув все вверх тормашками, в одночасье передвинули семью на

первое место. Будучи мужчиной, я не мог позволить, чтобы мои близкие жили в нищете...

Творчество требует, чтобы душа, сердце и ум были возложены на его алтарь и жизнь была посвящена ему. Не получая сих жертв, оно не дает хороших плодов. Золотой телец жаждет такой же цены. Оба они не довольствуются малым...

Мне велено вернуться к живописи... Да, это мое сокровенное желание. Ведь я мечтаю о творчестве, словно заблудившийся в пустыне путник, исстрадавшийся по глотку воды. Сладостная мука и пьянящая радость творчества были высочайшими наслаждениями для меня. Они выше, пожалуй, самых ярких блаженств и соблазнов бренного мира. Процесс творчества приносил мне глубочайшее удовлетворение, внутреннее ликование, духовный подъем. Окрыленная душа моя будто взлетала в горние выси...

Доведется ли мне вновь испытать это счастье? Сейчас не лучшее время для начала важного дела — луна идет на убыль. Новолуние через две недели. Вот тогда и решусь, снова встану за мольберт. Понимаю, после многолетнего перерыва трудно будет окунуться в творческую стихию. Ведь я не могу писать как другие, когда захочу. Перед тем как начать, долго настраиваю душу и сердце на нужную волну.

Эх, написать бы все, что пожелаю, — без оглядки, невзирая ни на чье мнение! Самый суровый цензор для меня, конечно, Лилит... Ясно, как божий день, она растолкует все по-своему, будет ревновать и обижаться. А раз я опасаясь своими картинами обидеть жену, выхожу, я не достиг еще настоящей творческой свободы. Разве возможно, не имея внутренней свободы, подняться до уровня истинного художника и создать великие произведения? Смогу ли я написать когда-нибудь портрет своей первой любви — юной Земфиры? Я ведь всю жизнь мечтал об этом.

Биография моя так сложна и так богата событиями! Поэтому память души многогранна, а жизненный опыт — уникален. Сюжетов столько, что за всю жизнь не воплотить в полотна. Надо найти прежние свои этюды и положить на самое видное место. Чтобы вернуться в творческую колею, начну с них...

Бизнес... Золотой телец не желает отпускать меня, крепко держит. Не подчинит ли он меня себе полностью и не заставит ли всю жизнь гнаться за собой? Чтобы окончательно запутать, лишит дара и оставить с носом. Нельзя этого допустить. А что если я налажу дело как часы, найму надежного управляющего? Может, тогда я смогу одновременно заниматься и любимым делом?

В любом случае я должен вернуться к своему призванию и смыслу жизни — к творчеству, обязан выполнить миссию, возложенную на меня...»

Вдруг что-то начало яростно трясти Салавата, до того чувствующего себя как в челне, качивающемся на ласковых волнах. Будто в море поднялся неожиданный шторм. Это продолжалось минут пятнадцать, пока сеанс не закончился.

Салават, кряхтя, сел на диван. Смахнув со лба пот, проговорил:

— Ну и задали мне трепку — растрясли всего.

— Свыше объяснили, что тормозят тебя для очищения от накопленной грязи, грехов, измен твоих, чтобы вернуть тебя к своей сути, — пояснила Лилит.

— Так и будут трясти две недели?

— Может быть...

Так прошел первый день подготовки Салавата к посвящению.

Продолжение следует.

Мик Стернер СЕНТ-ПОЛ

Рубрику ведет
Евгений Никитин

Мик Стернер Сент-Пол (1894–1972) — американский полковник и писатель. Автор рассказов для детей, научно-фантастических произведений, в том числе сборника рассказов «В Замбоанге у обезьян нет хвостов», романов «Барабаны Тапайоса» и «Трояна». В «Юности» (№ 10–12 за 2016 год) печатался его рассказ «В космос». Рассказ «Ужас морей» был опубликован в журнале *Astounding Stories of Super-Science* за декабрь 1930 года.

Евгений Никитин родился в 1992 году. Заведует отделом зарубежной литературы журнала. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года. Лауреат премии зеленого листка в номинации «Начинающему автору» журнала за 2013 год. Печатался также в «Независимой газете», журнале «Плавучий мост». Выпускник Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета по специальности «перевод и переводоведение». Окончил магистратуру факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета.

Окончание. Начало в № 3, 4, 5, 6, 7, 8 за 2018 год

УЖАС МОРЕЙ

Они прождали около часа. Затем доктор Берд вдруг схватил спутника за плечо и молча указал пальцем туда, где вдаль виднелось крохотное пятнышко света. Оно мерцало, постепенно приближаясь. Доктор подошел к телефону, и «Миннеконсин» переместился на сотню ярдов ближе к берегу. Огонек снова исчез, словно его что-то закрыло собой. Глаза исследователей глубин уже привыкли к тусклому освещению, и теперь было ясно видно, как длинное змеевидное тело приблизилось к сфере и внезапно отпрянуло.

Свет снова зажегся всего в паре сотен ярдов. Вода забурлила, а сфера закачалась на тросе: что-то громадное стремительно проплыло мимо и скрылось в пещере. Луч света повернулся к подводному аппарату Берда; доктор и Карнс разглядели смутные очертания небольшой субмарины, на которой и был установлен прожектор. Вода вновь забурлила: существо, вплывшее в пещеру, теперь возвращалось. Луч прожектора выхватил из мрака огромное черное тело и алые глаза ди-

аметром футов тридцать. Их обладатель снова вернулся в пещеру. Свет продолжал вспыхивать то тут, то там; двое зрителей успели увидеть клюв, как у попугая, только гигантских размеров — в нем поместился бы целый грузовик. Наружу потянулись исполинские щупальца, алые глаза загорелись злобным огнем. Несколько минут свет от субмарины плясал у пещеры, будто играя, а потом зажглись вмонтированные в свод прожектора.

Карнс с Бердом с ужасом узрели осьминога фантастических размеров. Субмарина приблизилась к ним, ее прожектор теперь светил точно в сферу. Она сделала полукруг, по-прежнему освещая незваных гостей, затем направилась обратно к пещере. Прожектора тут же погасли, луч от субмарины повернул в сторону. Доктор в один прыжок оказался у телефона:

— Плывите на полной скорости прочь от берега! Тяните нас за собой!

«Миннеконсин» пришел в движение. Сфера закачалась, и вскоре пещера скрылась из виду.

— Раз уж они знают, что мы здесь, поздороваемся как полагается, — заметил доктор с мрачным удовлетворением.

Он дернул рубильник, и встроенные в сферу большие прожектора зажглись — и очень вовремя: в ту же секунду из мрака появилось огромное щупальце, схватило было их аппарат, но сразу отпрянуло.

— Это существо не выносит света, — пояснил Берд и выключил огни. — Субмарина погоняет его как корову, куда ей нужно, пугая прожектором. Пока мы освещены, нам нечего бояться нападения.

— Тогда срочно включите свет, ради бога! — крикнул Карнс.

— Но я хочу, чтобы оно напало, — спокойно ответил ученый. — У нас на борту нет оружия, и мы не сможем причинить ему никакого вреда, если только оно не атакует первым.

Не успел он договорить, как из-за покрытых витриленом стенок сферы донесся слабый скрежет. Аппарат затрясло, его обитатели повалились на пол. Доктор дополз до выключателя, и сфера снова засияла огнями. Теперь ее обхватывало уже два щупальца, однако под напором света они постепенно скрывались в темноте. Можно было явственно разглядеть очертания огромного животного: оно следовало за незваными гостями к поверхности, не отрывая от них голодного хищного взгляда. Вдали горела искорка света — то была субмарина.

«Миннеконсин» набирал скорость, паровые турбины работали на полную мощность. Подводный аппарат постепенно поднимался все ближе к поверхности. Воды теперь были достаточно светлыми, чтобы можно было разглядеть находящиеся рядом объекты и без прожекторов. Зазвонил телефон, доктор тут же схватил трубку:

— Да. Что случилось? О, вы можете? Тогда стреляйте, конечно. Да, мы в безопасности — над нами футов тридцать-сорок воды.

Он повесил трубку и повернулся к Карнсу:

— Не пропустите это зрелище. Зверюга всплыла на поверхность, и они собираются ее обстрелять.

Обитатели аппарата внимательно смотрели вверх. Полыхнула вспышка, за нею последовал глухой звук. Огромный осьминог стал резко погружаться, отчаянно размахивая щупальцами.

— Прямое попадание! — крикнул Берд в трубку. — Если снова всплывет, стреляйте опять. Я хочу, чтобы оно как следует разъярилось.

Он выключил огни, и осьминог немедленно атаковал. После ранения он стал осторожней и не всплывал на поверхность. На этот раз уже три щупальца обхватили по-прежнему поднимающуюся вверх сферу. На секунду она зависла, а после резкого рывка стала опускаться.

— Трос разорван! — воскликнул доктор. — Включайте свет!

Карнс дернул рубильник. Щупальца охватывали аппарат со всех сторон, так что не было видно ни зги. Но свет возымел обычный эффект, и пленников отпустили. Прожектора высветили плавающее поблизости чудовище. Из одного глаза сочилась кровь — «Миннеконсин» стрелял метко.

Сфера погрузилась на самое дно, всего в нескольких ярдах от осьминога. Воды резко почернели, вокруг воцарился абсолютный мрак.

— Он выпустил чернила! — крикнул Берд. — Сейчас на нас нападут всерьез. Встаньте у стены так, чтобы вы могли дотянуться до переключателя мотора, и держитесь за что-нибудь.

Из темноты снова выдвинулись конечности осьминога, захлестывая сферу. Витрилен застонал под невероятным давлением, но пока держался. Чернильное облако чуть-чуть рассеялось, и стала видна навалившаяся на них туша осьминога. Огромная пасть стала раскрываться на глазах.

— Господи, он собирает нас проглотить! — выдохнул доктор. — Карнс, включить мотор, быстро!

Тут же загудели маленькие, но мощные электромоторы. Заработал поршень. Постепенно содержимое пристегнутого к сфере бака — а это и было модификацией, о которой говорил Берд, — было впрыснуто в тело осьминога через полые трубы, на которые тот навалился.

— Надеюсь, это вещество быстро работает, — пробормотал доктор, видя, как они приближаются к чудовищной пасти. — Я никогда прежде не делал осьминогам подкожных инъекций синильной кислоты, но это должно сработать. Здесь столько отравы, что хватило бы на половину Нью-Йорка.

Пасть все приближалась. Карнс побледнел, но щупальца начали опускаться одно за другим, пока не осталось только одно, подталкивающее сферу к раскрытой пасти. Оставалось совсем чуть-чуть, когда осьминог замер. По щупальцу пробежала явственная дрожь. Какое-то время оно непроизвольно сжималось и разжималось, то почти отпуская сферу, то снова захватывая. Из мрака выскочило еще одно щупальце и хлестнуло по борту.

Витрилен вновь застонал под огромным давлением. Вдруг все щупальца отпрянули, и сфера залегла на дно.

— Карнс, сбросьте балласт! — приказал доктор.

С помощью спутника он привел в действие электромоторы зажимов, которые удерживали прикрепленный к днищу груз свинца, и освободившаяся от лишней тяжести сфера стремительно помчалась к поверхности, выпрыгнула из воды и шлепнулась обратно. Описывающий круги в полумиле «Миннеконсин» заметил их и изменил курс. Карнс и Берд оглянулись на берег.

Как раз в этот момент огромное щупальце вырвалось из воды и взвилось в воздух на сотню ярдов, отчаянно извиваясь. Оно скрылось в пучине, но на его месте появилось другое, а немного погодя в воздухе извивалось уже с дюжину щупалец. Затем они вернулись в море. На мгновение изпод воды поднялась черная туша, и поверхность забурлила, как если бы вокруг бушевал шторм. Потом осьминог скрылся из виду, а сфера закачалась на поднятых гигантских волнах, то ныряя, то взлетая вверх.

Наступило временное затишье. Вдруг Карнс закричал и махнул в направлении берега. Берд посмотрел туда: гигантское чудовище вновь поднялось к поверхности, вздымая три щупальца. В них был зажат длинный черный сигарообразный объект. На их глазах он был разломан надвое, а его обломки раздавлены под напором могучих конечностей осьминога. Щупальца снова начали

мучительно извиваться, потом на пару мгновений застыли в воздухе и постепенно погрузились в глубину.

— Цианид сработал! — воскликнул доктор. — Причем в последней агонии монстр обратился против своего создателя и уничтожил его. Какая жалость! Саранов был гением, хоть и с извращенным умом. И мне хотелось бы узнать, каким образом он добился таких результатов. Впрочем, думаю, когда мы вскроем наземный вход и доберемся до пещеры, там найдется немало ценных сведений. Кроме того, было бы печально, если б человек с таким интеллектом закончил жизнь на виселице, как банальный преступник. Что до похищенного золота, теперь найти его будет элементарной задачей — оставим ее Болтону. Моя помощь тут не нужна.

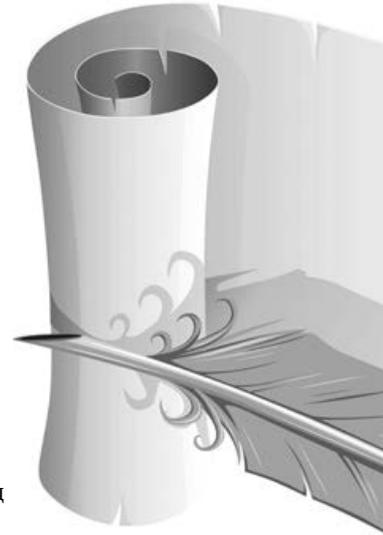
— Доктор, а что насчет того существа, которое мы видели в пещере? Оно не вырастет в новый ужас морей, подобный тому, кто потопил корабль?

— Трохофора? Нет, тут беспокоиться не о чем. Она еще несколько дней не вылезет из пещеры, а к тому моменту мы доберемся туда по суше и включим прожектора. Трохофора останется внутри и умрет от голода. Можно было бы угостить ее торпедой, отправив туда субмарину, но в этом нет необходимости — природа сама сделает свое дело. Меня больше волнует, чтобы «Миннеконсин» поскорее забрал нас: кажется, у меня начинается морская болезнь.

Перевод с английского Евгения Никитина

София АГАЧЕР

Продолжение. Начало в № 6, 7, 8 за 2018 год

ПУТЕШЕСТВИЕ ВНУТРИ СЕБЯ

КАРТИНКА 5. ТРАДИЦИИ. МАРШРУТ: СТАРИН- НЫЕ ИКОНЫ — ОМУТ ВРЕМЕНИ — ЛИПОВЫЕ ОКЛАДЫ — ЧАЕПИТИЕ — САМОВАР — РОНА — БУК- ВИЦА — НЕГЛЮБСКИЕ РУШНИКИ — СТАРШАЯ ЖЕНЩИНА РОДА — ПУТЬ ТРАДИЦИИ

Анна Григорьевна прошла вперед и стала подниматься по лестнице на второй этаж музея. Скрип ступенек убаюкивал меня, и я, следуя за ней, начала погружаться в пространство, населенное потемневшими ликами святых, глядящими на меня сквозь окна-иконы. Запахло ладаном, воском и ароматом трав; словно семя в землю, в мою спящую душу начал проникать некий божественный звук. Сердце заныло и забилося, как перед дверью родного дома, позабытого в странствиях по чужим, большим городам, вокзалам, аэропортам. Деловитость и жажда

книжных знаний отодвинулись, остались только глаза Божьей Матери, знающие все и возвращавшие в меня по каплям энергию любви, намоленную предками за столетия.

Голос экскурсовода, повествовавший об уникальных окладах для икон, вышитых из днепровского речного жемчуга руками ветковских мастериц, мешал и даже слегка раздражал меня, мне казалось, что сейчас любой рассказ только препятствует полноте моего единения с прошлым. Слова-брызги били в лицо и кололи в уши.

— Да вы не слушаете меня совсем! — в сердцах произнесла Анна Григорьевна и резко повернула ко мне голову. — Посмотрите только, какая красота и тонкая филигранная работа в этих резных липовых окладах, покрытых тончайшим слоем сусального золота. Липа — дерево мягкое, но упругое, только из этого материала можно создать такую райскую, объемную, светящуюся изнутри божественным светом красоту.

Кстати, отсюда и пошло выражение «да это же липа!», поскольку липовые позолоченные оклады для икон производят полное впечатление золотых. Хватит вам смотреть на иконы, они затягивают, забирают слишком много энергии этого мира. Голова у вас будет сильно болеть, и сознание можете потерять. Практика нужна ежедневная для общения с такими сакральными пластами прошлого. Очнитесь немедленно, дышите, нельзя так — сиганули в реку времени на серьезную глубину без тренировки, вот силенок-то вынырнуть и не хватает. Пошли-пошли быстренько отсюда к более простому и близкому времени.

Анна Григорьевна пристально посмотрела мне в глаза и практически силой потащила в другой зал музея. Туда, где в огромные окна лился полуденный солнечный цвет и где пузатые медные самовары пускали шаловливых зайчиков. Я даже закрыла глаза от такого резкого перехода из омута времени в яркую столовую как будто бабушкиного дома.

— Ну что, вынырнули, стало легче дышать среди знакомых предметов? — продолжала вытаскивать меня на поверхность времени Анна Григорьевна. — Это прообраз самовара — сбитенник для приготовления горячего медового напитка сбитня. Чай-то появился на Руси только в семнадцатом веке. Самовары использовались не только для чаепития дома, здесь вы видите казацкие походные самовары, в них готовили кулеш и кашу. Сияющий медный самовар стоил очень дорого и свидетельствовал о состоятельности семьи. Его давали в приданое и передавали из поколения в поколение как одну из величайших ценностей, ведь внутри самовара жила душа рода и дома, объединявшая за чаепитием и беседой всю семью. Нередко у пузатого сородича спрашивали совета, слушая, как он шумит, одобрительно или сердито пофыкивает. А уж со вкусом чая из самовара, пропитанного дымком еловых шишек, разве может что либо сравниться? Медный красавец был другом, собеседником, членом семьи. У староверов были строгие обычаи чаепития. Во-первых, чай всегда разливала хозяйка дома, на стол выставлялась всякая вкусная выпечка и варенье, на плечи гостям вешались маленькие рушники — пот вытирать, так как за трапезу самовар ставился несколько раз и выпивалось по десять-пятнадцать стаканов чая. Это уже в начале прошлого века тульские фабрики купцов Баташевых массово стали выпускать самовары по доступным ценам.

— Знаете, Анна Григорьевна, я вам тоже расскажу историю о тульском самоваре, изготовленном на фабрике братьев Баташевых, — решила я поделиться событиями, произошедшими со мной несколько лет тому назад. На-

чалась она в Нью-Йорке, в знаменитом ресторане Russian Tea Room, расположенном рядышком с Карнеги-холлом, где среди ярко-красных диванов и таких же стен, разукрашенных золотыми узорами, стояло несколько десятков медных самоваров — маленьких и огромных, пузатых без труб и с длинными трубами, с узорными ручками и кранами. Представляете, как видят русскую чайную комнату американцы! Они бы сильно удивились, попав в этот музей и поняв, что обычно в заснеженной России единственный самовар стоял в деревянной светлице, где красный цвет встречался разве что на рушниках да на иконах. После этого я стала разговаривать со своими друзьями о семейных преданиях, связанных с чаепитием и с самоварами. Но, к моему великому сожалению, я слышала практически от всех одни и те же слова: «О каком семейном самоваре ты говоришь! Войны, ссылки, репрессии, иммиграции — здесь не то что самовара, даже фотографий предков не осталось. Почти все семейные истории скрывались от детей. Нет, ничего не знаем и не помним!»

Однажды, вернувшись во Флориду и окончательно отчаявшись получить какую-либо информацию о самоварах от своих друзей, я случайно в магазине встретила небольшого роста пожилую женщину, которая, услышав, что я говорю по телефону по-русски, подошла ко мне и обратилась по-английски:

— Здравствуйте, меня зовут Рона, моя семья приехала в Америку в начале прошлого века из небольшого белорусского местечка. Мои прабабушка и прадедушка вместе со своими девятью детьми пересекли океан в трюме корабля, практически без еды и воды. Самой большой ценностью, что они привезли с собой, был самовар. Я хорошо помню,

как моя бабушка рассказывала мне, что они сидели очень голодные в темном трюме корабля и слышали, как пищат крысы. Тогда бабушка начала просить свою маму, мою прабабушку, чтобы та поменяла самое ценное, что у них было, — самовар, на хлеб и накормила детей, а прабабушка ответила ей, что голод пройдет, а самое ценное надо беречь и что ее внучка, которая обязательно родится в далекой Америке, когда-нибудь прикоснется к этому самовару и вспомнит о своих предках и их далекой родине. Моя бабушка пообещала своей матери беречь этот самовар. С тех пор у нас в семье есть старинный русский самовар из Тулы.

Меня тогда поразила история этой американской семьи, хранящей у себя больше века самовар как символ далекой родины своих предков. Видя мой неподдельный интерес, Рона пригласила меня к себе домой, где и продемонстрировала свое сокровище — самовар, изготовленный на фабрике Василия Степановича Баташева. К тому же Рона оказалась замечательной художницей, она показала мне портреты своих бабушки и дедушки, нарисованные ею самой. Все девять детей ее прабабушки переплыли океан, остались живы, получили в Америке образование. Рона не знала, как и почему самовар оказался в ее семье, но берегла его как самую ценную вещь.

— Очень трогательная и символическая история, показывающая, что в самоваре действительно жила душа рода и дома, — сказала Анна Григорьевна, вытирая платочком уголки глаз.

— Да, замечательная. Только с очень грустным концом, — вздохнула я и присела на деревянную лавку светлицы.

— Почему с грустным? Самовар украли, или он сам вышел погу-

лять и потерялся? — попыталась пошутить экскурсовод.

— Нет, самовар просто выбросили за ненадобностью, как, впрочем, и написанные ею портреты бабушки и дедушки, — вспомнила я тот страшный ветренный день, когда я приехала повидаться с Роной.

Перед домом, где она жила последние годы, ее сын продавал ее вещи, среди которых были самовар и портреты. Когда я спросила его, где Рона. Он ответил, что она умерла неделю тому назад в соседнем госпитале. Я не могла поверить своим глазам, что за несколько долларов этот статный, образованный и достаточно обеспеченный мужчина продает реликвию своего рода, и попыталась объяснить ему, что этот самовар означал для его матери огромную семейную ценность, а значит, и для него тоже. На что он мне ответил: «Традиции семьи моей матери умерли вместе с ней, я уже не знаю и не понимаю их, у меня иная культура, я американец. Все, что я могу сделать, — это подарить вам, как русской, этот самовар в память о моей маме».

Теперь этот самовар, не электрический, расписанный для туристов, а настоящий баташевский, ставится у меня в саду под яблоней — и мы пьем ароматный, с дымком чай с пирогами. И я верю, что в нем сейчас пребывает душа моего дома и моему внуку очень нравится колоть деревянные чурочки для его растопки. Вот так, самовар шумел-шумел — и нашумел мне дорогу.

— В этом мире все случается не просто так, и каждая встреча может многое изменить. Но давайте поднимемся на третий, последний, этаж музея, — повела меня опять к лестнице Анна Григорьевна. — Здесь, на чер-

даке, в голове дома живут книги с рукописными филигранными буквицами и рисунками фантастических зверей и птиц. Самые красивые — это певческие книги, ведь церковное старообрядческое пение — особенное. Этот переливчатый музыкальный строй невозможно было передать нотной грамотой, музыкальные традиции певчих передавались только от учителя к ученику, поэтому в Покровском монастыре в XVII–XVIII веках была большая школа певчих и мастерская по изготовлению книг для них. Посмотрите, какими буквицами начинается каждая песнь, как будто райским светом раскрываются пелены прорастающего зерна мудрости и дыханием мороза расцветчиваются оконца книг. Эти буквицы как камертоны: настраивали души и голоса певчих на передачу божественных звуков. Впереди нас ожидает зал рушников, где мы и закончим нашу экскурсию.

Марфа Евграфьевна, прикрыв глаза, сидела за кроснами и ловко перебирала нити, тихо напевая песню и притопывая в ритм правой ногой, как будто качая люльку ребенка. В витринах за стеклами висели красно-белые льняные длинные полотнища с изображениями ромбов, крестов, волн, фигур, напоминающих женские силуэты, птиц, гусей, медведей. У меня неожиданно возникло ощущение обманутой надежды, как будто я рвалась на берег живой сильной реки, а попала к красиво и хорошо оформленным аквариумам. Ощущение глубины и мощи ушло безвозвратно, плечи мои опустились, и слова Анны Григорьевны уже проходили мимо меня.

— Ну что, милая, пусто тебе, ломка, — раздался за моей спиной спокойный, ласковый голос Марфы Евграфьевны. — Хотела жар-птицу словить, да

она в сундуке не живет, она тварь вольная и тайная. Правильно почувствовала, какое тебе дело до того, что ромб — это символ пустоши, а ромб с крестом внутри — это пашня засеянная, ничего это тебе не дает. Зачем тебе уметь читать и толковать чужие судьбы давно умерших людей. Рушник — это дорога или река, рух, путь рода или человека, или войска, или народа, и читать его, толковать или создавать может только ткачиха-ведунья или пряха. Учить же этой традиции должна старшая женщина в семье, которую выберет родовой рушник. Езжай к старшей в своей семье и задай те вопросы, какие хочешь, она, если сможет, на них тебе ответит, а если нет, то даст рушник или пояс, что поведет тебя в дорогу за ответами.

— Есть один вопрос, что мучает меня после вашего рассказа о «Вождении стрелы», можно задать? — спросила я старую казачку, почему-то пряча глаза под силой ее взгляда.

— Спрашивай, гостья, если знаю — отвечу. Отчего же не ответить! — сказала пожилая женщина.

— Марфа Евграфьевна, а что будет, если во время обряда молния на небе не блеснет и дождь не пойдет? — с трудом выдавила я из себя.

— Ты чего стесняешься, правильный ведь вопрос задала. Если во время обряда молния на небе не появится и дождь не заплачет, то большая беда будет на земле. Это значит, что горе, копившееся долго, не уйдет в небо и небесные силы не избавят людей от него. На моей памяти два раза не было молнии и не шел дождь. В 1942 году, когда немцы летом и осенью пожгли наши деревни вместе с людьми, тогда почти все пряхи погибли. И второй раз — в 1985 году. В тот год мои сельчане думали, что проскочили

беду, ан нет: в апреле 1986 ухнул черновыльскый реактор, и почти весь Ветковскый район выселили. Тепер уходи, прощай, езжай своей дорогой, устала я, — оборвала наш разговор пожилая женщина и стала опять стучать ногой, качая воображаемую люльку младенца.

Я поблагодарила Анну Григорьевну за интересную экскурсию и уже на выходе из музея купила схему расселения староверческих скитов. Стрелки уходили на север — к Балтийскому морю, на юг — к Черному и Каспийскому и на восток — через Омск, Красноярск, Иркутск, Байкал — и заканчивались на Аляске.

«Да, права старая казачка, надо ехать к своим корням, к папиной, пока еще живой, старшей сестре, к тете Оле надо спешить, чувствую, ждет она меня», — крутилось у меня все время в голове.

Нельзя познать традиции и свои корни из книг и в музеях. От учителя к ученику, от старшей к младшей, глазами в глаза, от живых уст к ушам — только так можно передать, как создавались староверческие песни, рушники, иконы.

КАРТИНКА 6. НЕ ПОЛОЖЕНО! МАРШРУТ: ПОХОД НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ — СЛУЧАЙНЫЙ ФОТОГРАФ — СТАРИК В МАЙКЕ «Я ПРОТИВ» — ПРИТЧА О ВОЗЛЮБЛЕННЫХ БОГА — ПОЕЗД ГОМЕЛЬ — МОСКВА — ПРОВОДНИЦА — ПАМЯТНИК СТАЦИОННОМУ СМОТРИТЕЛЮ В МОГИЛЕВЕ

Сумасшедший запах сирени щекотал мне ноздри и приподнимал веки, принося с собой ощущение

счастья, какое бывает лишь в детстве. Утро разговаривало голосом радио, а из кухни доносился звон посуды и запах маминых оладушков. Подушки пахли солнцем и ветром.

После завтрака я направилась к железнодорожному вокзалу за билетом на поезд и, глядя вокруг, думала о том, что разница между старинной, деревянной Веткой, где каждый дом обладал своим характером, судьбой и родителями — древними мастерами, и Гомелем, современным городом, центр которого был застроен после войны кирпичными пятиэтажками, растянулась не только на двадцать километров асфальтового шоссе между ними, но и на три сотни лет.

Желтые, голубые и бежевые кубики зданий, только что выкрашенные и вымытые, выстроились в нарядную улицу, разделенную аллеей с побеленными и аккуратно постриженными деревьями. На свежевскопаных клумбах сквера рабочие-озеленители заканчивали высаживать уже цветущие кусты чайных роз и красили в белый цвет бордюрный камень. Впереди меня, посвистывая, вышагивал парень с рюкзаком за спиной, явно любовавшийся этой чистотой и нереальной ухоженностью улицы. Привычным жестом он достал из кармана телефон и начал фотографировать. «Как жалко, что я забыла свой фотоаппарат дома», — пронеслось у меня в голове, и тут же, как будто в ответ на мои мысли, окружающий мир явил рядом с молодым человеком майора милиции.

— Здравствуйте, гражданин, — обратился к фотографу страж порядка. — Зачем вы делаете здесь снимки? Видите, люди работают, украшают свой город, а вы их смущаете и мешаете. Дайте мне немедленно ваш телефон! — про-

изнес он голосом, не допускающим возражений, и протянул руку.

— Извините, но это мой телефон и здесь не военная база, а обычная улица. Почему я не могу фотографировать то, что я хочу? — спокойно ответил представителю власти молодой человек.

— Вы меня не поняли, дайте мне телефон, я сотру снимки, которые вы только что сделали, и идите себе дальше, — продолжал наступать на парня милиционер.

— Это вы меня не поняли, я свободный человек, не нарушаю никаких правил, законов и фотографирую, где я хочу и что мне нравится. У меня есть несколько часов до поезда, вот я и решил погулять по этому красивому городу и сделать несколько снимков на память. А в чем, собственно, дело? — крайне удивленно ответил прохожий.

— Понятно, так вы приезжий и не знаете, что сейчас здесь должен проехать специальный кортеж, поэтому дайте свой телефон, а заодно и паспорт для проверки, — продолжил невозмутимым тоном майор.

Парень протянул милиционеру свой телефон и паспорт. Представитель власти полистал документ, потом стер снимки, развернул и зашагал мне навстречу.

— А вы что здесь делаете, гражданка? Предъявите свои документы! — с тем же напором обратился он ко мне.

— Я иду на вокзал покупать билет на московский поезд, — ответила я, протягивая ему паспорт.

— Вот и следуйте по своему маршруту, а не глазейте по сторонам, здесь не место сейчас посторонним лицам. Не положено, вы русский язык понимаете! Беда с этими туристами! — отчитал меня майор.

Не знаю, чем бы закончился наш разговор, как плетью ударивший меня словами «не положено», но тут из разрыва между домами на улицу вышел очень пожилой мужчина с палочкой. На его голову была нахлобучена выцветшая солдатская пилотка со звездочкой, а одет он был в майку с приколотыми к ней медалями и значками, в центре которой большими буквами было написано «Я против!».

— Так, у вас тут заговор, демонстрацию протеста собираете! Я сейчас покажу вам несанкционированный митинг перед спецкортежем! — заорал майор.

Тут же рядом затормозила милицейская машина, из которой вышли двое здоровенных сержантов и быстро затолкали в нее старика.

Очарование такого чистого и разноцветного города мгновенно рассыпалось, я свернула во дворы и уже по ним добежала до вокзала. «Не положено! Не положено!» — стучало у меня в висках. Я купила билет до Орши, где жила папина старшая сестра тетя Оля, на скорый поезд Гомель — Москва, и в отвратительном настроении, не отрывая глаз от кончиков своих туфель, тем же путем направилась домой.

— Ну-с, и что несешься вся такая «плюнь — зашипит», по сторонам не смотришь, с людьми

не здороваешься?! — раздался ироничный голос дяди Рафы, стоящего рядом с подъездом родительского дома и вытирающего платком мел на руках.

Я подняла глаза и увидела вначале два сердца, нарисованные мелом на асфальте, а сверху там же было написано: «Риточка, я тебя очень сильно люблю, ты наивысшая, ты мой космос, ты моя вселенная!»

Глядя на испачканные мелом руки маминого соседа и его лукавую улыбку, я сразу сообразила, что эту надпись только что сделал он.

— Понимаешь, Пропажа, Риточка — это девочка, что живет на пятом этаже надо мною, и месяц тому назад здесь появилась эта надпись. Потом все, кто проходил мимо нашего подъезда, начали улыбаться и останавливаться. Хорошо стало вокруг! Но счастье недолговечно, и дожди смывали написанное мелом. Я потихоньку стал подрисовывать буквы, а здесь прошлую неделю маялся радикулитом, вот водичка и смыла художества. Вышел я сегодня за хлебом в булочную, а вокруг все какие-то злые, напряженные, вот я и решил в наш двор счастье вернуть! Пока рисовал, кланяясь асфальту и растягивая свою радикулитную спину, придумал короткую притчу. Хочешь первой ее услышать? — поинтере-

совался дядя Рафаил, осторожно присаживаясь на скамейку.

— Конечно, хочу, здравствуйте, дорогой Рафаил Маркович! — ответила я, выдохнув все свое гадкое настроение до капельки.

— Как ты правильно произнесла, точь-в-точь как твоя мама: «Дорогой, Рафаил Маркович!» Хотя соседа с четвертого этажа твоя матушка величает «милый Толя», и я это все должен терпеть! — продолжал меня смешить и разыгрывать дядя Рафа. — Притча же моя вот какая. У Создателя, когда он был мальчиком, была любимая девочка по имени Солнце. Это была очень грустная девочка, потому что ей было не с кем играть. Чтобы рассмешить ее, мальчик создавал для нее планеты и спутники. Солнце радовалось, но планеты и спутники надоедливы все кружили и кружили вокруг нее, заглядывая в лицо и ожидая тепла, и ей опять стало одиноко. И тогда, чтобы развлечь любимую, мальчик вылепил из глины человечков и населил ими одну из планет. Увы, новые его творения также недолго развлекали Солнце. Задумался тогда мальчик и создал новую любимую, а вот способы ухаживания оставил старые. Видно, наибольшее удовольствие Создателю доставлял сам процесс творения!

Продолжение следует.

США

Рубрику ведет
Наталья Якушина

Наталья ЯКУШИНА

Наталья Якушина родилась в 1975 году в Бресте. Сейчас живет в городе Красноармейске Московской области. Окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. Член Союза писателей Москвы. Член Содружества писателей-выпускников Литературного института. Прозаик и драматург. Организатор Международного драматургического конкурса «ЛитоДрама», семинара драматургов при театре «Школа современной пьесы». Рассказы опубликованы в журналах «Юность», «Русский пионер», «Кольцо А», газетах «НГ-Экслибрис», «Московский комсомолец», различных сборниках. Внештатный корреспондент газет «НГ-Экслибрис» и «Книжное обозрение».

ОЧЕНЬ СЛАДКИЙ ЧАЙ

Совместная трапеза объединяет людей. Не перечесть, сколько мы съели бутербродов вместе с моими товарищами по Литинституту. Приятно, когда жизнь тебя сводит с теми людьми, с которыми вместе потом идешь по жизни, которые всегда рады получить твою книгу в подарок и подставят плечо в трудную минуту. С писательницей Тamarой Пономаренко я тоже познакомилась благодаря братству получивших обучение в Литературном институте.

Редкая невестка хвалит свою свекровь, думаю, читателям будет интересно узнать об интересной женщине, свекрови Тamarы, которая прожила в тени мужа-режиссера, посвятив себя кухне. Блюда, приготовленные бабушкой Эллой, оценили по достоинству многие известные личности, которых, увы, с нами больше нет.

ТАМАРА ПОНОМАРЕНКО

Тамара Пономаренко родилась в Омске. Окончила Ленинградский текстильный институт и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. Работала курьером, картографом, экономистом,

В июне мы всей страной вспоминали грустный день начала войны. В рассказе Тamarы Пономаренко есть упоминание о блокаде Ленинграда. А моя бабушка пережила голод в Поволжском крае. Конечно, пережитый голод навсегда меняет людей. Прежде всего, люди не могут выкинуть еду, даже если она пришла в негодность. Моя бабушка пила очень сладкий чай, в котором было совсем мало чая, но очень много сахара. И бабушка Элла из рассказа любила сахар, и вы, любимые читатели рубрики «Кулинариум», наверное, уже догадались, почему. Не дай бог нам всем пережить голод.

Всегда с вами, Наталья Якушина.

Р. С. Пишите мне письма о ваших любимых блюдах, и, возможно, какое-то из ваших писем, самое вкусное, будет опубликовано в журнале «Юность». Или будут опубликованы рассказы хороших авторов о ваших любимых блюдах.

Наталья Якушина

администратором кинокартин, сценаристом, руководителем студии. Была продюсером игровых фильмов «Придел ангела», «Антонина обернулась», а также многочисленных неигровых картин. Печаталась в гуманитарном альманахе «Петербургская среда», в сборниках «Литературная Евразия», «Точки пересечения» и др. Выпустила книгу детских стихов «Кошачье счастье». Член Союза российских писателей. Живет в Санкт-Петербурге и Москве. Имеет двух дочерей.

БЛОКАДА, БАБУШКА, КУЛЕШ...

Баба Эла — бабушка моих дочерей и мама мужа — была семнадцати лет отроду, когда началась блокада Ленинграда. Выжила ее семья благодаря мешку сахара, припасенному для летних заготовок. Тот сахар оказался спасительным чудом, позволившим дожить до эвакуации. Если бы я не знала этой истории, то трепетное отношение бабы Элы к сахару и фразы типа «сахар нужен детям для костей» огорчали бы и заставляли меня спорить. А так ситуация была наглядной иллюстрацией парацельсовского «все есть лекарство, и все есть яд» — дело лишь в мере и уместности.

Выжившие блокадники имеют право на свою житейскую мудрость. Трепетным у бабы Элы — Эллы Андреевны Никулиной — было отношение не только к сахару, но и к пище в целом. Пережитый страшный голод наложил на природную обстоятельность, и она до конца дней своих, как говорится, любила проснуться среди запасов. В ее квартире, где-нибудь в дальнем углу, можно было обнаружить пятилитровую банку обесцвевшейся от времени клюквы (клюква так хранится: заливаешь кипяченой водой — и все). Ничто пищевое не выбрасывалось до последнего: баночки со сметаной или томатной пастой жили в холодильнике до появления на них внушительных коралловых рельефов плесени. Заготовки — соленья и варенья — производились ведрами. Одним из первых вопросов мужу и сыну, возвращающимся из длительных, иногда экзотических экспедиций, был «ну, что вы там ели?», а совсем не «ну, что вы там видели?».

Накормить вкусно и сытно стало философией ее жизни. По общему мнению, Элла Андреевна (по паспорту Энгелисса, так как родители ждали мальчика, приготовив имя Энгельс) была кулинарной экстра-класса. К назначенному застолью она начинала готовиться, как хороший студент к экзамену — за много дней. Дело не в приобретении

продуктов — их все покупали или доставали заранее. Дело в заранее продуманной стратегии и подготовке полуфабрикатов, чтобы — упаси ее господи! — пришедшие гости (в основном горластые ленфильмовские компании) не топтались в ожидании пира, застав хозяйку за дорезанием какого-нибудь салата.

Времена оттепели и застоя не были шикарными с точки зрения продуктового разнообразия, но она научилась выкручиваться. Столы ее были картинками волшебного гастрономического калейдоскопа, которым она виртуозно овладела. Форшмак (с яблочком), фаршированная курица (кожа снималась чулком и набивалась фаршем), лобио (как ни странно, по тем временам — экзотика), печеночный паштет, рыбное заливное — персонально каждому в мисочке, грибы — маринованные, соленые и в пирогах, минимум пять видов салатов, торт «Наполеон» и булочки с заварным кремом. Так угощались гости за один присест, когда Элле Андреевне можно было в духе времени остановиться только на оливье или винегрете, котлетах или пельменях, пироге с капустой или домашнем печенье. В конце концов, можно было остановиться на первом: каких-нибудь щях или борщах. Искусно приготовленное первое было вполне самодостаточным блюдом, на которое можно было звать гостей.

Баба Эла собирала кулинарные книги и рецепты. И с горечью сетовала: «Ни одна хозяйка никогда не даст тебе свой рецепт полностью. Чуть не доскажет — и у тебя, как у нее, не получится». Сама она, будучи совсем нелукавым человеком, на такое коварство была не способна.

Свекровь ввела в мой типично советский обиход загадочное понятие «хозяйка». «У каждой хозяйки есть свой любимый нож», — к примеру, говорила она. И я замирала, потому что фраза была для меня совершенно небытовой. Она

была из удивительного мира, где обитают таинственные женщины-хозяйки. Они, осваивая кулинарное пространство во имя семьи, могли даже удостоиться почетного звания «хорошие хозяйки». Конечно же, за спиной «хорошей хозяйки», по представлению Эллы Андреевны, стояла, в первую и последнюю очередь, образцовая кухня как мастерство. Кухня, расширяющая усредненные привычки и потребности, имеющая следствием почтительную благодарность, изумление, овации семьи и друзей. Кухня как служение и творческая реализация «в одном флаконе». В условиях дефицита и небольших доходов это был не подвиг, но нечто героическое.

Сейчас в Интернете все чаще можно встретить мнение, что традиционная кулинария наших бабушек — наиболее правильное питание из всех предложений ЗОЖ (здорового образа жизни). Глядишь, вторую жизнь обретет и кулеш, он же кондёр, как его называли родители мужа. С этим супчиком у меня связаны такие воспоминания.

Лето мы с дочками обычно проводили на даче. В свое время Никулины, благодаря писателю Юрию Герману, получили участок на Карельском перешейке в поселке Сосново, бывшей финской Рауте. Мобильных телефонов не было. Бабушка приезжала внезапно, потратив четыре часа на дорогу, с продуктами в большой коричневой клетчатой сумке на колесах. Отмучившись в переполненной электричке, с порога, начинала готовить на плитке с электрической спиралью. Могла, как птичка, чуть-чуть поклевать приготовленное — и уезжала обратно к мужу вести свое важное городское хозяйство. Однажды она приготовила большую кастрюлю непонятно чего. В бульо-

не булькали какие-то картошечка с морковочкой, пшенка и сало, пережаренное с луком.

— И что я с этим буду делать? Мы это есть не будем, — рискнула я сказать Элле Андреевне, которая уже торопилась к капитке.

— А Высоцкому понравилось, — кинула она через плечо.

Только так, через некие блюда, от нее можно было узнать интересные семейные истории. И мой свекор, режиссер-постановщик Григорий Григорьевич Никулин, потом подтвердил, что на съемках фильма «713-й просит посадку» молодой, еще неженатый Владимир Высоцкий (именно на этой картине он познакомился с Людмилой Абрамовой, будущей первой женой), действительно, был в гостях у Никулиных, и они угощали его кулешом-кондёром, созданным из того, что оказалось под рукой.

Примеров такого благоговейного отношения к кулинарной стороне жизни мне почти не встречалось. В большой степени оно передалось мужу и двум сыновьям. Кстати, с точки зрения Эллы Андреевны, все ее невестки были плохими хозяйками. Большинство подруг, понятно, тоже подкачало.

Наверное, если бы не война, еда не стала бы для моей свекрови культом и ее сложная натура нашла бы другое применение, другую страсть. Но библейская Марфа воплотилась в ней именно так. «Все есть лекарство, и все есть яд...»

Справка: Элла Андреевна Никулина (1924–2007) — жена режиссера-постановщика Григория Никулина — старшего (1922–2007), мать режиссера-постановщика Григория Никулина — младшего (1955–2007).

Наталья Якушина

ГАЛУШКИ С КАПУСТОЙ

Галушки похожи на хлопья снега. И есть их лучше зимой.

Любимое блюдо. Народное, наследственное, родовое. Простое, не для праздника. Но если галушки на столе, это уже праздник. Событие.

Тесто как для пельменей. Мука, яйцо, молоко. А можно и воду. Но с молоком вкуснее. Соли немного. И мять, мять, чтоб тесто к рукам не липло. Мять от души. Потом рвать по кусочку, можно придать эстетичную форму и бросать в подсоленную кипящую воду. Варить минут десять. А потом смешать с жареной капустой, кинуть сливочное масло, можно добавить для вкуса сметаны.

Я в тесто добавляю соду, а мама говорит, что не надо. А я говорю, что галушки тогда большие. Мягкие. Пухлые. Тают во рту.

Мама же против. Никто не готовит галушки с содой. Ни она, ни бабушка Лиза, ни прабабушка Маша, ни дальше все те, кого мама не знает.

Если б я еще сказала, что вместо галушек варю иногда макароны.

Когда вспоминаю бабушку, на ум приходят прежде всего ее работающие руки. Сухие руки с тонкими пальцами и выпуклыми венами. Бабушка говорила, что те женщины, у кого вены на запястье сильно вздуты, заметны, переживут супруга. Станут вдовами. Такая ладонь называется «вдовый двор».

Вдовый двор... Осенью мерзнет капуста. Греется лишь на большой сковородке. Квашеная пополам со свежей жарится долго. Со сливочным маслом. Можно поджарить бекон для тех, кто любит жирнее.

Можно в блюдо бросить вареной картошки, порезав кусочками. А галушки сварить в воде, где варилась картошка. В деревне воду носить из колодца в мороз тяжело. Да и в картофельной воде тесто вкуснее. Тетя Еня, сестра бабушки, галушки мешала с капустой, картошкой, заливала яйцом и ставила в печь.

Мама жила в Бресте на Граевке, недалеко от вокзала. В частном доме. У нее — две сестры и

брат. В школу шли по тротуару, выложенному наспех из могильных еврейских надгробий. Всегда почти мерзли. В обед только дров натаскают, натопят огромные печи, и вечером можно в тепле посидеть. А утром снова холод пробирается в дом, лезет нагло под одеяло.

Мама рано стала готовить. Дедушка умер. Бабушке стирки хватало.

— Йишь! — говорили в деревне у бабушки.

Бабушка нам, внукам, говорила:

— Ешь! А то ложкой по лбу ударю!

Была у нее ложка деревянная, с расписными узорами, специально, чтоб по лбу бить.

Вспоминается спитой бабушкин чай. Едва желтый, заваренный много раз, зато приторный. Говорю: «Давай заварю чай свежий. Как пить это можно?»

А бабушка не согласна:

— Видали, какие баре!

На детство бабушки пришелся голод в Поволжье. Искали в траве «барашки», рвали, толкли их и ели лепешки. Спитой чай до сих пор за счастье.

Прабабушка Маша, щуплая старушка с бельмом на глазу, боднула корова, родила семеро детей, всех назвала в честь царей и императоров: Елизавета, Яков, Петр... Такая вот блажь. Поэтому получили в деревне прозвище — Царёвы.

Мы, внуки, с бабушкой иногда ездили в ее родную деревню — Сокур. В Саратовскую область. Бескрайние сопки с пахучими травами, быстрые реки... Добрые люди.

Бабушка пережила не только мужей, сестер и братьев, но и вообще всех в деревне. Бабушка встретила только одного знакомого деда в деревне, который сощурившись, вспомнил ее и сказал: «Ты Царёва».

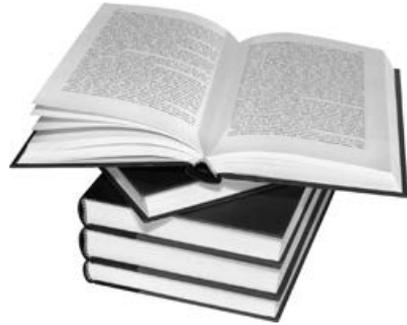
Тают галушки во рту, как снежинки... И хоть и без сахара, сладкое блюдо.

Лучшее блюдо во всей Вселенной. Счастливы тот, кто его умеет готовить. И ест. Со сметаной. Зимой.

Владимир КЛЮЧНИКОВ

Продолжение. Начало в № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 за 2018 год

ПРЕСТУПЛЕНИЕ С ТОГО СВЕТА

ГЛАВА 4. МЕРТВЕЦ-БЕГЛЕЦ

Приехав обратно в Коломну, Вольдемар первым делом отправился в цветочный магазин и купил огромный букет роскошных красных роз. Заказал такси и поехал домой к Анне, будучи твердо уверенным в своем решении. Он знал, на что идет и что ему грозит. Дверь, в трусах и майке, открыл Максим, Вольдемар оттолкнул его в сторону и обутым вошел в гостиную.

— Это тебе. — Вольдемар протянул Анне букет роз. — Ты сегодня очень красивая.

Ошарашенная Анна молча приняла букет, но так и не поняла, что именно сейчас происходит.

— Ты совсем охерел?! — В комнату вошел Максим.

Он попытался схватить Вольдемара за шею, но Бархоткин быстро нырнул вниз и нанес Максиму удар ногой в грудь, так что муженек отлетел на кровать, мягко приземлившись на кучу подушек.

— Только подойди ко мне еще, — без шуток предупредил Вольдемар. — Я тебе ноги сломаю!

— Я сейчас полицию вызову! — жалобно пискнул Максим.

— Вызывай, вызывай... От имени кого будешь вызывать? От имени Максима Шевелькова или от имени Андрея Коробченко?

Максим, находясь в шоке, так и застыл на месте. Имя Андрей Коробченко ошеломило его, парализовав по рукам и ногам.

— Да, да. Мне все известно. — Вольдемар улыбался. — Так кого ты там, Коробченко, хотел вызывать?

Максим молчал. Тогда Вольдемар подошел к Анне, встал на одно колено и протянул ей раскрытую бархатную коробочку с золотым колечком:

— Выходи за меня замуж.

Максим будто язык проглотил, поджал губы и притих. Анна смотрела круглыми глазами на ничего не возмущающего мужа.

— Ничего не понимаю, — сказала она. — Какой-то бред!

— Никакой не бред! Все наяву. А теперь немного конкретики. — Вольдемар поднялся с колен, захлопнул коробочку и стал длинными шагами ходить по комнате. — Дело в том, Ань, что Максим не настоящий твой муж! Он вообще тебе не муж! Скажу больше, это даже не Максим, его настоящее имя Андрей Коробченко. Он сидел вместе с твоим Максимом на одной зоне. Понимаю, неприятная информация, но придется принять как факт.

— Не может этого быть... — промолвила Анна.

— Дело в том, что твой Максим не призывался в армию, он там даже никогда не был.

— А где же он тогда был все это время?

— Он сидел в тюрьме за ограбление продуктовой палатки. Поскольку эта была первая судимость, суд проявил снисхождение и назначил минимальное наказание, всего два года. Однако был один значительный минус. Поскольку у нас в стране тюрьмы переполнены и мест на всех не хватает, Максим Шевельков отбывал наказание в колонии строгого режима, где совершенно другие условия содержания. — Вольдемар перестал ходить из угла в угол и остановился, прижавшись спиной к стене. — Настоящий Максим знал, что рано или поздно его поймают, но он очень сильно любил тебя, Ань, поэтому ни за что на свете не хотел потерять.

Когда ему пришла повестка явиться на допрос к следователю, он вполне отдавал себе отчет, что, скорее всего, его арестуют. Поэтому он соврал тебе, Ань, что его скоро забирают в армию, и тебя совершенно не удивил тот факт, когда он тебе звонил с зоны, что ему предстоит служить два года, но, возможно, и дембель-

нется раньше. Хотя это всем известный факт, что сейчас обязательная служба в армии составляет всего один год. Такая нестыковка должна была тебя насторожить!

— А как же он?! — Анна ревела, закрыв лицо руками.

— Умер, якобы по болезни в тюремном госпитале.

На зоне он подхватил острую форму воспаления легких и спустя месяц помер от удушья. Уж не знаю, помог кто-то ему отправиться на тот свет либо действительно болезнь так подкосила, сейчас по этому факту проводится следственная проверка в отношении начальства колонии. Уведомление о смерти Максима Шевелькова было направлено родителям. Но сама знаешь, отец помер, а мать пьет не просыхая, поэтому смерть сына осталась незамеченной. А дальше начинается самое интересное. Можно я окошко на балконе открою, а то душно тут у вас. — Открыв окно, Вольдемар продолжил: — Первое, что меня насторожило, — это надгробная табличка, которую я увидел ночью во время пожара на кладбище, когда ездил навещать зэка, жившего раньше в соседней квартире до Лгунова. Его посадили за убийство жены, но он здесь абсолютно ни при чем! Но об этом позже. А пока об увиденной надгробной табличке. Мне очень повезло, так удачно совпали обстоятельства!

На кладбище я увидел крест с табличкой и тусклой фотокарточкой, где было написано: Максим Шевельков. В силу определенных обстоятельств я сначала не придавал этому большого значения, но затем случайно увиденная надпись сама собой всплыла в сознании. Тогда я позвонил девушке Пелагее, я познакомился с ней в колонии, все в тот же раз, когда ездил навещать зэка. Пелагея почему-то подумала, что я тайный журналист, и раскрыла мне коррупционные тайны о начальстве колонии, но это вопрос не на мою зарплату, сейчас этим занимаются специальные органы. Вернемся к нашим баранам! Я попросил Пелагею, чтобы она сходила на кладбище днем. Она прислала мне фотографии того места, где похоронен настоящий Максим Шевельков. Все совпало! И годы жизни, и дата, когда Коробченко вернулся якобы из армии под личиной Максима Шевелькова. Андрей и Максим были внешне очень похожи друг на друга. Практически одно лицо! Поразительное сходство! Кстати, к вопросу о сходстве. Есть в нашем преступном поезде еще два похожих пассажира, но эти действительно родственники, родные братья. Это надзиратель в тюрьме и охранник, работавший у убиенного Аристарха Владленовича Лгунова.

— Как? — ахнул от удивления Коробченко.

— Вот так! С легкой подсказки сотрудницы колонии Пелагеи не составило труда вычислить родство. Ведь твое липовое освобождение, Андрюша, проспонсировало агентство недвижимости «УЮТ-terra». Чей логотип

на визитке красуется рядом с логотипом магического салона Лгунова. И раздавались эти визитки всем подряд, все в том же салоне Аристарха Владленовича.

— Лгунов... Мудак! Говорил я ему: погорим мы с твоими фокусами.

— Я сначала долго думал, какая здесь связь? А потом наконец допетрил. Когда я возвращался домой, после загула от прекрасной дамы, я видел тебя, Максим, точнее, Коробченко... Видел вместе не с Губошлеповой, а совершенно с другой женщиной!

— Прекрасная дама? — спросила Анна. — Какая еще прекрасная дама?

— Не переживай, ты гораздо красивее! — успокоил Вольдемар. — До прекрасной дамы мы доберемся чуть позже. А пока давайте разберемся с привидением, которое так часто повадилось посещать это жилище. Вся суть в агентстве недвижимости, точнее, во владелице по имени Татьяна Окуневская.

— Как? Откуда? — Коробченко открыл от удивления рот.

— О-о-о... Вы не представляете, что вам может рассказать охранник торгового центра всего за три бутылки водки.

— Какой еще охранник?

— Охранник торгового центра, где на одном из этажей располагается агентство недвижимости «УЮТ-terra». У которого я вас и встретил однажды ранним утром, вы шли так мило, взявшись за руки. Неужели забыли?

— Взявшись за ручки? У какого торгового центра? — недоумевала Анна.

— Ты, Ань, между прочим, в это время лежала в больнице, когда потеряла ребенка. А муженек твой и не муженек вовсе, в этот момент забавлялся с другой женщиной. Эх! Все-таки сплетни — великая сила для раскрытия преступления! В этом торговом центре все про всех знают, кто с кем спит, кто с кем не спит. Особенно такие люди, как охранники. Кладезь информации! Они же каждый день на посту. Вот один мне и поведал такую информацию, закачаешься! Оказывается, твой якобы муж, который у тебя третий месяц зарплату не получает и не работает нигде вовсе — охранник его опознал, — каждый день под ручку с одной женщиной входит и выходит. А эта самую женщину зовут Татьяна Окуневская, она-то и есть владелица агентства недвижимости, а также владелица компании по поставке биологически активных добавок в аптеки нашего города. Я тут выяснил одну интереснейшую деталь, это активно муссировалось одно время во всех СМИ. В Россию контрафактным путем было завезено около шести тонн просроченного лекарственного препарата «Бра-мострикоз», который вообще запрещен на территории

Российской Федерации. Это такое вещество, из него делают препарат для похудения «Рамонобад». Можно сказать, основной компонент. Ну делают и делают, скажете вы, что тут такого особенного?! А то, что в кофе, от которого у всех поголовно возникали глюки, был добавлен в больших количествах наркотик «Брамострикоз». Теперь внимание! Самый главный вопрос — кто поставщик?

В комнате наступила тишина.

— Нету версий? А поставщик волшебного кофе — компания Татьяны Окуневской. Бинго! — Вольдемар отвесил хук воображаемому сопернику. — Именно ее компания является главным поставщиком этого дерьма! А также, теперь загибаем пальцы, госпоже Окуневской принадлежит агентство недвижимости «УЮТ-terra», магазин подарков и сувениров «Кот Бегемот», откуда та самая маска, что забыл нерасторопный призрак на кухне после нападения с шуруповертом. Маска именно из магазина «Кот Бегемот», это подтверждает ярлык на обороте. И еще ей принадлежит один благотворительный фонд, являющийся главным меценатом музеев и театров Коломны.

— Практически Менделеев, — ахнула Шевелькова. — Большой ум, только с отрицательным значением.

— М-да, почти!.. Это ведь Окуневскую видел журналист Блюров на премьере пьесы «На дне». Это ведь Окуневская сидела на спектакле рядом с Коробченко. Я ведь говорил, что видел! И последнее доказательство. Я сверил даты по журналу, который тщательно ведет охрана торгового комплекса. Так вот, Окуневской в те дни, когда к Ане навевался призрак, не было на работе. Думаю, теперь неоспоримо доказано, кто скрывается под маской призрака.

Дверь шкафа неожиданно скрипнула, и оттуда вышла прекрасная дама, брюнетка с коротко стриженными волосами. Она со злостью и отвращением смотрела на Вольдемара. Неспешно пройдя вдоль комнаты, она присела на диван, откинулась вальяжно назад, закинув по-аристократски одну ногу на другую.

— Не могу в это поверить. Получается, со слов охранника, это вы! Это вы недавно сменили прическу, остригли свои пышные огненно-рыжие волосы и перекрасили в черный цвет.

— А ты, я смотрю, капитан очевидность, — съязвил Коробченко.

— Bravo, bravo! — произнесла прекрасная дама и медленно захлопала в ладоши. — А теперь послушай меня, мальчик, ты вляпался в крупные неприятности. Я тебя с этим поздравляю! Ты нашел на свою задницу приключений. Теперь танцуй!

Вольдемар прикрыл ладонью рот и с ужасом произнес:

— Татьяна Окуневская и прекрасная дама — один и тот же человек. Ексель-моксель! Но... — Высморкавшись в платок, Вольдемар в свойственной ему манере растекся мыслью по древу. — Это получается, вы специально вытащили Коробченко с зоны с целью использовать его в махинациях. Ну и так, вообще, для своих плотских утех. Какая вы все-таки извращенка! Любительница грязных апартаментов и молодого тела! А ведь такая прекрасная дама...

— Да, совершенно верно. Меня зовут Татьяна Окуневская, а для друзей просто прекрасная дама.

— Вы сегодня без парика? — пытался отшучиваться Вольдемар, но это у него плохо получалось.

— Не хаами, сопляк! Пока я тебе язычок не подрезала. Ты с кем тягаться вздумал?!

— Пардон, мадам! Но я только одного понять не могу, каким боком сюда затесался Лгунов? Какова его роль в этом балаганчике?

— Лгунов — придурок! Помешанный на эзотерике и тщеславии. Возомнил себя богом. За что и поплатился. — Окуневская встала с дивана. — Его роль была — служить прикрытием, сейчас в стране пошла целая мода на всяких экстрасенсов, магов и колдунов. Народ толпами ломанулся за неведомой ему помощью, хотя по факту помощи никакой нет. Лгунов продавал воздух, завернутый в блестящую упаковку. — Прекрасная дама достала сигарету и закурила, дым был ей так к лицу. Жадно сделав несколько затяжек, она продолжила: — Но люди такие тупые, что готовы нести последние сбережения, чтобы услышать никчемные советы дешевого психолога, которым грош цена. Советы, завернутые в обертку пророчества. Самовнушение, не более того. Владленович прекрасно справлялся со своей работой, но потом ему от успеха снесло башню. Он же участвовал в шоу по телевизору — «Битва парапсихологов», кажется. Взял у меня займы кучу бабок. Дал на лапу кому сколько нужно, чтобы ему заранее сливали информацию о том, какие будут конкурсы. И ведь победил, чудило! Лучший экстрасенс в России, мать его! Посланник с другой планеты, вот на этой теме его и заклинило. А народ толпами прет, из других городов приезжают, полный коридор клиентов. Столько желающих исцелиться, придурки... Короче, стал наш Аристарх перетягивать одеяло на себя. Даже начал мне какие-то проповеди по телефону читать о бренности души. А когда дело до распила бабок дошло от продажи квартир, отжатых законным образом у его клиентов, он вообще заартачился, хотел практически всю выручку себе заграбастать. Пришлось мне грохнуть его из ружья дуплетом, чтобы знал, на кого пасть разевает. Как говорится, бери ношу по себе, чтоб не падать при ходьбе. — Окуневская засмеялась и выкинула окурок в окно.

— А дед? — спросила Анна. — Разве не дед убил Аристарха Владленовича? По телевизору показывали.

— Ой, я тебя умоляю, — цинично опровергла Окуневская. — Старикашка Макар умственно отсталый от рождения, инвалид. Влюблен в меня по уши. Готов жизнь отдать. Вот я и поставила его перед фактом по приколу. Если любишь — готов на себя мою вину взять, сознаешься в убийстве? Вот он, дурачок, и поперся в телик заявление делать. А журналисты, им того и надо, раздули из мухи слона! Но дедуля в этом плане кремень, человек слова. Если чего сказал, обязательно сделает. А вот пускай теперь следаки носом землю роют и думают, кто там виноват. Дедуля этого колдуна завалил или кто еще... Один хрен, с меня взятки гладки, все равно ничего не докажут.

А тебя, говнюк Андрейка, я по глупости с нар вытащила. Так бы и чалился сейчас на зоне за убийство этой потаскушки-малолетки, если бы я кого надо не подмала. Неблагодарная ты свинья! — Окуневская отвесила Коробченко хлесткую пощечину. — Сучонок неблагодарный! Я тебе чего велела делать, козел? Охмурить эту дуру Шевелькову и развести на бабкину квартиру, так как родственников больше никаких у нее нет, она прямиком тебе достанется, как законному супругу. А ты развел тут семейный быт. Люблю, не люблю...

— Думаю, этого будет достаточно, чтобы упрятать вашу парочку за решетку, — перебил Окуневскую Вольдемар.

— Не беги вперед паровоза! Ты думаешь, я такая дура, чтобы оставить тебя в живых?

В дверь позвонили, а затем сильно постучали кулаком.

— Кто это? — испугался Коробченко.

— А это вас арестовывать пришли, — ответил Вольдемар.

— Ну-ну, — улыбнулась Окуневская.

Анна пошла открывать дверь, но когда она вернулась обратно в комнату, на ней не было лица. Через секунду вслед за ней вошел чокнутый шляпник и его свита, трое мужчин с холодным оружием в руках.

— Значит, так, мальчики! — Окуневская хлопнула в ладоши. — Сейчас вы убьете вот эту девку, а затем и вот этого субчика. — Она указала пальцем сначала на Анну, потом на Вольдемара.

— Что потом? — спросил чокнутый шляпник.

— Потом мы при помощи кофе усыпим этого говнюка!

Андрей Коробченко значительно напрягся, но спорить с госпожой не осмелился.

— И свалим всю вину на него?

— Да! Теперь слушай дальше. Как сознательные граждане, мы вызовем ментов, предварительно обста-

вив здесь все таким образом, чтобы это выглядело как убийство на почве ревности. Посудите сами, люди добрые. Пришел законный муж с работы домой, а жена с любовничком кувыркается! Тут у кого хочешь сердце не выдержит. Вот и зарезал он жену и любовника в состоянии аффекта. А в качестве доказательств вот еще цветы и кольцо валяется, признаки измены налицо. И мотив заодно.

— Го-ло-ва! — с уважением одобрил шляпник.

— Чего стоишь?! Начинай! — гаркнула Окуневская.

— Ребят, помните, как тогда в соседней квартире все обставили? Только сейчас должно быть два трупа, — обратился он к своей свите. — Все понятно? Тогда выполнять!

Бандитская троица с холодным оружием в руках стала медленно приближаться к Анне и Вольдемару.

— Не бойсь, Анька, прорвемся! — обнадеживающе успокоил Вольдемар и ударил бандита ногой по руке, в которой находился нож.

Ножик отлетел в сторону. Обезоружив бандита, Вольдемар нанес ему несколько ударов кулаком в голову, отправив его в нокаут. Второму участнику банды он нанес размашистый удар между ног, будто пробивал одиннадцатиметровый пенальти, но бил не на точность, а на силу. Третий преступник слегка ранил Вольдемара, порезал плечо, но схватку остановила Окуневская. Она достала пистолета и крикнула:

— Тихо!

Все замерли.

— Всё оказалось сложнее, чем я думала, — с жалостью сказала Окуневская. — Прибегнем к более тяжелой артиллерии! Придется тебя, драчуна, завалить из пистолета, и девку тоже... А потом вложим пистолетик в руку спящему Андрюшке Коробченко, и тогда все встанет на свои места. Версия убийства в состоянии аффекта на почве ревности. Идеально подходит!

Окуневская водила дулом пистолета, попеременно целясь то в Вольдемара, то в Анну, решение давалось ей с трудом. Мысленно гадая, в кого же сделать первый выстрел, она покусывала губы и все время одним глазом посматривала на Андрея Коробченко, будто бы задумала переменить изначальную комбинацию. Напряжение повисло в воздухе. Вдруг в комнату через балконное окно, весь обвешанный альпинистским обмундированием, сжимая в руках автомат Калашникова, влетел Витек Тютин. Он ударил Коробченко прикладом автомата по голове и отрывисто прокричал:

— Руки за голову! Всем оставаться на своих местах! Мордой в пол! Полиция!

Окуневская от испуга попятилась назад, нажала на курок и выстрелила в Анну.

— Я люблю тебя! — закричал Вольдемар и закрыл своим телом возлюбленную.

ГЛАВА 5. СВАДЕБНЫЙ ПЕРЕПОЛОХ

В теплый летний вечер на берегу реки Оки в закрытом байк-клубе мотоциклистов движения «Ночные волки» игралась свадьба Вольдемара Тарановича Бархоткина и Анны Витальевны Шевельковой. Повенчались они в храме Пресвятой Троицы, что находится через дорогу от байк-клуба. Венчал союз Анны и Вольдемара старинный приятель Бархоткина священник Виктор Дюков. До того как принять сан священника, Виктор носил прозвище Индюк (производное от фамилии) и играл на барабанах в одном рок-проекте вместе с Семеном Веревкиным, русский аналог американского дуэта White Stripes. В отечественной интерпретации дуэт носил название «Сим-карта на двоих». Надо отметить, что Веревкин тоже присутствовал на свадьбе, правда, в более привычном для себя амплуа артиста. Вместе со своей музыкальной командой «Шыринка» он на сцене дергал за струны электрической гитары и хрипел утробным голосом в микрофон частушку-нескладушку:

Светочка-конфеточка
Задрала подольчик,
Под подольчик заглянул
Мальчик-колокольчик!

* * *

Рядом с Вольдемаром стояла супруга Анна. Изысканное белое платье сексуально облегалo ее аппетитные груди, плечи и бедра. Анна держала бокал игристого шампанского в руках, в ее глазах блестели искорки счастья. Гости бродили вдоль накрытых столов. Мама Вольдемара постаралась на славу, по уникальной рецептуре приготовили мясо «Экстази», салат «Ху из ху», «Слизистый суп», «Кельтские щи», «Фрикадельки из крокодила в реке Лимпопо», «Жареную буку», «Гречневый рис», «Дубовые оладьи», варенье из огурцов, омлет из бананов, острую закуску «Московский муж ушел к провинциальной любовнице», «Северяннинские ананасы в шампанском» и другие оригинальные творения из области кулинарии. Мама Вольдемара очень переживала, всем ли хватит два вагона еды, которые она наготовила. Поэтому в качестве запаса на случай непредвиденной ситуации — вдруг на праздник заглянет Робин-Бобин — решили сделать склад с дополнительными продуктами, чтобы никто не остался голодным. Пищевую заначку разместили в двух шатрах за сценой.

Свадьбу решили провести в формате выездной регистрации. Дизайнер Генрих Сапфиров под псевдонимом Фридрих I сконструировал необычную остроугольную арку. Впоследствии авангардная инсталляция получила крупную премию на одном известном биеннале в Голландии. Работа Сапфирова победила в номинации с длинным названием «Расширение границ современного искусства в форме протеста». Против кого или чего протестовал непризнанный на родине гений, «узник режима» Генрих Сапфиров, науке неизвестно.

Около арки стояла грузная тетка в строгом чопорном костюме, специально приехавшая сказать речь и создать атмосферу настоящей регистрации брака. Хотя на самом деле это имитация: Анна и Вольдемар зарегистрировали брак еще неделю назад. Вдвоем, тихо и скромно, они пошли в загс и поставили размашистые закорючки на нужных документах, тем самым юридически узаконив свои отношения. Аня хотела сначала просто пожить вместе, проверить чувства, испытать отношения. Но Вольдемар сказал категорическое «нет». И сам настоял на венчании. Особых проблем при разводе с самозванцем Максимом не возникло. Как только прокурор вынес официальное заключение, какой Лжедмитрий скрывается под личиной покойного уголовника Шевелькова, брак тут же признали недействительным и аннулировали. Вот тут у Анны и началась депрессия. Еще бы, такие психологические потрясения за месяц. Избиение, выкидыш, фальшивый муж, развод и практически сразу новая свадьба. Замуж она больше не хотела, и Вольдемару пришлось пуститься в долгие переговоры, чтобы затащить невесту под венец. «К чему нам это все? Нашлепка в паспорте. Давай вместе просто жить, и все», — сопротивлялась Анна. Но Бархоткин привел один железный довод, перед которым не устояла бы любая женщина. «Ань, ты понимаешь, какое дело, — непоколебимо сказал он. — Пожить, конечно, можно, это даже удобней в каком-то смысле. Но скрепы нет. Это я сегодня с одной, завтра с другой, а послезавтра с третьей поживу. Никто никому ничего не должен, живу и сплю с кем хочу, а главное, когда захочу. Секс без обязательств — мечта слепого карьериста. В результате упадешь в такой омут, откуда только с помощью психотерапевта выберешься, и то не факт. Жить надо по Священному Писанию, или хотя бы стараться так жить... А что в писании сказано? *Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут оба одна плоть.* И к тому мужчина должен быть обязательно венчанным. Именно в момент венчания мужчина берет на себя всю ответственность за жену перед Богом. За будущих деток, за обеспечение всем необходимым в финансовом и духовном плане. Почему люди в основном расходятся? Потому что они нравственно неокреп-

шие. Они хотят от жизни удовольствий, не понимая, что нужно нести свой крест. Мужчина становится мужем и встает на тропу добытчика, он теперь глава семьи. Он за все в ответе, и перед Богом в том числе. А когда ты просто живешь с очередной сожительницей, то в случае возникновения малейшей проблемы всегда можно указать ей на порог, предварительно упаковав ее вещи в чемодан. Очень удобно, особенно если мужчина идет вверх по карьерной лестнице. Потом, будучи дряхлым стариком на пенсии, он поймет, что даже если ты и достиг каких-то успехов в определенной профессиональной области, даже если тебе вручили Нобелевскую премию по всем номинациям сразу, но у тебя нет семьи, жизнь прожита зря. Никчемная жизнь в погоне за золотым тельцом, который всего лишь мираж на жизненном горизонте, а твое время ушло и назад ничего не вернуть». Услышав столь весомые аргументы, слова настоящего мужчины, Анна, вытирая ладонью слезы с щек, робко произнесла: «Я согласна».

* * *

Несмотря на то что давным-давно стемнело и некоторые приглашенные разъехались по домам, торжественное гулянье находилось в самом разгаре. Гости выкупили куски праздничного торта, устроив настоящую битву в формате аукциона, торгуясь до последнего рубля, кому достанется право первым отведать кусок сладкого угощения. Далее настало время салюта. Рукастые пиротехники постарались на славу и создали такую гремучую взрывоопасную смесь, ничуть не хуже, чем на Красной площади в новогоднюю ночь. Огромные разноцветные шары разрывались на десятки маленьких частичек. Красный, синий, зеленый, розовый, оранжевый, фиолетовый... Поляна байк-клуба то освещалась от ярких вспышек, то погружалась в крошечную тьму. Гости тоже не отставали: вверх вздымались пробки из бутылок с шампанским, шипучая пена наполняла хрустальные бокалы. Всех удивил Костик Вэрд: он налил себе полный фужер водки и залпом осушил его до дна, сказав при этом без запинки: «Хорошо пошла, курва!» Затем пьяный Вэрд, вообразив себя гонщиком Шумахером на трассе «Формула-1», стал нарезать круги вокруг столов на своем инвалидном кресле. Войдя в кураж, он запел гимн Франции «Марсельеза». Сначала его хотели поймать, но потом, махнув рукой, оставили...

— Вольдемар, а ты почему раньше такой робкий был, стеснительный? — спросила Анна.

— Просто я очень сильно тебя люблю, боялся перегнуть палку. Смущался... Это у меня еще со времен студенчества. Но когда человек, который мне дорог, в

опасности, здесь я теряю всякий рассудок. Кажется, это и есть любовь.

— А что, по-твоему, настоящая любовь?

— Хе-хе... Сложный вопрос. Можно я по-простому, как я понимаю? Вот если прямо на пальцах попытаться объяснить, то любовь — это когда ты готов отдать сто процентов своей крови ради любимого человека.

— То есть отдать свою жизнь ради другого человека. А если девяносто литров крови? Ой, процентов!

— Значит, это не любовь, а увлечение! — Вольдемар дотронулся рукой до ноющего ранения и поцеловал в губы супругу.

— Сильно болит, милый? — Аня погладила плечо своего защитника. — Доктор сказал, даже шрама остаться не должно.

— Хорошо хоть пуля навывлет прошла, — согласился Вольдемар. — А так побаливает иногда ночами.

В этот к ним момент подошел Роберт.

— Ну что? Какие дела? Голубки!

— Нормальные дела, — ответила Аня и показала Роберту язык.

— Вольдемар, пойдем покурим, покалякаем, — предложил Роберт.

* * *

Чиркнув зажигалкой и выпустив изо рта огромное облако серого дыма, Элдфорт спросил:

— А как тебе вообще пришла мысль, что это не настоящий Максим?

— Я сам, честно говоря, до конца уверен не был, уж очень они похожи, — ответил некурящий Вольдемар. — Но все началось с того, что я несколько раз навещался в школу, где работает Анна и учился Максим. И под предлогом того, что я тоже работаю в школе и в данный момент собираю информацию для стенгазеты, я получил от руководства школы доступ к архиву. Там я нашел фотографию настоящего Максима, схожесть потрясающая! Но, отсканировав фотографию и сравнив при помощи компьютера изображения, я увидел, что есть существенное отличие в области разреза глаз. Система выявила небольшие отличия в форме носа. Вот отсюда и начались первые сомнения.

— А где ты фотографию Коробченко взял?

— Стащил, когда бывал в гостях у Аньки.

— Ну ты делец! — ухмыльнулся Элдфорт.

— Что там Окуневская, колетса?

— Поет, как соловей! К ней должен приехать какой-то специальный адвокат, еврей из Америки. Она его очень ждет и возлагает на него большие надежды. Посмотрим, что она тогда запоет, когда пообщается с этим адвокатом.

— А кто она вообще такая?

— Она — больной человек! Помешанная на искусстве, неудавшаяся актриса. Не поступила в свое время в театральный институт, занялась бизнесом. Наши психотерапевты выявили у нее нездоровые педофильские склонности. Буквально шизофреническую страсть к молодым людям. Поэтому она сама так боится старости, четыре раза подтяжку лица делала! А ей всего тридцать семь лет.

— Богатые тоже плачут. Точнее, стареют и потом умирают. А как она вышла на Коробченко?

— Андрей Коробченко раньше входил в банду шляпника.

— Тогда лучше расскажи, кто вообще такой этот шляпник.

— Настоящее имя Сергей Шлипнолидзе, кличка Шляпник. Если быть уж совсем точным, чокнутый шляпник. Так вот, этот шляпник — настоящий мясник! Руки по локоть в крови, столько подвигов за ним числится, тьма.

— Это через него они познакомились?

— Да, он свел. Как я говорил, Окуневская — дама, падакая до молоденьких паренков. Естественно, у них закрутился роман. Не могла она себя держать в руках, ей буквально башню сносило от каждой смазливой мордашки!

— Это я заметил. — Вольдемар нервно закашлял, отмахиваясь от сигаретного дыма.

— Потом Коробченко посадили за убийство собственной жены, там отдельная тема. Он обрюхатил девицу, когда та еще училась в одиннадцатом классе. Трахнул школьницу, представляешь?

— А дальше?

— Ну а дальше ты сам знаешь. Как Окуневская его с зоны вытащила, вместо умершего Максима Шевелькова, чтобы руками покойника свои делишки обдeldывать.

— Получается, преступления с того света.

— Да! Чуть не забыл, здесь также замешан благотворительный фонд, помогающий старикам и инвалидам. Они получали через социальные службы полную базу данных одиноких пенсионеров со всех городов. Затем они придумали акцию «Напиши письмо одинокому человеку». И при помощи эзков вступали с ними в переписку. Таким образом, легко и непринужденно выясняя в переписке, так, между делом, кому принадлежит квартира, сколько родственников, предлагали жульнические условия обмена взамен на пребывание до конца в жизни в комфортабельном доме отдыха. А на самом деле обычный гадюшник, неотресторированное помещение, где до этого жили гастарбайтеры. Вот и с Анькиной бабкой приключилась похожая история, нашла она себе такого друга по переписке, Андрей Коробченко зовут. Тот выяснил у нее, что и как... С внучкой в ссо-

ре, родители внучки погибли в автокатастрофе, больше родственников нет. И такого ей наплел про любовь в райских садах Семирамиды.

— И что же бабка?

— Купилась на сладкие бредни и задумалась, чтобы переписать квартиру на Коробченко. Но то ли не успела, то ли с бумагами какая-то юридическая ошибка вышла, но вскоре померла бабка. И большой вопрос, Вольдемар, отчего она точно померла. — Роберт тяжело вздохнул. — Есть вариант, что ей кто-то помог, но мы этого никогда точно не узнаем. Нет, можно, конечно, сделать вскрытие, но шансов мало. После смерти бабки квартира за Анькой стала числиться. Вот Окуневская и устроила игру, как свести наследницу внучку с ума. И без разницы, каким способом, хоть на тот свет отправить, хоть в дурдом. Главное, чтобы поиграться ради забавы... Вот и доигралась, сука!

— Ловко мы поставили ее раком перед законом! Бизнес-леди с рожей Афродиты, двойственная натура.

— Тебе, Вольдемар, крупно повезло! Ты почему раньше не сообщил и не сказал о том, что тебе известно? Не просто же так Окуневская в тот день сидела в квартире у Ани в шкафу.

— Я тебе отправил письмо по электронной почте. И к письму приложил файлы и доказательства, что мне известны. Я также продублировал письмо и отправил копию на мыло прокураторы.

— У нас в прокуратуре одни пенсионеры сидят, они компьютер включать не умеют. Когда бы они прочитали твое письмо, через месяц? Если бы ты не пришел в этот день свататься к Аньке, она бы ее убила, свалила бы всю вину на Коробченко, и потом было бы весьма затруднительно доказать ее вину. Витек бы вовремя не подоспел...

— И чтобы тогда было?

— И все, тютю... Поезд ушел! А так взяли мы ее с поличным, причем с компанией шляпника. Полный комплект! — с азартом произнес Роберт, потирая ладони.

В курилку подошел Веревкин, стрельнул у Роберта сигарету и с наслаждением закурил.

— Во всей этой истории жалко Лгунова, — сказал Вольдемар. — Не знаю почему, жалко, и все. Он стал разменной монетой.

— Ага, жалко! — влез в разговор Веревкин. — Эта скотина сколько раз меня от запоев кодировала. А результат нулевой! А бабок сколько с меня стряс?! — Веревкин задумался. — Я, конечно, на работу каждый день не хожу, я личность творческая. Но если посчитать, это же примерно месячная зарплата среднего работника получается.

— Веревкин правду говорит, — согласился Роберт. — Он наживался на безнадежно больных людях, зачастую

продавая им последнюю надежду. Причем за очень большие деньги продавал. Люди несли ему последнее, а он без зазрения совести обещал исцелить у них СПИД, рак... А иногда даже доходило до того, что этот козел на голубом глазу обещал воскресить погибшего родственника. Так что нечего его жалеть, не стоит он того.

— Действительно, хрен с ним, с этим Аристархом Владленовичем! — поддакнул Веревкин. — Пойдемте лучше водку пить!

— Ты иди, Семен, а мы догоним. Нам с Вольдемаром надо еще кое-что обсудить.

Затушив о фонарный столб сигарету, Веревкин отправился к праздничному столу.

— Может, мы тоже пойдем? — спросил Вольдемар.

Весь этот разговор стал утомлять, часы показывали глубоко за полночь, Бархоткину хотелось просто пойти и лечь спать.

— Я все думаю о том нашем разговоре, — не унимался поддатый Роберт.

— О каком? — спросил Вольдемар, зевая и оглядываясь в сторону столов с закусками.

— О Раскольникове и Даниле Багрове! Почему один старушку замочил и страдает, а другой вон сколько укокошил, и ему хоть бы хны! А ведь оба за правду боролись!

— Ты все о том же! Вечные вопросы...

— Да я разобраться хочу.

— Роберт, ты в своем репертуаре. Идешь по пути, которого нет.

— Как нет?

— Вот так нет. И не было никогда!

— Что ты имеешь в виду?

— Не бывает идеальной чистоты.

— Как и идеальных людей.

— Если серьезно, насколько я помню, Достоевский писал, что всякий сам за все виноват. В смысле, каждый из нас лично виноват во всем, что с ним было и будет в будущем. Мы сами убийцы своего счастья на самом деле.

— Да я не про это. Я про другое понял! Здесь вся суть во всепрощении. Все-про-ще-ние! Ты понимаешь?!

— Притча из Евангелия?

— Я об этом и говорю!

— Это все хорошо, только человек может верить в Бога, а может и нет. А стало быть, вправе сам решать, кого следует казнить, а кого миловать.

— Не хочу в это верить! — закричал на друга Эдфорт. — Хочу верить в последние слова Христовы, что он изрек, умирая на кресте: «Отче! Прости им...»

Возле столов вдалеке среди оставшихся гостей началось оживление. Стряслось нечто ужасное! Люди засуетились и быстро забежали в панике, словно бы пры-

щавый подросток разворошил корявой палкой лесной муравейник. Они тыкались из стороны в сторону, из конца в конец, не зная, куда им деться, от той новости, которую они услышали. Некоторые садились в свои машины, желая покинуть территорию байк-клуба, но главные большие ворота были закрыты. Атмосфера накалилась до предела. Вольдемар и Роберт никак не могли понять, что произошло. Но по-прежнему оставались в курилке и с интересом наблюдали за происходящим. Издалека долетали отголоски кричащих фраз: «Скорую, скорую вызывайте! А полицию вызвали? Может, живой еще? Аптечку из машины захвати!» Затем нарисовался силуэт Веревкина, он бежал в сторону курилки. Встретив на своем пути Анну Бархоткину, он ускори темп. И вскоре, обливаясь потом, находился перед дымящей урной с незатушенным бычком. Согнувшись и держась ладонями за колени, запыхавшейся Веревкин прерывисто сообщил:

— Там Блюрова застрелили! Из револьвера... Девка его бывшая, Карина, кажется.

— Мы в ответе за тех, кого приручили, — подытожил Вольдемар и пошел к званым гостям на брачный пир.

ЧАСТЬ 4. ПОВЕСТИ БАРХОТКИНА

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Взявшись хлопотать об издании повестей В. Т. Бархоткина, предлагаемых ныне публике, я пожелал к ним присовокупить эпическое жизнеописание Бархоткина и тем отчасти удовлетворить справедливое любопытство ценителей отечественной словесности. Я последовал совету своего издателя и написал книгу «Преступление с того света», где достаточно подробно описал приключения моего друга. Кроме повестушек, Вольдемар Таранович оставил множество рукописей, которые частично находятся у меня на даче, частично употреблены его мамой на разные бытовые нужды. Таким образом, прошлой зимой все окна ее маленькой квартирки были заклеены первой частью его трилогии, которую он так и не закончил. Вышеупомянутые повести были, кажется, первым литературным опытом Бархоткина. Они, как сказывал Вольдемар Таранович, по большей части своей выдуманы. Однако имена в них почти все подлинны, а названия деревень и улиц заимствованы из энциклопедического справочника, отчего и моя деревенька Клементьево оказалась упомянута в одноименном сочинении. Думаю, что сие обстоятельство произошло не от злого какого-либо намерения, а, скорее, от недостатка Вольдемаровского воображения. В принципе это все, что я могу припомнить касательно образа жизни, занятий и нравов приятеля моего. Но несмотря ни на что, я

считаю своим долгом уважить старого друга, поэтому выражаю ему глубочайшую благодарность за создан-

ные им произведения и надеюсь, что публика оценит искренность и добродушие его повестей.

г. Коломна, 26.11.2017, В. К.

І. ВАНО И ПОДМОСКОВНЫЕ ГНОМЫ

1. РАБОТА ПО ЗНАКОМСТВУ

Все не так и все не то. Особенно когда сырая осень, которая никак не превратится в русскую зиму. Денег практически не осталось, не можешь устроиться на новую работу. А устроиться на новую работу не так просто, как это может показаться на первый взгляд. Видите ли, одним нужен опыт от трех лет, а другим — наличие коммуникативных данных или красный диплом. Работодатель, который требует красный диплом, видимо, сам женат на девственнице? Или лучше так: работодатель двадцать первого века в поиске идеального человека! А жизнь идеального человека вертится по кругу и в итоге приходит к логическому концу.

Так рассуждал, шагая по малолюдной улице, безработный молодой человек по имени Ваню Мишуткин. Нет-нет! Вы не подумайте, что он какой-то не такой и имя с фамилией у него дурацкие. Хотя имя Ваню уж точно может показаться на первый взгляд странным. Вместо, скажем, привычного русифицированного Иван. Но здесь особый случай! Да не просто случай, а целая романтическая история, уходящая корнями в сказочный мир СССР. Дело в том, что бабушка Ваню — чистокровная грузинка. Она приехала из Тбилиси в Москву поступать в медицинский институт в далекие шестидесятые годы в эпоху Советского Союза. Приехала, да так и осталась навсегда в столице России — вышла замуж за повара из чебуречной на Сухаревской. Но вышла замуж не как все, по циничному расчету, а по большой любви с первого взгляда.

Это произошло на тайном концерте Владимира Высоцкого, который однажды поздним вечером случайно забрел в ту чебуречную, где работал будущий дедушка нашего Ваню. Находясь в творческой эйфории, Высоцкий острограммился после спектакля «Гамлет», собирающего полные аншлаги в театре на Таганке. Его сразу узнали и немедленно вручили гитару с требованием «Спой, Володя! Просим, просим!». В этот же самый момент в кухонной подсобке сидели и играли в карты три повара: Федя, Гриша и Вася. Они отмечали конец рабочего дня. Хотя официально до окончания работы оставалось более двух часов, это никогда не являлось помехой для истинных

героев труда, а стало доброй традицией. Сыграть в дурачка на всяческие желания во время работы — святое дело. И вот изрядно поддатый Вася положил на пустой деревянный ящик козырную карту, червонную даму. При этом, смачно цокнув языком, добавил: «А это на погонь!», наградив кривые Федины плечи двумя помятыми тузами. Вася с удовольствием и блеском в глазах потер ладони, хлопнул себя по ляжкам, выпил стакан портвейна и обратился с вопросом к Грише: «Так-с, ну, теперь желаньце, ффраерок. Чего ему загадать такое? А?!»

— Н-не-е-е знаю... Я, наверное, пойду уже, — промямлил дошедший до кондиции Гриша. — Меня жинка дома дожидается.

— Гриша, сидеть! — Вася вытер ладонью губы. — Жинка дома, говоришь...

Гриша безмолвно икнул в ответ.

— А может, тебе жениться? — продолжал размышлять вслух Вася, почесывая затылок.

— Да на ком же я женюсь?! — испугался Федя.

— О! Точно! Пусть женится, стервец. — Вася поднял вверх указательный палец, на лице его засияла улыбка. — Иди вот и женись.

— Да как же я, Вася, женюсь? На ком? Хватит прикалываться.

— А меня это не волнует, хошь вон на Грише... Хотя нет, у него же уже жена есть. — Все дружно рассмеялись. — А ты вроде не араб, чтоб столько жен иметь, — сквозь кашель и смех не унимался Вася.

— Федюнчик, тебе уже тридцатник, женись на кого бог пошлет, — вымолвил из последних сил Гриша и отрубился.

— Женись на первой встречной! Твои проблемы. Карточный долг дороже денег. А то сам знаешь... — Вася вдруг резко стал серьезным, воровские наколки на его руке только усугубляли положение.

Робкий Федя не осмелился спорить, опустил голову и с неохотой пошагал в зал, откуда доносились звуки расстроенной гитары. И тут его какшибануло молнией: он увидел обворожительной красоты брюнетку, стоящую одиноко за столиком в углу. Светлое платье в горошек, притягательные щечки и длинные ресницы! Их взгляды встретились... Глаза в глаза. Ее гордый стан, благородная шейка, красивые плечи, слегка растрепанные черные волосы.

— Минуточку! Товарищи! — закричал Федя, поднял руки вверх и захлопал в ладоши. — Минуточку! — Он направился к импровизированной сцене, где на стуле с гитарой наперевес сидел Высоцкий. — Спокойствие, я хочу сделать предложение... Да не тебе, — он ткнул локтем в плечо ничего непонимающего Высоцкого. — А вон той прекрасной девушке в углу зала за последним столиком.

Девушка смутилась, и щеки ее слегка побагровели. Она робко потупила взгляд и не знала, куда себя деть. Федя на кураже спорхнул со сцены, толпа наступила перед ним, как море перед Моисеем. Он прошел из одного конца зала в другой, как нож сквозь масло. Встал на одно колено перед брюнеткой и протянул ей наспех сделанное кольцо из оборванной гитарной струны. Толпа заскандировала: «Скажи "да"!» Брюнетка не выдержала плотного накала и сдалась под натиском крика толпы, произнесла во всеулышание отчетливое «Да!». И приняла самодельное кольцо в стиле хенд-мейд.

Затем, когда все разошлись, Федя спросил:

— А как зовут будущую супругу?

— Нино, — ответила брюнетка.

Спустя ровно месяц в одном из московских загсов зарегистрировали брак между Федором Андреевичем Мишуткиным и Нино Давидовной Кивиани. Через несколько лет родилась дочка, которую Нино хотела назвать Софико. Но Федор и его родители были категорически против, и девочку назвали незатейливым русским именем Аня. Анна спустя 20 лет подарила Федору и Нино внука, и Нино твердо стояла на своем. И поскольку муж был у нее под каблуком, мальчика без всяких лишних разговоров назвали Ваню. Затем отцу Ваню дали по распределению квартиру в подмосковном городе Коломне, он вместе с мамой и папой окончательно переехал на постоянное место жительства в этот уютный городок.

* * *

Ваню дошел до конца забора, повернул налево и уткнулся в табличку с надписью «Трамвайное депо». Зайдя в нужное здание, Ваню увидел охранника, тот недоверчиво оглядел его с ног до головы. Ваню спросил: «А где здесь отдел кадров?» Охранник угрюмо указал в сторону длинного коридора и сухо добавил: «Четвертая дверь». Деликатно постучавшись, Ваню вошел в кабинет. Слегка пыльная тетечка уже преклонного возраста из-под огромных «черепаховых» очков с удивлением разглядывала нежданного посетителя. Вообще ей было крайне непонятно, почему кто-то приходит и отвлекает ее от рабочих дел.

— Здравствуйте. Я от Марины Николаевны. Подруги Анны Федоровны, — начал разговор Ваню.

Лицо тетечки приобрело дружелюбную улыбку.

— Мне звонили насчет вас. Так вы садитесь. — Тетечка указала рукой на стул. — Давайте сразу к делу. Смотрите, что могу предложить. Свободных вакансий нынче мало, сами понимаете, кризис.

Ваню с пониманием покачал головой.

— Подыскать вам непыльную работу, увы, не могу, все ставки давно заняты и вряд ли освободятся. Но есть ответственная должность ночного сторожа, хотите?

— Э-э-э... сторож, — замялся Ваню.

— Другого ничего нет, — развела руками тетечка.

— Я согласен.

* * *

Сумерки сгущались над городом. Все заволокло серой туманной дымкой. Ваню торопился на работу, в первый рабочий день и сразу опаздывать — нехорошо! Он спустился на первый этаж, быстро перепрыгивая с одной ступеньки на другую. Врубив на полную громкость в наушниках «ганста-рэп», Ваню устремился в сторону трамвайного депо.

Охранник на входе ничего не сказал про двадцатиминутное опоздание, а лишь обронил вслед: «Будь там повнимательнее. Пацанье всякое местное лазит, ты их гоняй там!»

— Ладно, — ответил Ваню и направился в раздевалку.

Войдя в немного мрачную комнату, где тускло мерцал свет, Ваню нашел свой рабочий шкаф с выцветшим номером 38. Забросив в обшарпанный шкаф холщовую сумку, Ваню раздосадованно подумал про себя: «Эх, надо больше с собой харчей захватить. Целая ночь впереди. А то взял с собой пару бутербродов с сыром и маленький термос с кофе. Отощажешь за всю ночь такой провизией!»

— Ну, с богом, — произнес, он вздыхая.

Заступив на вахту, Ваню отправился на обход территории. Еще не слишком поздно, город находился в движении. Вдоль решетчатого забора, по ту его сторону, проходили любовные парочки студенческого возраста. Видимо, родители не одобряют подобные незрелые романы своих чад, вот и шатаются по городу молодые голубки, дышат «свежим воздухом» урбанистических улиц и мечтают поскорее окончить институт, устроиться на хорошую высокооплачиваемую работу, обзавестись семьей и уже задержаться на плаву в этой непростой жизни. А жизнь человека делится всего на четыре периода.

Первый период (от 0 до 25 лет). Происходит становление человека. Он подвержен всяческому искуше-

ням и порокам, его шатает, как маятник, из стороны в сторону. Он еще не понимает, какую сторону занять в жизни. Именно в первый период совершаются самые глупые и обидные ошибки, за которые приходится потом расплачиваться всю оставшуюся жизнь. Человек неопытен и глуп, подтвержден манипуляционным воздействием, отсюда происходит поиск идеала и формирование революционных взглядов.

Второй период (от 25 до 50 лет). Человек обретает вектор дальнейшего пути. Заводит семью, детей. Делает всю свою жизнь насыщенной смыслами. Эти смыслы, а точнее, один смысл, очень прост! Это сделать жизнь собственных детей лучше, чем она была у тебя. При этом, не забывая, конечно же, этих детишек воспитывать. А то кто тогда подаст стакан воды?

Третий период (от 50 до 75 лет). Дети уже выросли и стали взрослыми, наградили родителей внуками. Человек не понимает, что дальше делать и что вообще происходит... И тогда он начинает искать Бога. Эти поиски подчас нелегки, но дорогу осилит идущий. Кто ищет, тот всегда найдет. Тем более он на самом деле ближе, чем мы думаем.

Четвертый период (от 75 до 100 лет). Человек обрел смысл Бога, теперь ему все ясно. К нему все обращаются за советом и уважительно относятся к его мудрости. Ему нечего больше желать, и душа покидает бренный мир.

— Эй, парень... — произнес кто-то шепотом. — Парень!

Ваню обернулся. У забора стоял бомжеватого вида мужичок и активно жестикулировал.

— Парень, парень! — не унимался помятого вида забудыга. — Прикурить не найдется? А?

Ваню достал из кармана зажигалку и протянул сквозь решетчатый забор мужичку. Он прикурил папироску...

— Оставь себе, я курить бросаю, — по-барски произнес Ваню, и мужичок спрятал зажигалку в карман.

— Новенький? — спросил мужичок, выдыхая изо рта огромное облако дыма.

— Ага, первый день.

— Эх, не завидую я тебе, паря. Ох не завидую...

— Это еще почему? — удивился Ваню.

— Так ведь ты на моем месте! — оскалился мужичок. — Меня отсюда турнули, а тебя уже взяли.

— Ого... А за что турнули-то?

— Вроде как пьяный был. Но не в этом дело! Гномы здесь завелись. Нечисть!

— Какие гномы? — улыбаясь, спросил Ваню.

— Обыкновенные! — Мужичок скорчил и не без того противную небритую рожу, пытаясь для пущей достоверности правдоподобно изобразить якобы увиденного гнома.

— Харэ заливать!

— Чего заливать? Не веришь... Вот и они мне не поверили. Семеныч, охранник, в ту ночь на больничном был. Я один, значит, дежурил. Дело под утро было, уже светать начало. Гляжу, шелест в кустах какой-то, я думал, может кошка какая забежала или еще чего... Подхожу поближе, мать честная! Стоит передо мной гном и малую нужду справляет.

— Бред.

— Не бред... Я ему говорю, что ж ты, паразит такой, делаешь! Аль туалетов тебе мало! Нашел где оправиться. Он как увидел меня, как рванет в сторону восьмого ангара. Гляжу, а справа еще один бежит, перемахнул через забор — и тю-тю, передавай привет.

— Ну ты даешь мужик. Белочка у тебя! Это точно! Результат налицо.

— Я прямо офонарел от этих гномов. Думаю, догонять их резону нету. Давай быстрее звонить в полицию. Говорю, приезжайте быстрее! Гномы по трамвайному депо бегают! И ОМОН, говорю, а еще лучше — спецназ, говорю, с собой захватите, а то мало ли чего...

— А дальше чего было?

— Приехала скорая помощь, все начальство наше трамвайное. Шум, паника! Орут, ты чего натворил, пьяная твоя рожа! Два санитара как скрутили — и в шестую психиатрическую... А потом выдали мне трудовую: уволен по статье! И куда я теперь?! Куда?! Нигде не берут с такой характеристикой. Хожу вот цветной металл сдаю.

— Кодироваться тебе, дядя, надо, — посоветовал Ваню.

— Кодируйся, не кодируйся. А от судьбы не уйдешь. Слышь чо, паренек, у вас тут цветмет есть. Ну, цветной металл. Знаю я одно место, где можно удачно его сбить. Прибыль пополам... Дело верняк!

— Даже не знаю, — задумался Ваню, — а много дадут?

— Иди отсюда, козел! А ну пошел вон! — Сзади раздался голос охранника Семеныча, он шел стремительными шагами к забору, размахивая резиновой дубинкой. — Еще раз здесь увижу — голову откручу! Понял?!

— Слышь, паря, ты подумай над моим предложением. Верняк дело. — Мужичок огляделся и попятился от забора как можно дальше. — Семеныч, не ругайся. Ухожу, ухожу...

— Ишь ты, черт. Лазит тут, иди отсюда! Алконавт гребаный, — возмущался недовольный Семеныч. — Ух, зараза... Это Колька Ермаков, он раньше здесь работал.

— Я знаю, он мне сообщил, — сказал Ваню.

— Ты давай побдителнее тут. Ухо остро! Они тут будут ходить от безделья, деньги на водку клянчить. А ты гони их в шею! Понял?

— Оно, конечно, понятно, но он тут про другое заливал... Мол, гномы всякие тут бегают. Он их как бы поймать пытался, а его в дурдом.

— Ты слушай его больше! Ага, гномики-гомики. Еще ему чего здесь померещилось?! Обожрется паленой водяры и на работу приходит. Я уж и так, и эдак его перед начальством прикрывал. Но сколько можно это терпеть?

— Я тоже подумал, бред какой-то... Мужика, жалко, уволили, он вишь как без работы мается.

— Кольку-то жалко? Сам виноват. Не умеешь пить — не пей! А с перепою еще и не такое померещится. Ты давай тут повнимательнее, добродетель. А то напишу докладную начальству за несоблюдение трудового режима. И будете вдвоем с Коляном на пару гномиков ловить, — зевая, сказал Семеныч и пошагал на свой пост.

«Хм, ну и работка подсунили мне по знакомству. Зашибись просто! Один долбанутый советский старпер эпохи сталинского коммунизма. Второй — шибзданутый алкаш, которому всякая хрень мерещится», — думал Ваню, обходя территорию. Из головы никак не выходили мысли про гномов и уволенного Кольку. «Нет, ну бред же! Бред! Причем полный. А вдруг правда?!»

В подобных мыслях медленно тянулось рабочее время. Глубоко за полночь Ваню увидел силуэт. Пытаясь подойти к нему поближе и рассмотреть — «Что же это еще такое? Наверное, собака какая-нибудь», — он успокаивал свой внутренний страх. Но подойдя ближе, Ваню понял, что это не собака. Получается, какой-то малолетний пацан залез. Ну, сейчас я ему!..

— А ну стоять, — скомандовал Ваню.

Силуэт резко обернулся. Старое морщинистое лицо с бородой никак не соответствовало маленькому росту (чуть больше одного метра). Нарушитель ночного спокойствия ни капли не боялся Ваню, а смотрел на него с уверенностью и превосходством. Во всем его виде проступала имперская стать, гордая осанка изящно подчеркивала непоколебимость. Два красных зрачка сверкнули, как вспышка, ярко-оранжевым цветом, гном улыбнулся и побежал в сторону трамвайных ангаров. Ваню стоял словно вкопанный, вспышка на мгновение ослепила его, он почувствовал, что тело будто бы свело параличом, движения стали заторможенными, и вместо четкой, внятной речи Ваню смог издать невнятное мычание. Он простоял в абсолютно обездвиженном состоянии несколько минут. Постепенно действие непонятной магии стало отпускать. Ноги ломило от боли, будто бы их искушал целый отряд диких муравьев. Ваню потихоньку мог уже делать полноценные шаги. Окончательно расходившись, он направился к трамвайным ангарам с ускользящей надеждой догнать злополучного гнома.

Подойдя ближе, Ваню заметил, что в восьмом ангаре горит свет и слышен непонятный шум. Устремившись туда, он с удивлением узрел, как в него забежали еще три гнома. Подобрав деревянную палку, которая валялась на дороге, Ваню вошел в ангар. Гномы уже завели трамвай и поехали на нем вниз, на минус первый этаж, где находился пункт технического ремонта, который объединял все десять ангаров одним оборудованным сервис-центром. Быстро подбежав к соседнему трамваю, Ваню никак не мог понять, как открывается у него входная дверь и вообще хотя бы любая дверь. Ведь управление находится в кабине водителя, а она закрыта. Как же туда попасть? Замкнутый круг! Долбанные гномы! Ваню разбил камнем лобовое стекло. Раздался стеклянный звон. Прямоугольное стекло разлетелось вдребезги. Посбивав палкой оставшиеся по краям острые осколки, Ваню, уцепившись руками за нижнюю часть рамы, подтянулся и залез в кабину водителя. В кабине находилась черного цвета панель управления: разноцветные лампочки, датчики, рычажки и кнопки. Слева находились две рукоятки, похожие на ручки от обычных мясорубок. Внизу под панелью Ваню увидел две педали: газ и тормоз. Он сам тысячу раз ездил на подобных трамваях в качестве пассажира и наблюдал сквозь прозрачное стекло работу водителя. Но водитель сидел к пассажирам спиной, поэтому толком не было видно, какие кнопки он нажимал. Но в памяти закрепилось, что водитель дергал рукоятки то по часовой, то против часовой стрелки.

«Так, ничего страшного, здесь все как в машине, — успокаивал себя Ваню. — Нажимаем на педаль, дергаем рукоятку. Эврика!»

Трамвай плавно тронулся. Ваню еще несколько раз перещелкнул рычаг рукоятки, сильнее нажал на педаль, трамвай стал постепенно ускоряться и развил скорость девяносто километров в час.

— У-у-у-а-а-а! — кричал Ваню на весь ангар.

Он сделал один большой круг и направил трамвай вниз, в сторону сервис-центра. Скорость заметно увеличилась, так как трамвай шел с горочки, как по накатанной. Ваню вошел в кураж и официальным голосом произнес в микрофон для объявления остановок:

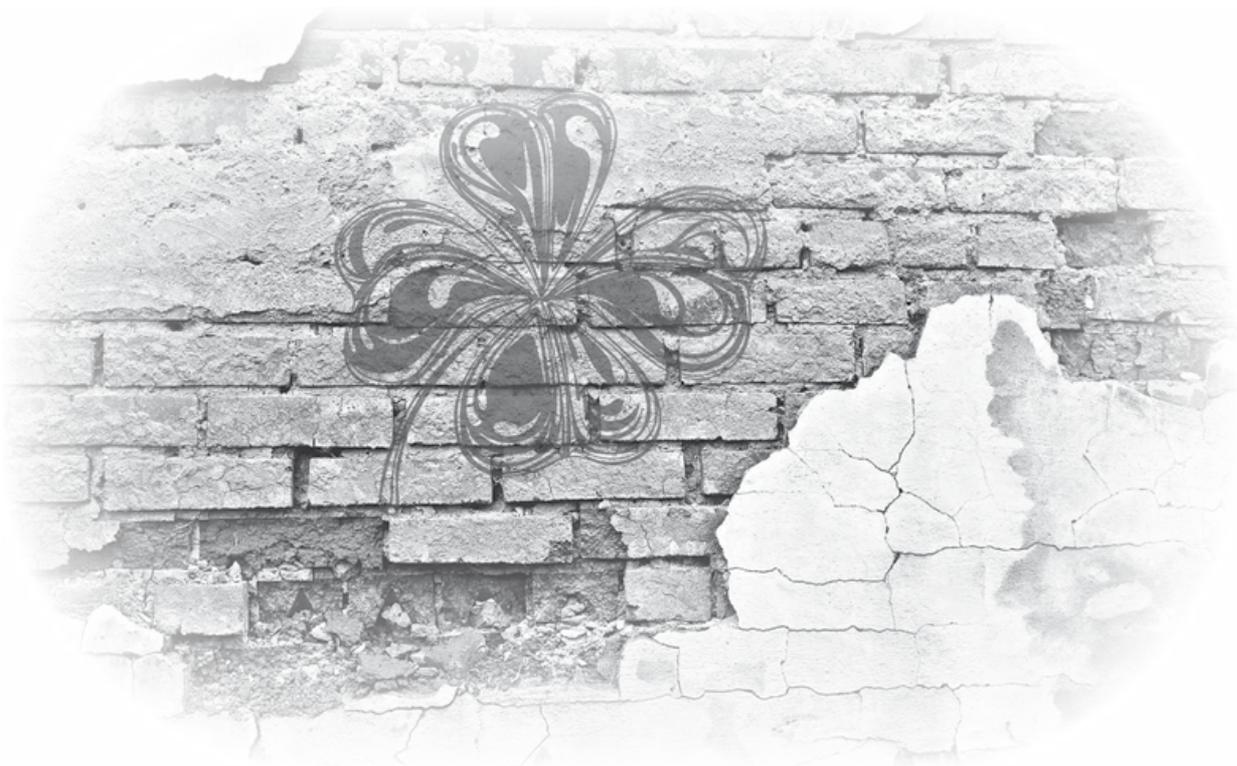
— Держитесь, противные гномы! Иду на таран, как Талалихин!

Въехав на огромной скорости в сервис-центр, Ваню никаких гномов не обнаружил. Однако управление трамваем вышло из-под контроля. Штанга токоприемника отлетела в сторону. Вагон вынесло на другие рельсы, где находилась смотровая канава и сразу же начиналась кирпичная стена, на которой в стиле граффити красовалось огромное изображение зеленого четырехлистного клевера.

До стены оставалось пятьдесят метров. Трамвай мчался на огромной скорости! Пытаясь затормозить, Ваню резко повернул рукоятку тормозного крана до упора влево, вдавил педаль тормоза на полную. Тор-

мозные колодки максимально сдавили колеса, но скорость была слишком большая. Столкновение с кирпичной стеной неизбежно. Ваню зажмурил глаза.

Окончание следует.

Игорь УСАНОВ

Игорь Усанов родился в 1970 году в г. Петровске. Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии. С начала 2010-х годов работает в научном, научно-популярном и художественном жанрах. Автор книг «Двадцать лет на одной ноге, или Менестрель на галере» (2011), «730 дней в сапогах» (2012), «СА», «8/6» (2013), «Фантазмагорицкия пиески не для постановки; Протубертатный период», «Многоэпизодные посягатели России и СССР (XVIII—XXI век)» (2014), «Следствие ведут Жеглов и Шарапов» (2015), «...пресловутая "Черная кошка" заботится наших ребят!» (2016), «Шесть правил Глеба Жеглова» (2017), «А теперь — "Горбатый"!» (2018). Организатор Саратовского клуба любителей юмора «Сатиреконец» имени А. Т. Аверченко.

СМЕЛОЕ ИНЖЕНЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

Санек Якунин с детства отличался тем, что у него варила голова. Для него не было неразрешимых проблем. К примеру, надо было срочно сделать скамейку. И не просто скамейку, а чтобы на ней еще можно было сидеть. И чтобы не просто сидеть, а чтобы выдерживала вес двух взрослых людей. Все было хорошо, потому что все было — молоток, гвозди... Не было главного — не было досок. Санек Якунин шел в парк, находил несколько толстых веток (разумеется, упавших, а не отломанных), укорачивал их только одному ему известным способом, как-то их друг к другу приспособливал, вколачивал по гвоздю в каждое сочленение — и готово! Когда его спрашивали, что это такое, Санек Якунин знал что отвечать. «Это, — говорил он, радостно улыбаясь, — смелое инженерное решение. Вот так!» Люди недоверчиво присаживались и спрашивали: «Ну и сколько выдержит это смелое инженерное решение?» «Полчаса, — отвечал Санек Якунин. — Можете засекают время...» Люди присаживались, засекали время — и точно: через полчаса летели вверх тормашками под ближайший откос...

Санька Якунина в школе очень уважали за его выдающиеся инженерские способности, а первая красавица класса — Таня Буренина — даже любила.

Однажды четверо мальчишек — Санек Якунин, Валерка Каляпин, Женька Каневский и Андрюша Ефремов — решили сгонять на великах в лес. Они долго готовились: смазывали оси салом, подкручивали гайки, подкачивали камеры почти чистым кислородом. Санек Якунин, идейный вдохновитель пробега, учил: «Так, парни... По Кумыске иногда поливановские гоняют, велики шакалят... Цепями сцепятся и носятся. Короче, что бы ни случилось — не останавливаться, на полной скорости — только вперед! Если остановят, начнут бить — никому не плакать. Кто будет плакать, тому — каюк. Все поняли? По седлам!» Доморощенные мушкетеры покорно кивнули и оседлали своих двухколесных коней.

Колонна втянулась в лес.

Мушкетеры весело крутили педали, а сами зорко посматривали по сторонам — не видны ли поливановские... Враг нигде не показывался: то ли поливановские ехали по другой дороге, то ли у них был сегодня выход-

ной. Доехали до Кумыски. Тут все мушкетеры захотели пить. Санек Якунин, который знал решительно все, вспомнил, что где-то неподалеку есть хитро замаскированный под брошенное строение колодец. То есть колодец был внутри, а брошенное строение — снаружи. Но все равно — маскировка была хитрая, а Санек Якунин, как будущий военный, хитрость уважал. Но тут же допустил непростительную оплошность, не выслав к колодцу разведку. Он приподнялся в седле и, указав на неприметную хибарку, сказал: «Ну что, парни, вот он, водопой! Айда!» И чуть ли не первым припустил к колодцу. Хорошо, что его обогнал самый большой и больше всех измученный жаждой Андрияша Ефремов. Андрияша Ефремов подлетел к проему, притормозил и, на всякий случай не слезая с велика, заглянул внутрь. «А-а-а!» — заорал он и втопил на третьей космической куда-то вдаль. «А-а-а!» — заорали поливановские, выскакивая из засады и хватая захованные по кустам велики. «А-а-а!» — заорали остальные мушкетеры, пытаясь догнать Андрияшу Ефремова во главе с Саньком Якуниным.

Через полчаса поливановские отстали...

Оторвавшись от гвардейцев кардинала, мушкетеры решили передохнуть и осмотреться.

Осмотр имущества показал, что заднее колесо у велика Валерки Каляпина безнадежно пробито и спустило, а переднее колесо у велика Андрияши Ефремова напоминает восьмерку (спасаясь от погони, Андрияша во что-то врезался и сам не помнил, во что). Остальные велики оказались чуть помяты, но целы. Пострадавший инвентарь следовало привести в порядок. Санек Якунин достал портативный гаечный ключ и принялся что-то лихорадочно мастрячить. Он решил соорудить тандем — из великов

Валерки и Андрияши сделать один. Для этого он на спустившее колесо поставил запасную камеру, «восьмерку» снял, а руль велика Андрияши пришпандорил к багажнику велика Валерки. «Что это?» — спросил потрясенный Андрияша Ефремов. «Смелое инженерное решение», — отрезал Санек Якунин, укладывая в багажник портативный гаечный ключ. «Как же мы теперь поедим?» — спросил Валерка Каляпин. «Очень просто», — ответил Санек Якунин. «Ты, Андрияша, более длинный, садись на переднее седло, будешь рулить... Ты, Валерка, поменьше, садись на заднее седло — будешь крутить педали. Снятое колесо привяжем к спине Женьки. Вроде запаски. Так, теперь не спеша садитесь...»

«А-а-а!» — заорали поливановские, выскакивая из за поворота.

«Погнали!» — страшным голосом заревел Санек Якунин, и погоня продолжилась. Для наших мушкетеров все могло кончиться очень и очень печально, поскольку «смелое инженерное решение» явно не выдерживало темп, но тут Женька Каневский, как заправский тореадор, швырнул запаску прямо в самую кучу поливановских. Спаянные одной цепью, они разом попадали друг на друга, подняв клубы пыли. Когда они наконец расцепились, наши мушкетеры покинули зону их видимости.

Через пятьсот метров Андрияша Ефремов упал в траву и простонал: «Стоп, стоп, хорош, Валерка! Да не крути ты больше педали! Уф... Никогда так быстро не бегал. Хах! Давайте на мое место кого-нибудь другого...»

Санек Якунин посмотрел на него, потом на Валерку, потом на Женьку — и потянулся за портативным гаечным ключом...

г. Саратов

Боль души

Эта книга учит нас доброте, внимательному отношению к животным. А они ответят тройной преданностью и любовью к нам. Я считаю, что эту книгу необходимо изучать в школьной программе, чтобы с детства приучать детей к доброте и заботе о животных и окружающем нас мире...

Пьяные морды, глаза пустые, оловянные и бессвязная речь. Одни из них, с длинными, давно не мытыми сальными волосами, заметив пса, подошел к нему:

— Что, пива, хочешь? — и хотел подсунуть ей бутылку.

Пес ощетинился и угрожающе зарычал.

Матерясь, пьяный балбес отскочил от него и, размахнувшись бутылкой, хотел ударить.

Олег Николаевич, наблюдавший за этой сценой, схватил хулигана за руку и вырвал бутылку.

— Ты че, дядя, тоже пива хочешь? — воскликнул длинноволосый.

Его квадратная морда исказилась яростью. И тут же последовал сильный удар кулаком в живот, от которого Олегу из-за тесноты повернуться не удалось...

Наталья Корягина, учитель, Курск

Галка ГАЛКИНА:

Наталья, о каком Николае Гавриловиче идет речь?! У нас мнения разделились.

Одни думали, что Николай Гаврилович — Чернышевский, а другие — Славянов — русский инженер, изобретатель электрической дуговой сварки металлов. Но, порывшись в письме, мы обнаружили автора этих замечательных строк: Николай Абрамов!

Окромя рассказов, Николай Гаврилович из Курска пишет стихи:

Журка, Журка, ты тужурка.

Васик. Васик, ты колбасик...

Думаем, Наталья, что настала пора и просто жизненная необходимость обратиться напрямую в Минобразования, чтобы ввести в школьную программу стихи и прозу Николая Гавриловича. Ведь проникновенные строки о Журке и Васике-колбасике достойны того, чтобы занять свое законное место в антологиях. Да и пьяным мордам давно назрело — дать яростный отпор!

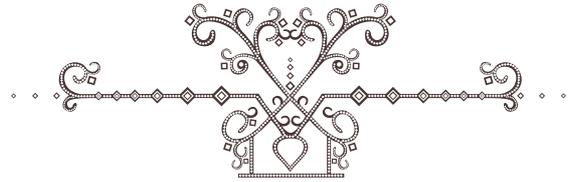
Пусть будет больше Николай Гаврилычей, хороших и разных!

«Букер». Поминальная

Когда она научилась делать вид, будто знает французский, ей стало легче делать вид, будто она знает английский.

Трумен Капоте. Завтрак у Тиффани

Начало марта для премии «Русский Букер» — время оглашения условий премии на текущий год, нового состава жюри и запуска премиального процесса. Однако второй год подряд эта традиция нарушена тем, что к указанному сроку у премии нет попечителя, а следовательно, и финансирования.

В прошлом году, в аналогичных обстоятельствах, отклик с предложением прийти на помощь оказался даже шире, чем мы могли ожидать. Все-таки и времена нелегкие, и престиж литературы (или культуры вообще?) не так высок, как еще в недавнем прошлом... Мы остановили выбор на компании «Фетисов Ил-

люзион», у которой, помимо желания поддержать отечественную словесность, был свой интерес в литературном пространстве, поскольку, выступая продюсером российских фильмов, ее представители ощущали необходимость в добротном литературном материале.

Мы благодарны за год совместной работы, а если о чем-то и сожалеем, так только о том, что вместо традиционного объявления в начале марта о начале премиальной процедуры извещаем издателей, авторов, читателей, о том, что старейшая независимая литературная премия новой России «Русский Букер»

ИЩЕТ СПОНСОРА

Эти слова на сайте одной из старейших литературных премий в новейшей России напоминают набат!

Ужас! Куда бежать? Что делать? Кто виноват?

Чтобы ответить на эти и другие не менее проклятые для современной литературы вопросы, вернемся немного назад, в 90-е.

Традиция, когда большие деньги определяют лучший роман или книгу, — не самая блестящая. Она зародилась в конце 90-х, когда государство

перестало командовать литераторами, «благодаря» масштабным реформам в живых осталось одно-единственное государственное издательство «Художественная литература», все остальное пошло прахом.

Помог, как обычно, Запад в лице Booker Prize — одной из самых престижных наград в мире английской литературы.

Но «Русский Букер», пожалуй, не стал слепо копировать английские традиции, а за все годы

своего существования выдавался строго по очередности и своим людям. И когда в 2005 году неожиданно для организаторов жюри выбрало роман Дениса Гуцко «Без пути-следа», тогдашний председатель жюри — Василий Аксенов — отказался вручать ему премию, ссылаясь на свое особое мнение.

Не знаю, насколько это было нужно спонсорам — освещать сугубо клановое мероприятие, которое становилось с каждым годом более камерным и предсказуемым. Думаю, что если бы на лауреата премии «Букер» можно было бы делать ставки в какой-нибудь букмекерской конторе, то ставки на «Букер» не принимали бы вообще.

Поэтому поиск спонсора стал для «Букера» традиционным. Даже после того, как секретарем «Букера» стал шекспировед Игорь Олегович Шайтанов, шекспировский проклятый вопрос — быть или не быть — не исчез из повестки дня.

Впрочем, по сути «Букер» сделал свое дело, «Букер» может уходить. «Букер» дал мощный толчок премиальному движению. Литературные премии начали расти как грибы.

Начиналось, правда, не все и не всегда гладко. Интеллигенция, как обычно, сомневалась, можно ли вот так напрямую брать деньги, не напоминает ли это Сонечку Мармеладову?

По слухам, положение дел, спайку бизнеса и литературы, спас Георгий Фридонович Урушадзе, призванный наладить связь с дышащими на ладан журналами и крупным бизнесом. Памятное братание происходило в большом зале ЦДЛ. В зале сидела замороженная литературная общественность, главные редактора «толстяков» и будущие лауреаты. По залу бегал тогда еще никому не известный Гоша Куценко, укутанный в простыню. Остановившись возле кресла одного из редакторов, он спрашивал:

— Ты кто?

— Я главный редактор журнала...

— Мудак ты, а не главный редактор, — молвило лихо в исполнении Гоши и мчалось дальше.

И вроде литературная жизнь стала лучше, стала веселее. Но вот единственная наследственная хворь, с которой не справились учредители, — это азиатская клановость, когда премия выдается человеку из своего жуса. Прорваться вчастливое завтра обладателя круглой суммы людям из закулурии, издательствам, расположенным за пределами МКАД, почти невозможно.

Иногда, правда, организаторы устраивали нечто вроде аггрейда, выдергивая, словно морков-

ку из грядки, какого-нибудь постороннего. Но его никому и ничего не говорящее имя исчезало сразу же после того, как рассеивался салют и словопрения на церемонии вручения.

Поэтому премии «Ясная Поляна», «Русский Букер», «Национальный бестселлер», «Большая книга» и немногие другие — показательный пример того, как хорошие и умные люди, литераторы, критики и писатели душат в своих объятиях отечественную словесность! Это напоминает убийство в романе Достоевского «Братья Карамазовы»: все подозреваемые в злодеянии — хорошие и благородные люди, а убийца — жалкий и ничтожный Смердяков.

В последнее время публика явно заскучала! Да и Третьяковы, Цветаевы, Мамонтовы и другие не спешили помогать.

И вот первый гром в благородном премиальном семействе грянул в 2015 году, когда приказала долго жить премия для молодых дарований «Дебют». Гуманитарный фонд «Поколение» Андрея Скоча прекратил финансирование проекта, который плодил два десятка лет петиметров с необузданной фантазией и тщеславием. С литературой дело обстояло настолько туго, что даже пришлось поднять возраст соискателей, а когда и это не помогло, то, поправив благосостояние организаторов, премия скончалась в недолгих конвульсиях.

На очереди литературный оксюморон — «Русский Букер».

Впрочем, прошлогодний выбор жюри, отдавшего приз Александре Николаенко с романом «Убить Бобрыкина», было сигналом кризиса. Духовного. В ответ на это литературное недоразумение хочется процитировать один самых известных сонетов Шекспира:

Зову я смерть. Мне видеть невтерпех
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье...

«Если наш «Букер» уйдет, то его место будет зиять в пространстве современной литературы», — сетует Игорь Шайтанов.

Не будет, Игорь Олегович, поскольку на этом месте давно дыра или пустое место. Много шума из ничего!

Премия «Русский Букер» смыкает очи.

Аминь!

Игорь Михайлов

Очарованный странник

Страна самураев

их нрав

Дмитрий РЯБУШКИН
Читайте на стр. 70

Лицом к лицу

Романтический Петербург

Беседы с Никасом САФРОНОВЫМ
читайте на стр. 11

by ana4220